

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2017

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

СТАТЬИ

С.Е. Фёдоров — Генезис британской аристократии в начале XVII в. 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Л.И. Ивонина — Август Сильный 21

СООБЩЕНИЯ

Ю.Н. Тимкин — «Лапинская авантюра» в Вятке в марте 1918 г. 44

Г.Б. Азаматова — Местные органы продовольственного снабжения армии и населения в 1914—1917 гг. (по материалам Уфимской губернии) 57

Д.В. Васильев — Судьба Ташкента накануне образования Туркестанского генерал-губернаторства 69

И.А. Мальцев — Дело об «отсуждении из рабства» джунгара А. Алексеева 85

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

П.А. Искендеров — Албанские восстания 1908—1912 гг. в контексте формирования албанской государственности	95
---	----

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

И.А. Петров — Хайдарабад в системе британского правления в Индии	107
---	-----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ч.Х. Чой — Об одном малоизвестном князе в истории Северной земли Киевской Руси конца XII — начала XIII в.	118
---	-----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

К.Б. Назаренко, М.А. Смирнова — Неизвестный летописец русской гвардии В.С. Савонько	127
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Н.В. Чернышёва — Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Кировской области в годы Великой Отечественной войны	141
--	-----

Х.Г. Магомедсалихов — Советская модернизация в Дагестане в 1917—1940 гг.	149
--	-----

Л.А. Дашкевич — Уральские заводы в условиях санкций (опыт Нижнетагильского округа Демидовых начала XIX в.)	157
---	-----

Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева — Образ высшей власти и Московии в музыкально-гимнографическом творчестве царя Ивана IV Грозного	164
---	-----

Р.Э. Агаев — Переселенческая политика Арабского Халифата в Азербайджане	169
--	-----

От редакции

Предложение министра образования и науки России Ольги Васильевой сделать выпускной экзамен по истории обязательным в системе ЕГЭ породило нешуточные дискуссии. О том, что Единый государственный экзамен по истории через три года станет обязательным для выпускников средней школы, министр заявила в мае текущего года. По ее словам, «в 2020 году вся страна будет сдавать историю. Потому что без знания истории невозможно двигаться дальше».

На первый взгляд, острота немедленно развернувшихся дискуссий и полярность высказываемых точек зрения выглядят неожиданными для, в общем-то, технического вопроса дополнения нынешней экзаменационной линейки. Однако суть проблемы не в обязательности самого экзамена, а в его содержании. И здесь мы уже видим прямой выход на ожесточенные общественные споры относительно трактовки ключевых периодов российской истории, сущности национальной идеи, духовных «скреп» и прочих понятий, которым в сегодняшней России придается во многом гипертрофированное значение.

Противники обязательности выпускного экзамена по истории приводят три основных аргумента:

Аргумент первый: в стране отсутствует четкая концепция преподавания истории в школе, и в этих условиях невозможно составить цельную и объективную программу подготовки к экзамену.

Аргумент второй: ЕГЭ по истории неизбежно превратится в очередную «гонку репетиторов», натаскивающих учеников на нужный результат и вытаскивающих деньги из карманов их родителей.

Аргумент третий: ЕГЭ по истории невозможен в принципе, поскольку история — это не тест на знание правил и формул, а свободная дискуссия о прошлом страны, ее сегодняшнем положении и путях дальнейшего развития. Наиболее конкретно данную претензию к ЕГЭ по истории выразил известный российский адвокат Анатолий Кучерена. Он убежден в том, что «история и ЕГЭ — две вещи несовместные», ибо «чем больше человек углубляется в историю, тем более многомерный взгляд на нее он обретает, тем менее склонен он к однозначным, категорическим оценкам, которые как раз и требуются от сдающего ЕГЭ»...

Между тем все вышеперечисленные аргументы полностью игнорируют ключевой принцип любого выпускного экзамена — будь то история, математика, литература или русский язык — и школьного образования как такового. Школа призвана дать ученикам набор основополагающих ЗНАНИЙ в рамках соответствующей дисциплины — что в случае с историей предполагает зна-

ние важнейших ДАТ, ФАКТОВ, ПОНЯТИЙ и ПРОЦЕССОВ. Ну и еще, конечно же, необходимой для понимания исторической реальности и доступной для школьников информации из экономики, географии и других смежных наук. Без подобных знаний любые дискуссии и «многомерные взгляды» превращаются в пропаганду. Разница только в знаке: «плюс» или «минус».

Разумеется, в программу вопросов для ЕГЭ по истории не должны включаться вопросы оценочного характера, когда выбор ответа требует от школьника формулирования той или иной общественно-политической позиции — от оценки личности Сталина до роли православия в России. Однако знание конкретных фактов, к примеру, из истории принятия христианства или наиболее крупных процессов над «врагами народа» в 1930—1950-е гг. не только возможно, но и необходимо.

Это же касается базовых знаний по всем основным «болевым точкам» российской истории. Так, один из примерных вопросов существующего ЕГЭ по истории предлагает выбрать даты соответствия для следующих исторических событий: принятие второй («сталинской») Конституции СССР, создание «Союза благоденствия», решение Переяславской рады о воссоединении Украины и России, вторжение Батыя в Рязанскую землю. Понятно, что в рамках данного вопроса трудно инициировать дискуссии о «скрепах», российско-украинских отношениях или роли личности в истории, однако без знания указанных фактов любые подобные дискуссии становятся не только бессодержательными, но и реально опасными для общественно-политической обстановки в стране.

Скажем откровенно: идея обязательного ЕГЭ по истории не нравится тем, кто-либо вообще отрицает историческую науку как таковую, либо подменяет ее политической целесообразностью, считая историков обслуживающим персоналом для сиюминутных псевдогосударственных или антигосударственных концепций и кампаний. И то и другое категорически противопоказано школьному образованию. И пусть сам по себе обязательный ЕГЭ по истории не сможет оздоровить ситуацию с преподаванием этой дисциплины в школе (и не только там!) — первый шаг в правильном направлении будет сделан. ■

Генезис британской аристократии в начале XVII в.

С.Е. Фёдоров

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования британской аристократии в начале правления Стюартов. Основной акцент сделан на политике короны в отношении аристократии, на том, как Стюарты порывали с традиционным для Тюдоров балансом между династическими и додинастическими креатурами. Новая, британская по своему характеру, аристократия была обязана своими титулами исключительно новой династии.

Ключевые слова: ранние Стюарты, аристократия, политика короны в отношении титулованной знати.

Abstract. There is a certain lack of a sustained study of this topic in the historiography of Early Stuart England. For a very long time historians were preoccupied with the inflation of honours rather than crown's policy in dealing with its noble subjects. Following the main concepts of Lawrence Stone's famous monograph, they certainly underestimated that both early Stuarts took these policies quite seriously looking at the aristocracy as a main device in their dynastic building and the maintenance of royal authority. This study attempting to feel the gap is moving on to analyze the crown's policies towards the noble elite for a period of 1603 – 1629. The emphasis will be on exploring how these policies influenced all three orders of insular titled nobility and how these changes underlined the process of the British aristocracy formation. Breaking traditional balance between dynastic and non-dynastic nobility James I tended to create a new, as he thought, loyal aristocracy whose members at least owned their titles and offices exclusively to the new British monarchy.

Key words: Early Stuarts, aristocracy, crown's policy towards aristocracy.

Благодаря Лоренсу Стоуну ¹ анализ процессов, связанных с формированием британской аристократии ², обычно начинают с материала, относящегося к первой половине XVII века. Как правило, исследуются приращения в составе английского пэрства, инициированные первыми Стюартами ³. При этом английская составляющая такого рода преобразований считается не только доминирующей, но и наиболее показательной.

Фёдоров Сергей Егорович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: s.fedorov@spbu.ru.

Fedorov Sergey E. — PhD (History), professor of the Institute of History at St. Petersburg State University. E-mail: s.fedorov@spbu.ru.

Предложенный подход является односторонним: акцент на беспрецедентном росте английского пэрства смещает, а в конечном счете затрудняет цельное видение многочисленных граней генезиса британской аристократии.

Осмысляя процесс формирования британской аристократии, современный исследователь обязан учитывать целую группу факторов, определявших не только основной вектор социальной динамики в составе общественной элиты первой половины XVII столетия, но и ориентироваться, в первую очередь, на изменившуюся природу британской монархии в раннестюартовскую эпоху. Речь идет о том, что тюдоровская государственность в начале XVII в. претерпела необратимые изменения, постепенно превращаясь в композитарную монархию⁴. Династические концепты первых Стюартов выражались и в формировании новых мифологем правления («свободная монархия» в противовес «неограниченной монархии» Тюдоров; «Британский Соломон», «Новый Артур» Якова I взамен «Астреи» Елизаветы Тюдор), и в постепенной кумуляции разобщенных при их предшественниках этнокультурных порядков титулованной знати. При этом очевидным образом смещаются акценты в социальной политике монархии, постепенно разрушавшей англоцентричную модель аристократии, безраздельно господствовавшую при Тюдорах, и созидавшей ее альтернативную структуру, в основе которой отчетливо проступала иная, напоминая, скорее, шотландский вариант, специфика.

Словообразовательные процессы в позднетюдоровском и раннестюартовском обществах весьма убедительно показывают, что латинский аналог «новой знати» — «*nobilitas nova*» — использовался современниками для обозначения учрежденного в начале XVII в. титула баронета⁵ и не допускал иных, более широких обобщений. Примеры аноблирования неблагородных в первой половине XVII в. были единичными. Как правило, титулы получали особы, социальный статус которых не выходил за рамки нижней границы благородного сообщества — эсквайров. При этом очевидными оказывались предпочтения, которые отдавала монархия определенным подгруппам знати, используя их представителей для реализации главных задач династической политики. Основная нагрузка по воплощению ожиданий короны постепенно начинала падать на тех знатных особ, которые либо обрели свои первые титулы при Стюартах, либо были обязаны им своим очередным возвышением, натурализацией, реабилитацией или укреплением своих корпоративных достоинств. Именно они формировали наиболее подвижный компонент в генезисе британской аристократии. Нарастание подобной тенденции на протяжении первой половины XVII в. указывало на то, что Яков I и Карл I по-своему реструктурировали традиционные порядки знати, выделяя в них подобие династических и додинастических элементов и тем самым постепенно упорядочивая и унифицируя ранее разобщенные этносоциальные модели аристократии.

Позднетюдоровская модель аристократии отличалась своей англоцентричностью. Монархия, воспринимавшая англичан в качестве превосходящей по своим достоинствам ирландцев «нации», активно поддерживала внутригрупповое единство титулованной знати. При этом английский и сформированный по его образцу ирландский по-

рядки отличались определенными особенностями, проявлявшимися и в соответствующих им вариантах аристократии.

На момент смерти Елизаветы Тюдор английская титулованная знать насчитывала 62 человека ⁶. Из них только 32 особы были в той или иной степени задействованы в государственном управлении Англии в рассматриваемый период и, следовательно, отвечали характеристикам, которые современники приписывали аристократии. Из них 9 особ (Т. Саквилл, Д. Кэри, Э. Зуч, Г. Перси, Э. де Вер, Г. Тэлбот, Р. Рэдклифф, Э. Сомерсет и Ч. Говард) одновременно являлись членами Тайного совета и занимали высшие должности в центральной и придворной администрации. Кроме Гилберта Тэлбота, графа Шрусбери, лишь в 1602—1603 гг. совмещавшего членство в совете и подобную должность, указанная связь для этой общности была устойчивой, что позволяет выделять данную когорту в качестве группового ядра или доминировавшей на протяжении рассматриваемого периода структуры. Примечательно, что титулованных особ, занимавших высшие должности в центральном или придворном аппарате, сроки исполнения которых не совпадали бы по времени с членством в Тайном совете, не обнаруживается. При этом в качестве самостоятельной фигурирует группа вельмож, причастных к руководящим постам в центральной администрации, но не отмеченных деятельностью в качестве тайных советников. Джон Ламли, Оливер Сент-Джон занимали высшие придворные должности, а Генри Брук, Фалк Гревилл, Чарльз Уиллогби, Эдвард Стаффорд, Эдвард Сеймур и Чарльз Блаунт — высшие государственные должности, но при жизни Елизаветы так никогда и не стали членами ее совета. Ч. Уиллогби, Э. Сеймур, Г. Брук и Ч. Блаунт занимали высшие государственные посты, совмещая деятельность в центральной администрации с руководящими позициями в локальных властных учреждениях. Особняком стоят фигуры трех елизаветинских советников — виконта Монтагу, графов Дерби и Линколна, каждый из которых фокусировал в своей деятельности неповторяющиеся связи. Браун помимо членства в совете занимал второстепенную придворную должность, Дерби — пост в локальном аппарате, являясь при этом профессиональным военным, а Линколн совмещал членство в совете с военной должностью. Своеобразную нишу оккупировал граф Ратленд, занимавший пост в локальной администрации и второстепенную придворную должность.

Замыкали властную вертикаль особы, которые либо занимали посты в местной администрации (Э. Паркер, Т. Скруп, Э. Шеффилд, Т. Сесил), либо были профессиональными военными (Э. Кромвелл, Т. Грей, Д. Клиффорд). Титулованных особ, находившихся исключительно на второстепенных придворных должностях, в этот период не наблюдалось. Все упомянутые вельможи были англичанами.

Ирландский материал дает совершенно противоположный английскому вариант институционализации аристократии. Особенности социально-экономического, а главное — политического развития зеленого острова определили известное отставание в темпах и специфику самого механизма формирования аристократии. Если признать самодостаточным английский вариант образования аристократии, то ирландский, в чем-то повторявший стадии предыдущего, отражал тот уровень развития этого социального института, который был преодо-

лен или исчерпал себя в Англии на рубеже XV—XVI столетий, а возможно, и значительно ранее.

Процесс унификации земельной собственности ирландских клановых вождей (танистов), осуществленный Тюдорами, привел к восстановлению тех форм социального взаимодействия английского монарха с вассалами, в рамках которых верховный сюзерен мыслился главой традиционной феодальной иерархии. В этом смысле каждый, пусть даже формально опиравшийся на дарованные короной земли, лорд воспринимался в качестве единственного главы, стоявшего за ним территориального «сообщества». Собственно приносимый им оммаж английскому монарху означал формальное приобщение его территориального «мирка» к земельным владениям английской короны, а в более широком смысле — его геополитическую солидарность и включенность в состав тюдоровской государственности.

Такой взгляд на структуру земельной политики Тюдоров в Ирландии подтверждает собственно конструктивный характер завоевательной политики английской монархии на зеленом острове. Дело в том, что тюдоровская государственность в пределах самой Англии вступила уже в конце XV в. в качественно иную фазу развития, где главной задачей осознавалось формирование нового «политического» сообщества, приходящего на смену чисто территориальному, и новой иерархии, основанной уже не на культурно-нормативной модели средневековья, а на вполне этатистской ⁷, характерной для обществ нового времени.

Распределение ирландской титулованной знати по четырем провинциям (Ольстер, Коннот, Ленстер и Манстер), а также по входящим в них графствам дает следующую картину. Наиболее «представительными» и в этом смысле интегрированными оказываются территории, входящие в зону английского влияния. Несомненно, лидирует Манстер (13 чел.); далее следует Ленстер (7 чел.). Ольстер, остававшийся к концу XVI в. в значительной степени сферой ирландского влияния, был представлен 5 титулованными особами; Коннот, несмотря на то, что во второй половине 1570-х гг. 67 местных вождей признали верховенство английской королевы ⁸, оставался по-прежнему территорией, лишенной «легитимных» лордов.

Среди титулованной знати Манстера преобладали потомки известных англо-ирландских кланов. До земельных конфискаций, осуществленных Тюдорами, территория провинции была поделена между представителями различных ветвей знаменитого рода Фитц-Джералдов, самой известной из которых была ветвь графов Дезмондов.

До начала 1580-х гг. Дезмонды безраздельно господствовали в графствах Керри, Корке, Лимерике и Уотерфорде. После неудачного восстания 1569—1583 гг. ⁹, поднятого главой рода Джералдом Фитц-Джеймсом Фитц-Джералдом, влияние Дезмондов значительно ослабло. Напротив, политический вес их давних противников Ормондов (из многочисленного рода Батлеров) заметно повысилось. Томас Батлер, граф Ормонд (1532—1614) стал формально признанным лидером провинциального сообщества. Ормонды по существу субординировали всю владельческую структуру провинции и, согласно порядку следования, предстояли более родовитым Килдарам (графский титул), Курси и Кэрри (оба — баронские титулы).

Показательна владельческая «архитектоника» провинции. «Внешние» пограничные графства (Уотерфорд, Кинсейл, Клэр, Ормонд и Типперари), за исключением конфискованного Дезмонда ¹⁰, контролировались активными сторонниками тюдоровской политики (Ричардом Пауэром; Джоном Курси и Ричардом Бурком; Донохом О'Брайеном и Кристофером Планкетом; Томасом Батлером; Дэвидом Рочем и Томасом Батлером, бароном Каиром соответственно). Они как бы блокировали владения (внутренние графства) менее последовательных лордов — Баттевант (Дэвид Барри), Лимерик (Джералд Фитц-Джералд) и Корк (Эдмонд Бирмингем и Николас Сент-Лоуренс). «Стратегический» аспект тюдоровских земельных перераспределений в Манстере, таким образом, более чем очевиден.

Ленстер еще в середине XVI в. был сферой безраздельного влияния танистов из двух могущественных кланов О'Муров и О'Конноров. Английское присутствие в этой провинции первоначально было ограничено территориями Дублина и Западного Мита, с незапамятных времен входивших в состав Пэйла. В 1550-е гг. часть земель, принадлежавших ирландским танистам, была конфискована. Владения в графстве Оффали, изъятые у О'Муров ¹¹, достались баронскому роду Тримлстонов, издавна проявлявшему лояльность к английской короне, а на территории, принадлежавшей некогда О'Коннорам, были образованы два новых графства, названные в честь Марии и Филиппа Куинз и Кингз. Уже Елизавета подтвердила земельные права ленстерских О'Брайенов, и Марруг Мак Дермот О'Брайен стал первым полновластным владельцем значительной территории в Куинзе. Уэксфорд, длительное время находившийся под влиянием ленстерского рода Нагентов, был впоследствии поделен между представителями этого клана и потомками перемещенной туда еще при Эдуарде VI боковой ветви манстерского рода Батлеров, получивших виконтский титул Маунтгарретов. Те же Батлеры (баронский титул Данбойнов) станут безраздельными хозяевами Восточного Мита. Западная часть этого графства будет закреплена за виконтами Горманстонами (из рода Престонов); только Килкени сохранит старых владельцев — баронов Слейнов (род Флемингов), некогда перебравшихся туда из Шотландии. Судьба трех графств — Лонгфорда, Катерлога и Килдара — останется нерешенной вплоть до второй трети XVII века. Принадлежавшие в свое время графам Килдарам, они после смерти Уильяма Фитц-Джералда, 13-го графа Килдара, последовавшей в апреле 1599 г., перейдут в распоряжение короны. Патент на возобновление графского титула Килдаров, выданный Джералду Фитц-Джералду, приходившемуся предыдущему, так никогда и не женившемуся графу, дальним кузеном, дарует ему родовые земли в Лимерике, но лишит прав на владения Фитц-Джералдов в соседней провинции.

Стратиграфия Ленстера дает почти аналогичную, хотя и менее выраженную картину, которая наблюдалась при реализации земельной политики Тюдоров в Манстере. «Внешние» графства Уэксфорд и оба Мита, включая Дублин, официальную резиденцию наместника, были под контролем наиболее лояльных лордов, владения которых блокировали подходы к внутренним территориям провинции, значительная часть из которых при содействии короны стала заселяться

выходцами из северной Англии, а позднее, уже при Стюартах, и шотландцами ¹².

Ольстер в конце XVI в. оставался по-прежнему одной из самых независимых от английской короны территорий. Издревле бывший аренной беспрецедентного соперничества танистов из двух ирландских кланов — О'Конноров и О'Нейлов — он и при последних Тюдорах был раздираем владельческими спорами и распрями. Если Манстер и Ленстер были преимущественно обжитыми территориями, где соседствовали потомки именитых ирландцев и англичан-завоевателей, то Ольстер, считавшийся «дикой» провинцией, был местом скопления многочисленных выходцев из Шотландии (Армаг и Атрим), Северной Англии (Лоут), Уэльса (Ониленд и Рут) и, естественно, самих ирландцев.

До начала массовых конфискаций 1580-х гг. территория провинции была поделена между враждовавшими друг с другом сторонниками О'Нейлов и О'Конноров. На стороне первых выступали О'Релли (Каван) и О'Доннеллы (Тирконелл). Жившие в Колрейне многочисленные представители кланов Мак Генниксов, Мак Доннеллов и О'Кахенов, а также ферманагские Мак Гиры поддерживали О'Конноров. Из местных кланов только О'Догерти и О'Кэрролы придерживались более или менее независимой позиции.

Владельческая структура провинции, характерная для 1603 г., сложилась лишь к концу 1590-х гг. и во многом оставалась далекой от завершенности.

Территория графства Лоут, традиционно входившая в состав английского Пэйла, была сферой земельных интересов баронов Лоутов из рода Планкетов. Рут также принадлежал одной из ветвей этого рода — баронам Дансени. Бурки из Коннела, имевшие шотландские корни, владели Атримом. Род Фитц-Патриков (бароны Аппер Оссо-ри) властвовал в Ферманаге.

Признанным главой провинциального сообщества Ольстера был Хьюго (Гуг) О'Нейл, 3-й граф Тирон (1550—1616) — елизаветинский ставленник, младший брат одиозного Брайана О'Нейла, 2-го графа Тирона (ум. 1562), владевший Верхним Тироном.

Елизаветинская ирландская знать, жившая на территории Ольстера, с трудом отстаивала свои земельные владения, и Тюдоры, продолжая считать колонизацию этой провинции незавершенной, поддерживали в свою очередь шотландских эмигрантов, стремившихся освоить освободившиеся после конфискаций земли: англичане переселялись в Ольстер неохотно и предпочитали ему более спокойные Манстер и Ленстер ¹³.

Набиравшее популярность по другую сторону Ирландского моря стремление титулованной знати получить образование или более конкретно — профессию — оказалось чуждым местным лордам. Многие из них, видимо, продолжали испытывать типичные для средневековья проблемы, когда необходимость поставить подпись под составленным или прочитанным документом превращалась в непреодолимое препятствие и требовала вмешательства клерков. Общая культура титулованных ирландцев к концу правления Елизаветы по-прежнему оставляла желать большего, хотя исключения, подобно высокообразованному Дэвиду Рочу, виконту Фермою, все-таки встречались, но не более.

Хотелось бы отметить одно достаточно важное обстоятельство. Разраставшаяся в Англии судебно-административная система открывала перед знатью новые возможности и в целом способствовала росту образованности в среде титулованных особ. При этом управление Ирландией и вся поддерживавшая его система была, во-первых, чрезвычайно мала и неразвита, а, во-вторых, полностью оккупирована англичанами.

Возглавлял местную администрацию лорд-наместник, назначавшийся монархом с формального согласия тайных советников. Поскольку, начиная с 1560-х гг., эта должность давала право на членство, пусть экстраординарное, в Тайном совете, то естественно предположить, что предназначалась она исключительно англичанам. Лишь Томас Батлер, 10-й граф Ормонд, бывший в конце XVI в. главнокомандующим королевскими войсками в Ирландии, в период с октября по ноябрь 1597 г. ассистировал лорду-наместнику сэру Томасу Норризу.

Учитывая сложившуюся в Ирландии ситуацию, Тюдоры, должно быть, следовали этим же правилам и при назначении лиц на должности лорда-казначея и соответственно председателя суда Казначейства, которые, как правило, исполнялись тем же наместником или одним из его помощников (assistant) вплоть до вступления на английский трон первых Стюартов.

Пост главного секретаря Ирландии, подобно трем предшествовавшим ему должностям, также оказывался недоступным для местной знати¹⁴.

Суд Королевской скамьи и учрежденный в начале 1580-х гг. суд Замковой палаты, оперировавшие в своей деятельности формулами общего права, видимо, также оставались чисто английскими по своему составу¹⁵.

Действовавший при наместнике Тайный совет находился под его жестким контролем и состоял из сановников перечисленных выше ведомств.

Начиная с 1570-х гг. в гражданском и военном управлении провинций Манстера и Коннота произошли изменения: были учреждены должности президентов. Среди них к концу XVI в. начала фигурировать местная знать. В 1583 г. упоминавшийся граф Ормонд был назначен президентом Манстера, а Ричард Бурк, граф Кланрикард, двумя годами позднее возглавил этот же пост в Конноте¹⁶.

Ограничения, налагавшиеся Тюдорами на всю властную вертикаль в Ирландии, таким образом, способствовали тому, что процесс формирования аристократии в пределах зеленого острова ограничивался традиционно средневековой моделью.

Что касается шотландской модели аристократии, то к началу XVII в. она была этноцентричной. Часть титулов французского и скандинавского происхождения уже натурализовалась, и, таким образом, их статус ничем не отличался от собственно шотландских достоинств. При этом подавляющее большинство титулов имело династическое происхождение¹⁷. К началу XVII в. Шотландский королевский дом (условно Стюарты)¹⁸ имел в сравнении с Тюдорами значительно большие возможности по созданию знати династии. В этом смысле шотландская модель аристократии, повторяя структуру национального порядка титулованной знати, отличалась от английской иным

соотношением внутригрупповых элементов. Именно такому соотношению сил было суждено стать исходным для династического строительства вступивших на английский трон Стюартов.

В общей сложности 29 из 59 чел. были вовлечены в той или иной степени в систему государственного управления Шотландии¹⁹. Среди них 11 чел. (Д. Гамильтон, Д. Гордон, Р. Керр, А. Левингстон, А. Линдси, Р. Семпилл, Л. Стюарт, Э. Стюарт, Ф. Хэй, А. Элфистоун и Д. Эрскэйн) одновременно совмещали членство в Тайном совете и высшие посты в придворном и центральном управлении. Семпилл, Стюарт и Эрскэйн входят в эту когорту условно, поскольку для каждого из них указанное совпадение наблюдалось лишь кратковременно в 1597, 1591—1592 и 1603 гг. соответственно. Джон Гамильтон, маркиз Гамильтон, Джордж Гордон, маркиз Хантли и Лодовик Стюарт, герцог Леннокс образовали самую устойчивую в функциональном отношении общность.

Следующая группа титулованных особ (Э. Брюс, Д. Грехам, Д. Кейт, Д. Линдси и У. Максвелл), занимая должности в центральном управлении, входила в состав Тайного совета, но при этом сроки исполняемых должностей не совпадали по времени с членством в совете.

С одной стороны — Д. Флеминг и Э. Каткарт, Д. Кеннеди, Д. Синклер и Ф. Стюарт (вплоть до обвинения в государственной измене) — с другой, будучи высокопоставленными придворными и государственными сановниками соответственно, так и не удостоились назначения в качестве тайных советников. Наконец, У. Дуглас (Энгас) и У. Дуглас (Мортон), а также М. Керр, исполняя должности в локальной и придворной администрации, очевидно, в той же степени были лишены возможности стать членом ближайшего королевского окружения. Любопытен также факт, что Клод Гамильтон, лорд Пайсли, Джон Форбс, лорд Форбс, Саймон Фрейзер, лорд Ловат и Джон Эбернети, лорд Салтаун — члены Тайного совета — вплоть до конца рассматриваемого периода так и не получили назначений на какие-либо государственные посты.

Первые Стюарты были вынуждены принимать во внимание особенности политического развития Британии, сложившиеся, по меньшей мере, при Тюдорах. Этим можно объяснить более интенсивный рост рядов английского пэрства²⁰. При этом ирландская и шотландская титулованная знать оставалась в поле зрения Стюартов, активно реструктурировавших ее состав в интересах монархии. Так или иначе все три порядка к моменту затяжной паузы в креациях и продвижениях знати, совпавшей с началом беспарламентского правления Карла I, были унифицированы по шотландскому образцу. Знать династии, вытеснявшая с государственных постов додинастические креатуры, составила основу для британской аристократии. Хотелось бы подчеркнуть, что остававшиеся формальные отличия между тремя вариантами британского пэрства являли собой лишь внешнее легко устранимое несоответствие. При этом характер аристократических группировок по обе стороны Ирландского моря свидетельствовал не только о необратимости начавшихся процессов, но и концентрировал в себе модель для последующего поступательного развития.

Властная вертикаль оставалась хорошо освоенной представителями титулованной знати. При этом общее число особ, вовлеченных

в ее различные институты и ведомства, возросло с 32 (цифра, фиксируемая для конца елизаветинского правления) до 40 чел. (около 49% от общего числа). Из них 20, то есть ровно половина, либо сохранили прежние, либо были назначены Яковом I на новые должности.

Очевидно, что факторы политического доминирования известной части титулованной знати над пэрами, оставшимися за пределами властных институтов, характерные для конца елизаветинского правления, должны были сохранить свое значение и для рассматриваемого периода, а формирующаяся таким образом аристократия — свою, теперь уже без сомнения, основную функцию. Мотивы, которыми Яков руководствовался, продвигая к титулам тех или иных особ, свидетельствуют об известной зависимости нового короля от представителей старой елизаветинской гвардии.

Среди 20 елизаветинцев, сохранивших за собой право на те или иные государственные должности при новом короле, были как активные, так и пассивные сторонники Якова: 9 чел. (Т. Вест, Э. Зуч, У. Герберт, Ч. Говард, Г. Перси, Э. Сомерсет, У. Стенли, Г. Тэлбот, Т. Саквилл) сохраняли свои места в Тайном совете. За исключением Веста и Тэлбота, а также примыкавшего к ним Э. Кромвелла, утерявших иные должности, — это наиболее привилегированная и влиятельная часть яковитской аристократии, своеобразное внутригрупповое ядро, реальный противовес которому могли составить, пожалуй, только такие выдвиженцы Якова I, как Л. Стюарт (шотландец), Р. Сесил, Т. Эгертон, Т. Говард, Д. Кэрю, Ч. Блаунт, Т. Ниветт и У. Ноллиз, Э. Уоттон и позднее — Р. Карр (шотландец).

Относительный баланс представителей додинастических и династических креатур в рамках даже такой небольшой по размерам группировки был, однако, весьма условным. Знать династии все-таки оказывалась преобладавшей даже среди особ такого ранга. Э. Зучу, У. Герберту, Ч. Говарду, Г. Перси, Э. Сомерсету и У. Стенли противостояли перешедший в иной лагерь Т. Саквилл и упомянутые выше 10 особ. Очевидно, что Яков уже за первое с небольшим десятилетие своего правления пытался создать возможный противовес додинастическим креатурам на уровне аристократии. Ситуация вряд ли могла измениться даже с учетом того, что Э. Сеймур (додинастическая креатура) и Г. Райозли совмещали высшие государственный и придворный посты.

Наличие особ, занимавших высшие государственные посты (включая высшие должности в придворном ведомстве) в годы елизаветинского правления, но не имевших членства в Тайном совете, сохраняло известную преемственность и в указанный период. Р. Сидни, Ф. Герберт Д. Хэй (шотландец), а также О. Сент-Джон (додинастическая креатура) прочно оккупировали подразделения королевского хаусхолда, в то время как Г. Данверз, У. Кавендиш (династические креатуры), а также Р. Рэдклифф, Э. Шеффилд, У. Комптон занимали исключительно высшие государственные должности. При этом Г. Райозли, Р. Сидни, а также Э. Сеймур (додинастическая креатура) совмещали решающие посты в обеих ветвях высшего государственного аппарата Англии. Позиция Г. Гаррингтона и Р. Маннерза — более специфична, поскольку первый совмещал высший государственный пост с незначительной придворной должностью, а второй, кроме прочего, занимал должность в локальной администрации.

Периферию раннестюартовской аристократии формировали такие персонажи, как Р. Спенсер, а также Г. Бриджес и Т. Скроуп (додинастические креатуры), которые занимали либо второстепенные должности при дворе, либо посты в местной администрации. Любопытно, что ни один из вошедших в когорту персонажей не занимался исключительно военной карьерой. Высокий военный чин был для Говарда, Перси и Стенли (додинастические креатуры) всего лишь дополнением к имевшимся у них «бюрократическим» регалиям.

За этот период 52 особы в той или иной степени были причастны к различным звеньям властной вертикали раннестюартовского государства. На общем фоне возраставшей численности владельцев титулов (132 чел.) этот показатель свидетельствует об известном сокращении потенциальных возможностей титулованной знати, открывавших доступ к публично-правовым институтам английского общества и, следовательно, указывает на рост конкуренции, очевидно, сопровождавшейся усилением напряженности и противоречий в составе раннестюартовской элиты. Если в конце тюдоровского и начале стюартовского правления соотношение аристократии и титулованной знати было близким к 50%, то к исходу 1628 г. оно едва превышало рубеж в 25%.

Помимо Д. Вилльерса, имевшего по тем временам исключительное влияние во всех звеньях властных структур, выделялась группа особ, сохранявших за собой, должно быть, наиболее устойчивый и деятельный вариант политического доминирования. Речь идет о том же внутригрупповом ядре, формировавшемся за счет персонажей, сочетавших членство в Тайном совете с обладанием высшими придворным и государственным постами. Если в предыдущий период такую подгруппу составляли 8 чел., то затем их численность сократилась до 7. При этом Э. Сомерсет (додинастическая креатура), Т. Говард и Л. Стюарт (шотландец), сохранившие за собой прежний статус, соседствовали с такими «новичками», как Д. Хэй (шотландец), Ф. Герберт, Э. Стюарт (шотланец) и Э. Сеймур (додинастическая креатура). Любопытно, но находившийся прежде в составе этой подгруппы Г. Перси (додинастическая креатура) окончательно потерял не только свою прежнюю позицию, но и стал вообще непричастным к каким-либо придворным и государственным должностям.

Отмечаются количественные изменения в составе двух следующих подгрупп, для которых характерным оставалось сочетание членства в Тайном совете и верховных должностей. Если в предшествующий период группа, объединявшая советников короля, занимавших высшие государственные должности, состояла из 9 чел., то теперь их стало 12.

Члены Совета, занимавшие высшие придворные должности, были немногочисленной группой в период 1603—1615 годов. Тогда в нее входили Ч. Говард (додинастическая креатура), Д. Кэрю и Д. Стэнхоуп. Теперь ее состав, оставаясь количественно прежним, полностью поменялся за счет Р. Берти, Д. Гамилтона и Г. Рича. Численность советников, не имевших никаких должностей, несколько увеличилась. Вместо прежних трех их места занимали Ф. Гревилл-мл., Д. Стэнхоуп, Д. Кэрю, Д. Дигби и в определенной степени Р. Карр (шотланец).

Группы, состоявшие из титулованных особ, занимавших высшие придворные или государственные должности, но не входивших при этом в Совет, также образовали известную преемственность между обоими периодами.

Э. Ноэл и Г. Бриджес (додинастическая креатура) продолжили традицию, свидетельствующую об интересе титулованной знати исключительно к незначительным придворным должностям. Исчезали титулованные особы, занимавшие исключительно локальные должности, но при этом, несмотря на падение интереса к военной профессии, появлялись «профессионалы» вроде Д. Полета, У. Сесила и Р. Деверо.

В собственном смысле шотландская аристократия 1603—1629 гг., властные полномочия которой не выходили за пределы исторически известной территории, представляла собой группу, уступавшую количественно своей предшественнице. Александер Сетон, граф Данферmlin и Джордж Хэй, сначала барон Хэй из Кинфаунза, а затем граф Кинноул (25.03.1633) — канцлеры Шотландии в 1604—1622 и 1622—1634 гг. соответственно; Джон Эрскайн, граф Мар — казначей (1616—1630); Дэвид Мюррей, виконт Стормонт — контролер-инспектор (1599—1608); Джеймс Элфистоун, лорд Балмерино и Томас Гамильтон, граф Бакклеух — секретари по делам Шотландии в 1598—1612 и 1612—1626 гг. соответственно, судя по всему, составляли наиболее влиятельную часть титулованных шотландцев. К ним примыкала группа титулованных особ, деятельность которых была сосредоточена на этом основном судебном-административном совете Шотландии.

Среди них выделялась подгруппа бывших лэрдов, включавшая в себя Александра Линдси, лорда Спайни (ум. 1607), Марка Керра, графа Лотиана (ум. 1609), Эдварда Брюса, лорда Кинлоса (ум. 1611), Уолтера Скотта, лорда Скотта из Бакклеуха (ум. 1611), Джеймса Гамильтона, лорда Пайсли (ум. 1617), добившихся членства в Тайном совете начиная с лета 1603 г. и сохранявших свои позиции вплоть до самой смерти. Патрик Лайон, граф Кингхорн (ум. 1615) был единственным наряду с ними потомком традиционной знати, продвинутым к новому титулу в самом начале правления Якова I Стюарта.

Уолтер Стюарт, лорд Блантир (ум. 1617), Майкл Бэлфур, лорд Бэлфур (ум. 1621), Джон Рамзи, виконт Хаддингтон (ум. 1626), Джон Мейтленд, граф Лодердейл, Роберт Керр, граф Роксбург (ум. 1650), связанные в той или иной степени с лэрдством, также входили в состав совета, но их деятельность достаточно часто и надолго прерывалась многочисленными европейскими турами. Только Джон Мюррей, граф Эннандейл (ум. 1640) сохранял членство в совете на протяжении 1615—1630 годов.

Джордж Синклер, граф Кейтнесс (ум. 1643) лишь эпизодически (1611—1613, 1615, 1622—1623, 1625, 1628) использовал право на членство в совете. Уильям Грехам, граф Ментейт (ум. 1661) вошел в состав совета в 1627 г., а уже в конце рассматриваемого периода стал его лордом-президентом (1628—1633, 1639—1661). Только Уильям Дуглас, граф Энгас (ум. 1611) сохранял членство в совете вплоть до своей смерти.

Династия, таким образом, не только продолжала доминировать во властных структурах Шотландии в рамках рассматриваемого периода, но и составляла абсолютное большинство. За исключением

Патрика Лайона, графа Кингхорна речь, очевидно, должна идти исключительно о представителях лэрдства.

При рассмотрении положения титулованных ирландцев до вступления Стюартов на английской трон отмечалось отсутствие ощутимых признаков аристократизации местной знати. При первых Стюартах ситуация начала меняться в сторону сращивания английской и шотландской моделей. Очевидно, ранние Стюарты, ориентируясь на политическую консолидацию лучшей части местного сообщества, рассчитывали облегчить его интеграцию в систему композитарной монархии, превратив администрацию Ирландии в один из составных элементов объединенного государственного механизма.

Двое из четырех стюартовских наместников, приходящихся на этот период, были ирландскими лордами, имевшими за плечами опыт «управленческой» работы ²¹. Артур Чичестер прежде чем приступить к исполнению наместнических обязанностей, весьма успешно служил королю в качестве начальника гарнизона Каррикфергуса (1.11.1603—9.05.1605). Возглавив властную вертикаль зеленого острова, он с небольшими перерывами с 1606 по 1613 г. был соисполнителем должности начальника (главного судьи в английском варианте) ирландского представительства суда по Опеке. После того как ему пришлось оставить наместнический пост, он вплоть до марта 1615 г. с небольшими перерывами возглавлял главное ведомство по королевской опеке, а с июля 1616 по июль 1625 г. был лордом-казначеем Ирландии.

Известно, что Яков неоднократно, но каждый раз безрезультатно, пытался посетить Ирландию. Для организации его первого (1609), так и несостоявшегося визита, на территории острова были отобраны резиденции, которые могли стать местом пребывания монарха. Одной из таких резиденций был Калморский замок, констеблем которого был назначен Чичестер (патент датирован 24.10.1609). Среди множества других резиденций, внесенных в официальный список, фигурировали Гринкасл и Инисхоуэн, где основные службы с февраля 1611 г. были также подотчетны наместнику.

Сэр Оливер Сент-Джон, сменивший на посту наместника Чичестера, имел в своем послужном списке должность вице-президента Коннота (22.06.1604), начальника артиллерийской службы Дублинского замка (4.03.1605) и те же полномочия в суде по Опеке, что и Чичестер (патенты датированы 2.03.1606; 26.06.1610, 5.08.1613 и 3.04.1615). Любопытно, но, так же как и его предшественник, он был констеблем Килморского замка (4.09.1616), а после отставки с поста наместника, то есть уже при Фолкленде, был назначен лордом-казначеем Ирландии (13.08.1625).

Из оставшихся титулованных ирландцев часть занимала различные позиции в провинциальных советах, организационная структура которых была упорядочена в конце XVI — начале XVII века. Как известно, ее законченный вариант представлял собой композицию из восьми должностей, включавших в себя лорда-президента, вице-президента, клерка совета, двух судей, генерального атторнея, провоста-маршала и судебного пристава.

Среди раннестюартовских номинантов выделялась группа персонажей, которые почти одновременно занимали руководящую вер-

тикаль в совете Коннота. Ричард Бойл был его лордом-президентом (1.10.1604), Фрэнсис Аннесли — провостом-маршалом (11.11.1604) и позднее клерком того же совета (22.05.1607), Теобальд Диллон — судебным приставом (12.12.1603), а Роджер Джонс — одним из двух судей (12.09.1604). Он же, но уже в 1626 г. займет должность его вице-президента.

Значительная часть титулованной знати была вовлечена в деятельность различных судов, внедрение которых в Ирландии началось еще при Тюдорах, но достигло завершающей фазы именно при первых Стюартах. Представляя собой первоначально «филиалы» аналогичных судебных инстанций английской столицы, они превратились в начале XVII в. в самостоятельные учреждения.

Наиболее «укомплектованными» оказались две инстанции: суд Общих тяжб и суд по Опеке. Первый почти с самого начала правления Якова I и до конца рассматриваемого периода находился под контролем раннестюартовских номинантов. Должность лорда главного судьи последовательно занимали: Доминик Сарзфилд (15.11.1604) Френсис Аннесли (3.07.1609), Доминик Сарзфилд (28.10.1610), Френсис Аннесли (01.11.1614), Ричард Уингфилд (5.06.1617), Адам Лофтус (2.05.1622), Доминик Сарзфилд (13.04.1625) и Ричард Бойл (26.10.1628).

Суд по Опеке был наиболее эффективно работающим в рассматриваемый период, поскольку в сферу его деятельности входил контроль за исполнением всех повинностей и платежей в пользу короля, организация опеки над малолетними наследниками, определенные матримониальные компетенции. На должности начальника суда по Опеке могли находиться 2—3 человека одновременно. Помимо упоминавшихся Чичестера и Сент-Джона эту должность делили последовательно: Томас Риджуэй (2.03.1606, 10.04.1609, 26.06.1610, 5.08.1613 и 3.04.1615), Джеймс Гамилтон (5.08.1613, 3.04.1615), Ричард Бойл (3.04.1615), Оливер Ламберт (3.04.1615), Френсис Онгиер (26.6.1610, 5.8.1613, 3.04.1615, 20.07.1616, 5.02.1617, 23.09.1617, 8.01.1619 и 4.05.1619), Ричард Уингфилд (4.03.1613, 2.05.1622), Френсис Аннесли (8.01.1619, 4.05.1619) и Доминик Сарзфилд (5.02.1616, 23.09.1617, 8.01.1619 и 4.05.1619).

Должность лорда-канцлера Ирландии попадала в ведение титулованной знати только в 1618 г., когда на этот пост был назначен Адам Лофтус, патент которого возобновлялся затем дважды (13.05.1619 и 11.04.1625 соответственно).

Известно, что обязанности государственного секретаря Ирландии, упраздненные Елизаветой в 1566 г., были восстановлены Стюартами. До этого всем официальным делопроизводством руководил главный государственный секретарь, имевший в своем распоряжении штат клерков. Появление должности государственного секретаря совпало с назначением сэра Генри Холкрофта главным государственным секретарем при ведомстве Оливера Сент-Джона (30.08.1616). Тогда же на восстановленную должность был утвержден Френсис Аннесли (8.09.1616), которого в 1618 г. сменил Дадли Нортон, занимавший этот пост вплоть до конца 1634 года.

Стремление уподобить ирландскую систему делопроизводства английской привело к тому, что Стюарты попытались упорядочить практику использования государственных печатей. Большая королев-

ская печать (точнее, копия английской) очень редко и эпизодично использовалась в Ирландии. Достаточно сложно установить, когда в Ирландии восстановилась должность лорда-хранителя Большой печати: в литературе называются различные даты: 1623 и 1625 годы²². Так или иначе, неоднократно упоминавшийся Адам Лофтус, по меньшей мере, дважды получал ее в свое ведение: 30.05.1627 и 26.05.1638 соответственно.

В отличие от Большой вторая по значимости Малая государственная печать использовалась в Ирландии регулярно. Оставаясь весьма продолжительное время в ведении главного государственного секретаря, она не требовала учреждения должности хранителя. В начале XVII в. в официальных документах появлялись регулярные указания на должность, именуемую как «*custos sigilli*», очевидно, соответствовавшую английскому варианту лорда-хранителя Малой печати. Приступивший к работе главного государственного секретаря Генри Пирс (3.02.1605—10.02.1616), должно быть, еще хранил Малую печать, поскольку в некоторых документах его по-прежнему именовали «*c.s.*» наряду с привычным «*p.s.*» (*principal secretary*), что означает «хранитель печати». Но с весны 1618 г. его приемник Генри Холкрофт, видимо, потерял эти полномочия. В качестве хранителя фигурировали Френсис Онгьер (10.04.1619), а затем Генри Докра (30.05.1627).

Следует добавить, что практически все из упоминавшихся особ делили полномочия в «центральных» ведомствах зеленого острова с обязанностями в различных по характеру локальных структурах власти. При этом ни один из раннестюартовских номинантов не был назначен на должность шерифов или высоких шерифов графств — постов, деятельности которых Стюарты придавали особое значение в первой половине XVII века²³.

Изменения, произошедшие в составе трех порядков титулованной знати в 1603—1629 гг., свидетельствуют о значительной перегруппировке «политического класса» раннестюартовского общества. Речь идет не только об отмеченных приращениях, но и об изменении структуры трех региональных порядков знати. Отмеченные выше тенденции, определявшие королевскую политику в отношении аристократии в указанный период, демонстрируют известный разрыв с типичной для Тюдоров стратегией и в этом смысле указывают на сугубо династический характер предпринимаемых со стороны Стюартов усилий. Вплоть до роспуска парламента новая династия усиленно наращивала потенциал лояльных к трону креатур, при этом ориентируясь на опыт шотландского королевского дома. Во многом совпадая с процессами формирования британской идентичности раннестюартовской монархии, политика короны в отношении титулованной знати отражала начальные стадии генезиса британской аристократии и в этом смысле ориентировалась на отдаленную перспективу.

Примечания

1. STONE L. *The Crisis of the Aristocracy*. Oxford. 1965.
2. С учетом специфики социальной организации английского общества раннего Нового времени под аристократией понимается особая часть титулованной знати,

- наделенная властными полномочиями и в силу этого причастная к принятию наиболее важных политических решений.
3. Последняя из наиболее фундаментальных работ: CUST R. Charles I and the Aristocracy, 1625—1642. Cambridge. 2013.
 4. SCOTT D. Politics and War in the Three Stuart Kingdoms. London. 2004.
 5. CUST R. *Op. cit.*, p. 23.
 6. Здесь и далее статистические данные, касающиеся английского порядка, основаны на анализе: СОКАЙНЕ G.E. The Complete Peerage. 14 vols. London. 1910—1959.
 7. Весьма убедительны доводы относительно такой модели социумных отношений, приводимые отечественными социологами В.В. Радаевым и О.И. Шкараганом в учебном пособии: Социальная стратификация. М. 1996, с. 52—53. Достаточно интересные наблюдения относительно господствовавших социальных приоритетов и их смене на рубеже XV—XVI вв. можно почерпнуть в специальных работах, посвященных истории английских коронационных регламентов: SCHRAMM P.E. A History of the English Coronation. Oxford, 1937, p. 233—240; ROBINSON J.A. The Coronation in the Tenth Century. — *Journal of Theological Studies*. 1917, vol. XIX, p. 56—72; HOYT R.S. The Coronation Oath of 1308. — *Traditio*. 1955, vol. XI, p. 235; WILKINSON B. Notes on the Coronation Records of the Fourteenth Century. — *English Historical Review*. 1955, vol. LXX, p. 581—600. Начиная с XVI в. процедура начинает заметно изменяться, и порядок следования постепенно вбирает в себя уже должностные приоритеты: иерархия государственных постов начинает постепенно смешиваться с титульной, а затем окончательно ее вытесняет. См.: LOACH J. The Function of Ceremonial in Reign of Henry VIII. — *Past and Present*. 1998, vol. 142, p. 43—68. Более поздние свидетельства произошедших перемен см.: HIBBARD C. The Theatre of Dynasty. In: *The Stuart Court and Europe*. Cambridge. 1996, p. 156—177.
 8. Здесь и далее статистические данные, касающиеся ирландского порядка, основаны на анализе: LODGE J. The Peerage of Ireland or A Genealogical History of the Present Nobility of that Kingdom. 7 vols. Dublin. 1789.
 9. Более подробно об этом восстании см.: ОСИПОВА Т.С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.) М. 1962.
 10. Джералд Фитц-Джеймс Фитц-Джералд, 14-й граф Дезмонд (1530—1583) был обвинен в государственной измене (15.11.1582), а его земли и титул были конфискованы. Его сын и наследник от второго брака Джеймс Фитц-Джералд (ум. 1601) был восстановлен в титуле как 15-й граф (1.10.1600), но при этом значительная часть земель Дезмондов продолжала считаться конфискованной. Поскольку сэр Джеймс умер бездетным, а его племянник Джеймс Фитц-Томас Фитц-Джералд был, как и его дед, обвинен в государственной измене в марте 1601 г., а затем заточен в Тауэр, где и скончался 28.04.1608, титул Дезмондов оставался не востребованным, а земли по-прежнему считались конфискованными.
 11. Последний, признанный английской короной представитель рода О'Муров Доналд Маккарти, произведенный Елизаветой в графское достоинство Кланкара 24.06.1565, скончался в феврале 1597 года. Поскольку граф Кланкар не оставил законных наследников, прямая линия ленстерских О'Муров прервется, а земли и титул будут объявлены выморочными. *A Repertory of Inrolments on the Patent Rolls of Chancery in Ireland Commencing with the Reign of James I*. Dublin. 1861—1863, p. 56.
 12. BECKETT J.M. *The Making of Modern Ireland. 1603—1923*. London. 1966, p. 37.
 13. Об этом подробнее см.: ROEBUCK P. *The Making of an Ulster Great Estate, The Chichesters, barons of Belfast and viscounts of Carrickfergus, 1599—1648*. — *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 1979, vol. 79; PERCEVAL-MAXWELL M. *The Scottish Migration to Ulster in the Reign of James I*. London. 1973.
 14. Считается, что эта должность была учреждена Елизаветой не ранее января 1566 года. Формально главный государственный секретарь по Ирландии находился в подчинении у главного государственного секретаря Англии и считался одним из его заместителей. С момента учреждения в январе 1566 г. и по октябрь 1567 г. эту должность занимал сэр Эдвард Уотерхауз. Повторно он был назначен в октябре 1568 г. и пробыл на этом посту до конца марта 1571 г. (судя по всему, в период с

- ноября 1567 по октябрь 1568 г. должность оставалась вакантной); далее следовали Филипп Уильямс (1571—1575); сэр Эдвард Уотерхауз (1575—1578); около двух лет должность была вакантной; затем: Эдмунд Спенсер (1580—1582); вакансия; Филипп Уильямс (1584—1594); сэр Ричард Кук (1594 — май 1597); Филипп Уильямс (июнь—октябрь 1597); вакансия вплоть до апреля 1599 г.; сэр Генри Уоттон; после его смерти до февраля 1600 г. — сэр Френсис Митчелл; с марта 1600 до ноября того же года — Джордж Кранмер, а после его смерти до конца 1603 г. — Файнз Морайзон. Carew MSS. 1515—1574; 1575—1588; 1589—1600.
15. Irish Historical Documents, 1172—1922. London. 1943, p. 98—100.
 16. Первым президентом Манстера (должность учреждена в 1569 г.) был Джон Перрот, а Коннота (1570) — Эдвард Фиттон. Подробнее об этом см.: DAVIES J. Historical Tracts. London. 1612, p. 188—192.
 17. Более подробно см.: BROWN K. Noble Society in Scotland. Wealth, Family and Culture from Reformation to Revolution. Edinburgh. 2000; GOODARE J. The Nobility and the Absolutist State in Scotland, 1584—1638. — History. 1993, vol. 78; GRANT A. The Development of the Scottish Peerage. — Scottish Historical Review. 1978, vol. LVII.
 18. Используя это понятие для характеристики внутригрупповой структуры шотландской титулованной знати, я отдаю себе отчет в его условности. Известно, что династические критерии шотландской монархии были достаточно специфичны. Помимо того, что все ее представители возводили свою родословную к мифологической Скоте, дочери египетского фараона, они все так или иначе представляли различные ответвления древнего родового союза Эрков и, следовательно, были связаны кровным родством с первым королем скоттов Кеннетом Мак Алпином. С самого начала своего существования королевская власть в Шотландии передавалась не по прямой линии: она обычно доставалась танисту, избираемому из числа взрослых родственников еще при жизни короля. Первая попытка изменить принцип наследования была предпринята Малколмом II (1005—1034), когда он передал трон своему внуку Данкену I (1034—1040). Затем установленная им практика за двумя исключениями не нарушалась вплоть до смерти Александра III (1249—1286), который скончался, не оставив прямых наследников (его дочь Маргарет, известная как «Норвежская Дева», скончалась в отрочестве). Роберт I (Брюс), ставший королем в 1306 г., состоял также в родстве с умершим королем, а его отец, как известно, был среди 13 кандидатов на шотландский трон во время «Великого дела», но это родство было достаточно далеким. Судя по всему, именно на Роберте I преемственность, установившаяся со времен Малколма II, была нарушена, и наметилась тенденция к оформлению новой династии, завершившемуся к началу правления его внука Роберта II (1371—1390), именовавшего себя Стюартом. При этом родовой патроним Стюартов вплоть до коронации Якова VI в качестве английского короля так и не стал собственно династическим. Яков VI (I), сменив на престоле Елизавету Тюдор, предпочитал акцентировать генеалогическую связь Стюартов с англичанами (их предки по женской линии были обитателями территории, принадлежавшей аббатству Или), и только в традиционных генеалогиях допускалась уже указанная преемственность с Эрками, а через них и с легендарной Скотой. См.: SLATAYER W. The History of Great Britanie. London. 1621.
 19. Здесь и далее статистические данные, касающиеся шотландской титулованной знати, основаны на анализе: PAUL J. The Scots Peerage Containing a Historical and Genealogical Account of the Nobility of that Kingdom. 9 Vols. Edinburgh. 1904—1914.
 20. Термин «британская» в отношении титулованной знати эпизодически употребляли уже Тюдоры, но в регулярный обиход это определение входит только при Якове I Стюарте. Stuart Royal Proclamations. Vol. 1. Oxford. 1973, p. 94—98.
 21. Здесь и далее использованы сведения из: Patentee Officers in Ireland, 1173—1826, Including High Sheriffs, 1661, 1761—1816. Dublin. 1960; WOOD H. Castle Chamber Clerks, 1532—1672. — Proceedings of the Royal Irish Academy. 1914, vol. 10, p. 41—81; BALL F. The Judges in Ireland, 1221—1921. 2 Vols. Dublin. 1926.
 22. LENNON C. The Lords of Dublin in the Age of Reformation. Dublin. 1989, p. 93, 95.
 23. Об этом более подробно см.: FLETCHER A. Reform in the Provinces. New Haven. 1988.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 94(438)

Август Сильный

Л.И. Ивонина

Аннотация. В работе представлен многоплановый анализ жизни и деятельности одного из самых заметных правителей Европы конца XVII — начала XVIII в. саксонского курфюрста и польского короля Августа Сильного. Автор показывает созидательную и разрушительную стороны его натуры в политике, культуре и бурной личной жизни. Мечта о наследственной монархии, которую лелеял Август II в духе своего времени, оказалась призрачной иллюзией: монополизации власти в Речи Посполитой противились польская шляхта и соседние державы — Россия, Пруссия и монархия Габсбургов. Страсти короля во многом определялись его амбициями. Вкупе амбиции и страсти заставляли его спешить, быть безрассудным, стремиться к достижениям Людовика XIV и отчасти приблизиться к ним в культурной сфере.

Ключевые слова: политика, война, амбиции, корона, монополизация власти, шляхта, страсть, культура Барокко

Abstract. The paper presents a multi-faceted analysis of life and activity of Saxon Elector and Polish King Augustus the Strong — one of the most remarkable rulers of Europe of the end XVII — early XVIII centuries. The author demonstrates the creative and destructive sides of his nature in politics, culture and stormy personal life. The hereditary monarchy dream, which Augustus II cherished in the spirit of his time, was a ghostly illusion; the Polish gentry and the neighboring powers — Russia, Prussia and the Habsburg monarchy opposed to monopolization of power in Rzeczpospolita. King's passions is largely determined by his ambitions. In conjunction ambitions and passions forced him to hurry, to be reckless, to strive for achievement of Louis XIV, and partly to reach them in the cultural sphere.

Key words: politics, war, ambitions, crown, monopolization of power, nobility, passion, Baroque culture.

«Амбиции и жажда удовольствий — его главные качества, при этом последнее преобладает. Его амбиции часто отступают перед жадной удовольствий, которая никогда не пасует перед амбициями». Так генерал-фельдмаршал и кабинет-министр Саксонии Якоб Генрих Флеминг (1667—1728) охарактеризовал в 1722 г. государя, которому он долго и преданно служил ¹.

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Ivonina Liudmila I. — doctor of historical sciences, professor of the Smolensk State University. E-mail: ivonins@rambler.ru.

От этого высказывания отталкивается большинство биографов саксонского курфюрста и польского короля Августа Сильного (1670—1733), а также историков, исследующих его эпоху ².

Сестра Фридриха II Великого Фредерика София Вильгельмина Прусская, маркграфиня Байрейтская отмечала общительный характер и дружелюбие курфюрста-короля, осуждая при этом его за чрезмерную склонность к роскоши, развлечениям и неразборчивым любовным связям. По распространенному мнению, никто так ярко и рельефно, как она, не сопоставил аскетическую суровость прусского короля и моральное вырождение других немецких властелинов XVIII века. Особенно отчетливо воплотился дух эпохи при дворе Августа, по своей расточительности и развращенности превзошедшего многих коронованных современников ³. Обер-камергер Фридриха II барон Карл Людвиг фон Пельниц оценивал саксонский двор как «наиболее скандальный в Европе». Он сравнивал его с островом Цитера: «У короля было что-то вроде гарема из красивейших женщин его государства. При дрезденском дворе царила атмосфера всеобщего разврата, и Вах и Венера были основными богами, которым здесь поклонялись» ⁴. Принцесса Елизавета Шарлота Пфальцская, герцогиня Орлеанская встречала его в Париже и обратила внимание на внешний вид короля. Она отмечала, что у него хорошая фигура, но не очень приятное лицо и слишком большой рот. Он был очень силен. «Никто не мог соперничать с ним в силе, и неудивительно, что теперь, в двадцать семь лет, он стал еще сильнее, и спокойно сгибал серебряную тарелку» ⁵.

Не обошел Августа своим вниманием и Вольтер, составивший галерею образов выдающихся правителей своего времени. Французский просветитель отметил, что его «необычная жизнь удивляет и восхищает», назвав его «героической натурой, вершившей героические дела» в желании «обрести вечную славу». Он ставил Августу в заслугу то, что он сумел выжить в окружении более сильных противников и в условиях польских смут ⁶.

Однако государь не существует без политики, и эта сфера жизни Августа II нашла достаточно подробное отражение в целом ряде работ. Безусловно, наибольшее количество исследований об Августе Сильном принадлежит перу немецких и польских историков. Автор самой полной его биографии на немецком языке «Август Сильный. Мечты и деяния одного немецкого правителя» Г. Пильц дал такую оценку его политике в конце XVII в.: «безрассудная, непоследовательная, поспешная». «Он не оценивал ситуацию глубоко, но очертя голову бросался в гущу событий, стремясь достичь немедленных победоносных результатов», — считает Пильц ⁷. К. Чок демонстрирует не только жизнь и политику Августа, но и прекрасное знание его эпохи. Он полагает, что политические проблемы его правления стали явью с началом Северной войны, в которую он сам не желал вступать, уступив советам Флеминга ⁸. Многоплановая биография Августа Сильного принадлежит перу польского историка Я. Сташевского, подчеркнувшего его «невезучесть» во внешней политике, зависимой от России и тесно связанной с внутренними аспектами правления ⁹. Я. Бурдович-Новицкий, сосредоточившись на отношениях между Августом II и Петром I в 1697—1706 гг., считает их союз вынужден-

ным в силу сложившихся международных обстоятельств. «Саксонской ночью» называет его соотечественница У. Косинска шатания внешней политики Августа после Северной войны между Востоком и Западом ¹⁰.

Не обошла вниманием личность Августа и англоязычная историография. По спорному мнению американского историка Т. Шарпа, он никогда не наслаждался своим временем. Как правитель, Август был сильным, но определенно бесполезным, являясь «пловцом против хода истории» ¹¹. Т. Бланнинг сосредоточился на репрезентативных функциях саксонского двора, как выражении абсолютистской политики, и отметил, что Август привнес в свой «проект» превосходный вкус, безудержную энергию и желание идти собственным путем ¹².

В отечественной литературе Август Сильный рассматривается в рамках истории Северной войны как довольно легкомысленный правитель и одновременно зависимый от воли России и Швеции политик-интриган. Иначе, как «предательство», заключение мира в Альт-рашtedте между Августом и Карлом XII в 1706 г. российские историки не трактуют ¹³.

12 мая 1670 г. в Дрездене в семье саксонского курфюрста Иоганна Георга III Веттина и его жены, датско-норвежской принцессы Анны Софии, на свет появился второй сын — Фридрих Август. Он и его брат Иоганн Георг воспитывались вне влияния двора — в замке Лихтенбург в Преттине. Здесь, в окружении красивой природы, мальчики получили все возможности для разностороннего интеллектуального роста и физического развития. В 1676 г. к ним были приставлены известные педагоги — И.Э. Кнох преподавал итальянский, французский и испанский языки, К. Бернгарди — музыку, а В. Кленгель знакомил с основами военного искусства, фортификации, математики и рисования. Необходимыми предметами были теология и история, прежде всего, история правящих домов Европы ¹⁴.

Если для Иоганна Георга учеба была скорее удовольствием, то для младшего Веттина представляла истинное мучение. Тем не менее, живой и исключительно подвижный ребенок, предпочитавший игры на свежем воздухе, успешно постигал необходимые образовательные основы. Примечателен такой случай: на ярмарке в Лейпциге старший сын курфюрста приобрел книги и математические приборы, тогда как младший — красивое оружие. Среди сверстников Фридрих Август выделялся неиссякаемым оптимизмом и необычной физической силой, которую еще больше развил с помощью всевозможных «рыцарских» забав. Он достиг роста 1,76 м и за свои физические возможности получил прозвище Сильный; его также называли саксонским Геркулесом и Железной рукой. Он легко мог двумя пальцами поднять с земли солдатское ружье, что отметил в 1702 г. в книге «Германские властители» профессор из Галле Людвиг, причислявший силу тогда уже польского короля к чудесам своего времени. На встрече с Петром Великим в Раве Русской летом 1698 г. Август одним ударом сабли отрубил голову быку, а клинок подарил царю, словно намекая, как надо поступать с бунтующими подданными. В октябре 1702 г. он повторил то же самое в Кодлице в присутствии герцога Морица-Вильгельма Саксен-Цайца.

Сила дополнялась отчаянным безрассудством и пренебрежением к своему здоровью — во всех пеших или конных соревнованиях, которые нередко чередовались с попойками, он был впереди. Однажды верхом на лошади он с риском для жизни взобрался по винтовой лестнице на верхнюю площадку башни дрезденского замка ¹⁵.

Обязательным этапом в обучении молодых аристократов того времени был «Большой тур», предполагавший путешествие по Европе. В мае 1687 г., вскоре после своего 17-летия, Фридрих Август инкогнито под именем графа фон Мейсена отправился в путь. Из Дрездена юноша поехал во Франкфурт-на-Майне, затем в Страсбург, Париж, Испанию, Португалию, Англию, Нидерланды, Данию, Швецию, Нюрнберг, Аугсбург, Мюнхен, Инсбрук, Милан, Венецию и, наконец, Вену, откуда он по приказу своего отца в апреле 1689 г. вернулся в столицу Саксонии. Всегда веселый и дружелюбный Фридрих Август пришелся ко двору в Вене и был любезно принят императором Священной Римской империи Леопольдом I и его сыном Иосифом (с 1705 г. — император Иосиф I), с которым успел подружиться и даже присутствовать на его коронации венгерской короной.

В путешествии он окунулся в многочисленные любовные похождения. Тогда же имел место первый любовный скандал в его жизни. В Испании Фридриху Августу понравилась красивая маркиза де Мансера, ответившая ему взаимностью. Ревнивый супруг узнал о романе, подкараулил любовников и убил свою жену. Поплатилась жизнью и устраивавшая свидания дуэнья маркизы донна Лора, а соблазнитель бежал в Португалию. В Версале молодой путешественник отменно усвоил международные стандарты придворной игры ¹⁶.

В течение следующих трех лет Фридрих Август под началом старшего брата, в рамках начавшейся в Европе Девятилетней войны (1688—1697) участвовал в союзе с Леопольдом I в войне против Франции — в кампаниях на Верхнем Рейне и в Испанских Нидерландах, где себя особо не проявил, но на практике освоил искусство фортификации. Впрочем, значительную часть времени он проводил при венском дворе. Как младший сын, молодой человек не имел прав на управление курфюршеством. Он мечтал, как замечал Вольтер, о вечной славе, ведя праздную жизнь и тратя свою неумную энергию на развлечения. После смерти отца 12 сентября 1691 г. курфюрстом стал Иоганн Георг IV.

20 января 1693 г. в Байрейте принц вступил в брак с Кристианой Эбернардиной, принцессой Бранденбург-Байретской (1671—1727). Скромная богобоязненная девушка очаровала свою свекровь, которая до конца жизни относилась к ней с симпатией, и свекра. Три года спустя в Дрездене у молодой четы родился их единственный сын Фридрих Август (1696—1763), будущий курфюрст Саксонии и король Речи Посполитой. Хотя этот союз был заключен по политическим мотивам, в первые годы совместной жизни казалось, что супруги довольны друг другом, несмотря на то, что Кристиана вскоре после свадьбы узнала, что Фридрих Август страстно влюбился во фрейлину своей матери Софию Кессель, на которой обещал жениться. Пламенный роман остановила свекровь, срочно выдавшая возлюбленного сына за маршалка Яна Хаугвица и отправившая новобрачных в Виттенберг. Но это была только первая капля в море разочарований Кристианы неверным мужем ¹⁷.

Пребывая в Италии во время карнавального сезона в Венеции курфюрст Иоганн Георг IV заразился оспой и, не оставив завещания, 27 апреля 1694 г. скончался. Неожиданно для себя его младший брат стал курфюрстом Саксонии под именем Фридрих Август I¹⁸. Когда 4 мая 1694 г. английский посол Дж. Степни назвал его «Ваша Курфюршеская Светлость», тот откровенно признался, что «еще сам не верит, что титул принадлежит ему». Тогда же Степни заметил, что «мы (послы. — *Л.И.*) ожидали, что он заставит нас много пить, как часто делал раньше». Но, оказалось, что «он оставил старый обычай, стараясь достойно начать управлять жизнью тех, кто от него зависел». Впрочем, подобной сдержанности молодого правителя, как показало время, хватило ненадолго. Еще английский посол обнаружил в курфюрсте «отличное чувство юмора»¹⁹. Вместе с титулом Фридриху Августу теперь принадлежал и сложный мир большой политики, в который он активно и с готовностью окунулся.

Этот мир постоянно менялся. В годы Тридцатилетней войны (1618—1648) и после нее государственные структуры большинства стран Европы подверглись серьезной трансформации. В целом для внутривнутриполитической жизни континента после кризиса середины XVII в., вызванного европейской войной, был характерен всеохватывающий процесс монополизации, который привел к концентрации в руках носителей высшей государственной власти всех важных политических полномочий. Этот процесс «традиционного расширения власти» имел место как в государствах, ставших на путь буржуазно-правовой трансформации, так и в преобладавших на континенте абсолютных монархиях. Только в первом случае монополизировали власть представительские структуры (Парламент в Англии, Генеральные Штаты в Республике Соединенных Провинций), а во втором — монарх и его министры.

Во второй половине XVII в. в Европе новым явлением стал мир «дворов и альянсов», который в политике, в экономике, в отношениях между государством и церковью, в культурной сфере и в науке довольно отчетливо провел черту между поздним Средневековьем и Новым временем. Образцом для европейских дворов являлось государство-двор Людовика XIV (1643—1715). Монополизация власти здесь достигла небывалых высот, и поэтому чаще с монархическим образом правления связывалось самое привлекательное для любого правителя состояние — статус монарха, способного мобилизовать ресурсы, усилить государство и хотя бы отдаленно достичь напоминающего французский престиж. В Версале воплощалась великолепная политическая культура сильной административной монархии. Двор Короля-Солнце — своеобразная модель «метрополии», обязательная для подражания «местными артистами» — представлял собой как окружение и местопребывание короля, так и эффективный государственный аппарат. Французский король не только заставил, но и привлек дворян ко двору, при котором превыше всего ценились искусства, высший церемониал и остроумная беседа. По сравнению с высоким качеством достижений Людовика XIV многие иностранные дворы казались провинциальными. Всепроникающее влияние Версаля выразилось в повсеместной моде на все французское и в роли французского языка как международного средства общения, дипломатии и

культуры. Имперский рейхстаг даже сделал попытку бороться с этим подражанием, запретив в 1689 г. французским агентам въезжать в пределы Империи, а князьям — держать слуг-французов. Впрочем, эти меры были временными и во многом обусловленными вторжением французской армии в Пфальц в 1688 году ²⁰.

Молодой энергичный курфюрст моментально сориентировался в реалиях своего времени. Для него было высшим комплиментом, когда однажды его любовница, французская балерина Дюран, сказала ему: «Vous êtes tout français!» (Вы настоящий француз!)

В начале своего правления Фридрих Август занялся собственным возвышением в мире государей Европы. Для этого были два взаимосвязанных пути — война и обретение короны, а окрылял саксонского курфюрста захватывающий воображение пример возвышения Оранской династии в лице статхаудера Нидерландов Вильгельма III, ставшего в результате Славной революции 1688 г. английским королем. Феномен «монархизации» особенно проявится в первые десятилетия XVIII века. Тогда в королевский пурпур оделись многие: Гогенцоллерны в Пруссии, Ганноверы в Англии и Савойский дом в Италии. Энергия и целеустремленность молодого Веттина сделала его королем в Польше еще в конце столетия Барокко, вслед за Вильгельмом Оранским в Британии, которым он восхищался, пожалуй, не меньше, чем французским королем. Едва став курфюрстом, он с готовностью предоставил Вильгельму III саксонские войска для войны с Францией, а в 1695—1696 гг. участвовал в войне против Турции, командуя объединенными имперско-саксонскими силами в Венгрии. Его отца называли саксонским Марсом, самого Фридриха Августа стали именовать саксонским Гераклом и Самсоном, а турки окрестили его «Железной рукой» — почти так же, как и его будущего противника и кузена Карла XII Шведского («Железная голова»). Август мечтал стать великим завоевателем. Тем не менее, вся слава успехов турецкой кампании досталась принцу Евгению Савойскому, разгромившему в 1697 г. противника при Зенте, ибо Августа в тот момент отвлекло более важное дело ²¹. Параллельно он включился в борьбу за польский трон, тем более, обстоятельства благоприятствовали и даже подталкивали к действиям.

В построенном по французским образцам Вилянувском дворце около Варшавы 17 июня 1696 г. скончался польский король Ян III Собеский, знаменитый победитель турок при снятии осады Вены в сентябре 1683 года. Битва под Веной, как видно, оказалась последним триумфом королевской Польши. Вернувшись на родину, победитель в 1686 г. заключил «Вечный мир» с Россией, не ликвидировавший, однако, территориальные противоречия между соседними государствами. Продолжение войны с Турцией вылилось в ряд пограничных столкновений в Подолии. Польские войска с трудом удерживали украинские территории. А стремление Яна Собеского ввести в Речи Посполитой наследственную монархию и создать централизованное государство натолкнулось на сильную оппозицию магнатов. К тому же последние пять лет жизни короля были омрачены беспрестанными недугами и династическим раздором. Его старший сын не ладил с матерью — Марысенькой Замойской — и младшими братьями. Предчувствуя скорую смерть Яна III, каждый из сыновей надеял-

ся занять престол благодаря поддержке иностранной державы. М. Замойская от имени супруга почти открыто торговала должностями. После его смерти сыновья стали судиться с матерью из-за наследства. И это отталкивало большинство шляхты от кандидатуры Собеских²².

После смерти Яна Собеского в Польше начался бурный период межкоролевья. Кандидатов на престол было много: сын покойного короля Якуб Собеский, герцог Лотарингский Леопольд, маркграф Людвиг Баденский и даже гетман Яблоновский, дядя будущего «второго короля» Польши Станислава Лещинского. Но главными претендентами были Франсуа-Луи, 3-й принц де Конти, известный как Великий Конти, и саксонский курфюрст. Параллельно польским событиям проходил мирный конгресс в Рисвике, где больше всех «мутил воду» император Леопольд, требовавший, чтобы Франция возвратила Империи Страсбург и Нижний Эльзас. Столь жесткая позиция обуславливалась не только выбором между тезисом о немецком Рейне и теорией о французском Эльзасе. Существовал еще один *casus belli* (повод к войне): если французский кандидат займет польский трон, это существенно нарушит равновесие сил в Европе. Поэтому Леопольд I поддерживал Фридриха Августа в его стремлении стать королем. В этом с ним были солидарны папа римский и курфюрст Бранденбурга-Пруссии Фридрих III, который в 1701 г. станет королем Пруссии Фридрихом I. Кроме того, одним из важнейших результатов Девятилетней войны, зафиксированных в Рисвике, было расширение на севере Италии владений герцога Савойи Виктора-Эммануила, получившего стратегически и экономически значимые крепости Пинероло и Казале с прилегающими территориями. Согласно «Мемуару короля Франции...» «герцог — один из достойнейших государей Европы... оправданно ведет войну в Пьемонте..., и завоевание Венгрии может компенсировать интересы императора в наследственных землях в Ломбардии...»²³ В Италии складывался новый баланс сил, отразившийся на международно-правовом уровне и приведший к формированию будущего центра ее объединения. Успех Виктора-Эммануила, союзника Версаля, тоже повлиял на позиции императора на выборах и заставил Фридриха Августа активнее бороться за корону.

Но главную роль в обретении Веттином польской короны сыграла Россия. Пётр I противился только одному кандидату — принцу Конти, потому что Версаль находился в дружественных отношениях с Османской империей и враждебных с Австрийским домом. К тому же французский посол Мельхиор де Полиньяк проинформировал

польских вельмож об обещании Стамбула заключить с Польшей мир и вернуть ей Каменец-Подольский, если королем будет избран французский принц. Поэтому Пётр в посланном в Варшаву письме заявил, что, если магнаты будут поддерживать Конти, то это сильно скажется на взаимоотношениях России с Речью Посполитой. 17 (27) июня 1697 г. прошли двойные выборы: одна партия провозгласила королем Конти, другая — курфюрста Саксонского под именем Августа II. Первые оказались в большинстве, ибо Конти был католиком, а Август — лютеранином.

Пётр I, тогда находившийся в составе «Великого посольства» в Кенигсберге, отправил в Польшу грамоту, где утверждал, что до сих пор не вмешивался в выборы, но теперь вынужден заявить, что если французская фракция возьмет верх, то не только союз против общего неприятеля, но и вечный мир «зело крепко будет поврежден». Чтобы поддержать Августа, Пётр послал к литовской границе войско князя Ромодановского, а курфюрст, дважды просивший царя о помощи при посредничестве русского резидента в Польше А.В. Никитина, обещал поддержать Россию во внешнеполитических делах. Хотя Конти был избран королем Речи Посполитой большинством голосов, он отказался от короны, убедившись, что ему не справиться с силами его соперника: литовский гетман Сапега не выполнил обещание оказать ему помощь, к тому же на Польшу шло саксонское войско.

Август II использовал пассивность француза, отправившись на Вавель, по дороге привлекая к себе знать, и без счета тратя саксонские деньги. Поговаривали, что трон Речи Посполитой обошелся Августу Сильному в 10 млн гульденов. Это возымело должный эффект. В Краков его не пускал сторонник Конти староста Велопольский, и курфюрст без труда склонил последнего на свою сторону ценными подарками. Кроме того, чтобы лучше конкурировать, он нуждался в репрезентации своей особы новым подданным достойным королем, а не просто случайным средним немецким князем, навязанным иностранной державой, и написал свою политическую программу, как превратить Польшу в процветающее свободное государство, пользующееся уважением соседей ²⁴.

По закону, установленному Сеймом, коронацию можно было провести только с использованием символов, находившихся в Вавельском хранилище. Дверь в сокровищницу была закрыта на восемь замков, ключи от которых хранились у восьми сенаторов Речи Посполитой. Шестеро из них были сторонниками Конти. Дверь нельзя было открыть, а ее взлом считался святотатством. Август не растерялся — коронационные символы вынесли через сделанное в стене отверстие, оставив дверь в нетронутom состоянии. 27-летний избранник принял католичество и 15 сентября 1697 г. был коронован в Вавельском кафедральном соборе. Август хорошо помнил фразу великого французского короля Генриха IV Бурбона: «Париж стоит мессы» ²⁵.

Триумф длился недолго, реальная жизнь оказалась полна проблем. 1697 год стал переломным не только в жизни саксонского курфюрста, но, пожалуй, и всей Европы. Возможно, занятие польского трона явилось главной политической ошибкой Фридриха Августа.

Варшава не была Парижем. Уния породила проблемы власти и в Саксонии, и в Речи Посполитой. Август и его сын не могли вслед-

ствии перехода в католичество использовать протестантскую церковь как опору своего правления. Курфюрст Фридрих Август II (польский король Август III) мог только продолжать политику отца при канцлере Генрихе фон Брюле (1700—1763), но она была односторонней и ограниченной. Курфюршество Саксонское в изменившихся условиях унии не имело больше возможностей стать великой державой, подобно Пруссии. А ведь шанс был, вступи Саксония в войну за Испанское наследство на стороне императора на тех же условиях, что и Бранденбург-Пруссия. Корону можно было получить не в Польше, а в своих владениях, что позволило бы Августу реально монополизировать власть в своих руках. Он шел в русле тенденций своего времени, но поспешил, не став абсолютным государем ни в Польше, ни в Саксонии, где ему мешал ландтаг.

Уже в 1698 г. ведущие саксонские фамилии составили фракцию, которая имела твердые отношения с рыцарством, сословные привилегии и влиятельных представителей при дворе, к примеру, в лице маршала фон Лезера. Фракция установила связь со штатгальтером Эгоном фон Фюрстенбергом, который передал курфюрсту их главное желание — созыв ландтага. Ландтаг потребовал от Августа II вернуть кронпринца в евангелическую веру, уменьшить милицию, продлить ревизию казны и администрации, а также установить свободное распоряжение земельной собственностью без его одобрения. Неудивительно, что новоизбранный король был сильно разочарован. К тому же его супруга осталась верна протестантскому вероисповеданию и не захотела присутствовать на коронации мужа и последовать за ним в Польшу. Предпочитая жить во дворцах в Прече и Торгау и редко появляясь при дрезденском дворе, она все более отдалялась от неверного Августа. Кристиана Эберггардина умерла в одиночестве в возрасте 55 лет и нашла успокоение в городской церкви Байрейта. На похоронах не присутствовали ни ее супруг, ни ее сын ²⁶.

Спустя несколько лет после выборов в Польше Якоб Генрих Флеминг заметил, что Речь Посполита напоминает ему женщину, которая имеет много недостатков, но в целом выглядит привлекательно. Август II, ориентируясь на Короля-Солнце, пытался проводить там централизаторскую политику, но традиции шляхетской вольницы оказались сильнее. Кроме короля и Речи Посполитой (так называемой Республики), действовавших, чаще всего, в противоположных направлениях, в стране существовали многочисленные фракции шляхты, возглавлявшиеся крупнейшими магнатами. Эти фракции проявляли самостоятельность и во внешнеполитических вопросах и нередко вступали в вооруженные конфликты друг с другом. Так, Великое княжество Литовское переживало гражданскую войну, и одна из сторон, возглавляемая магнатами Бенгтом и Казимиром Сапегами, не раз взывала к шведской помощи, так как сторонники Августа во главе с Григорием Огинским и Михаилом Вишневецким одерживали в этой войне верх. До конца жизни Августу так и не удалось создать в Польше влиятельную фракцию сторонников сильной власти. В 1626 г. Сейм вынес решение о нерушимости права *liberum veto*, а в 1632 г. назло Чарторыским, к которым благоволил король, просил послов Петербурга и Вены о помощи против него ²⁷.

Тем временем в Европе назревали две войны — Северная (1700—1721) и война за Испанское наследство (1701—1714). Как король

Польша Августа II Сильного устраивала Империю и Россию, но никак не Швецию или Францию. Дипломатическая и военная «возня» вокруг Речи Посполитой крепко связала интересы всех коалиций в испанском и северном конфликтах. А сама она стала идеальной территорией для свободных прогулок любого иностранного войска и для его содержания за счет разобщенного населения. Постоянная междоусобица была благодатной почвой для вмешательства иностранных дипломатов. Польские магнаты часто ставили личные амбиции выше государственных интересов, и во время внешней опасности страна была не в состоянии организовать свою оборону, что и произошло при вступлении в Польшу армии «Северного Александра» Карла XII²⁸.

Честолюбивый Август II решил вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, а при удачном стечении обстоятельств — и Эстляндию. Это позволило бы королю ввести в Польшу саксонскую армию и монополизировать власть. При этом сама шляхта воевать не собиралась — по миру, заключенному в Оливе в 1660 г., Речь Посполита официально отказалась от претензий на Лифляндию²⁹. Август задумал вступить в войну со своими саксонцами и «подарить» полякам желанные земли, укрепив свой авторитет.

Как и король Дании Кристиан V, для открытия военных действий он воспользовался смертью шведского короля Карла XI 15 апреля 1697 года. Дания претендовала на союзный Швеции Гольштейн-Готторп и с целью поддержки ее военных операций искала союзников в Москве и Дрездене. В ослаблении Швеции был заинтересован и курфюрст Бранденбурга-Пруссии Фридрих III. В Стокгольме в то время серьезно и небезосновательно опасались подписания русско-датско-пруссского союза с вероятным вступлением в него польского короля³⁰.

Уже в марте 1698 г. Август II заключил предварительное соглашение с Кристианом V, а в августе провел тайное (от сейма) совещание с Петром I в Раве Русской недалеко от Львова о плане совместной наступательной войны против Швеции. Активность короля подстегнуло прибытие в том же году в Саксонию лидера оппозиционного шведам лифляндского дворянства, авантюриста удивительной судьбы и способного дипломата Иоганна Рейнгольда фон Паткуля (1660—1707), который предложил проект создания союза против Швеции. «Легче и выгодней склонить к тому два кабинета — московский и датский, равно готовые исторгнуть у Швеции силой оружия то, что она отняла у них при прежних благоприятных обстоятельствах и чем до сих пор незаконно владеет». При этом планы Паткуля и Августа несколько расходились. Лифляндец считал, что его родина не должна попасть под полное господство Веттина, а стать автономной частью Речи Посполитой на условиях, которые выдвинет он сам³¹. Тем не менее, Август счел его полезным, взял на службу и даже посвятил в тайные советники.

Летом 1699 г. авторитет Августа II вырос в связи с умиротворением литовского конфликта, которое закрепил Миротворительный сейм 6—21 июля. Одновременно Сейм «похоронил» сомнения в легальности избрания Веттина королем Речи Посполитой. Короткое внутреннее согласие позволило Августу в конце июля 1699 г. вынести на рассмотрение созданного им Тайного совета предложения Паткуля и выработать стратегию их реализации. Совет постановил отправить в

Москву генерал-майора Карловича и Паткуля для переговоров о наступательном союзе против Швеции³².

Наконец, 21 ноября 1699 г. Карлович и Паткуль от имени саксонского курфюрста подписали в Москве Преображенский союзный договор с русским царем. Речь Посполита присоединилась к Северному союзу только в 1704 году. Договор провозглашал «верную и постоянную дружбу и соседство» и взаимные обязательства в войне против шведов, предусматривал ликвидацию шведского господства над восточной Прибалтикой и передачу Лифляндии и Эстляндии Августу II, а Ингрии и Карелии — России, для которой выход к Балтийскому морю был важнейшей задачей. Пётр I не спешил, ожидая заключения мира с Турцией. 8 августа 1700 г. в Москве получили известие о том, что русский посол Е.И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. 9 августа Россия объявила войну Швеции. Первыми же Северную войну начали Август II и новый датский король Фредрик IV, вступивший на трон в августе 1699 года. В феврале 1700 г. 7-тысячная саксонская армия вошла в Лифляндию и без труда овладела крепостью Динамюнде. Тогда же датчане вторглись в Гольштейн-Готторп. Однако Ригу быстро взять саксонцам не удалось, город пришлось осаждать. Вопреки ожиданиям Августа местная знать его не поддержала. Будучи генерал-майором, участвовал в осаде Риги и Паткуль, быстро оценивший обстановку и сбежавший при приближении небольшого шведского корпуса. В 1702 г. он перешел на службу к Петру I.

В июле 1700 г. Карл XII, опираясь на поддержку англо-голландского флота, высадил десант на о. Зеландия, подверг пушечному обстрелу Копенгаген и принудил Фредрика IV к капитуляции. В августе между Стокгольмом и Копенгагеном был подписан Травендальский мир, по которому Дания избежала территориальных потерь, но была вынуждена признать суверенитет Гольштейн-Готторпа и выйти из Северного союза. Осенью шведский король высадился в Лифляндии, заставил Августа II снять осаду Риги и отступить в Курляндию. Это позволило Карлу XII перебросить часть своего войска по морю в Пернов (Пярну) и 19 (29) ноября нанести сокрушительное поражение русской армии под Нарвой³³.

Несмотря на дерзкую победу, шведский король решил не продолжать активные военные действия против русской армии, а ударить по войскам Августа II, намереваясь превратить Речь Посполитую в буферную зону между шведами и русскими. В июле 1701 г., оставив в Прибалтике корпус генерала Шлиппенбаха, он с основными силами пересек Двину и, не встретив серьезного сопротивления, занял Ливонию. В Варшаве спешно собрался сейм, на котором Август при содействии Паткуля и русского посла В. Долгорукого пытался уговорить шляхту вступить в войну со Швецией. Но победила прошведская партия Сапегов. Тогда король стал искать пути примирения с Карлом XII. В отечественной историографии он будет назван предателем союза с Россией, и не раз. Но здесь надо учитывать, что Август, не будучи абсолютным государем, зависевший и от своего ландтага, и от сейма, в целом ряде ситуаций был вынужден идти им навстречу.

24 мая 1702 г. Карл XII вошел в Варшаву. 19 июля он одержал победу над армией Августа у Клишова. Августу не помогли ни благоприятный рельеф местности, ни более чем двукратное численное пре-

восходство, ни почти девятикратный перевес в артиллерии. Он потерял обоз, артиллерию, 2 тыс. убитых и раненых, 1 тыс. пленных. Сам он спасся в последний момент, отойдя лесными дорогами. Существуют малоизвестные данные о том, что Август именно после Клишова зондировал почву в Вене о посредничестве в переговорах с Карлом. В шведском лагере под Краковом даже появился имперский дипломат фон Цинцендорф, вступивший с графом Пипером в переговоры. Предложения были выгодны шведам, но Карл устоял, по-прежнему лелея планы захвата Польши.

В эти годы Август составил для наследника свое «Политическое завещание», в котором рекомендовал держать управление Унией в узде, но не уничтожая достоинство дворянства, а поощряя его к государственной службе. В этом документе отразился опыт общения короля как с саксонским ландтагом, так и со шляхтой, часть которой уже поддерживала, по крайней мере, его внешнюю политику³⁴. В сложившихся обстоятельствах он не опускал руки: саксонская кавалерия периодически нападала на небольшие отряды шведов и мешала им выполнять задачи снабжения. Саксонцам помогали поляки, и шведы стали нести чувствительные потери.

В конце 1703 г. в письме к Республике шведский король назвал угодную ему кандидатуру на трон — сына Яна Собеского. Тогда Август немедленно арестовал Якуба и его брата Константина, охотившихся в Силезии. На них внезапно напали тридцать саксонских драгун, заключили под стражу и отвезли в крепость Кенигштайн. Карл, впрочем, не особенно огорчился, бросив знаменитую фразу: «Ничего, мы состряпаем полякам другого короля»³⁵.

В январе 1704 г. примас Радзиевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира с Карлом XII, объявившим, что хочет договориться только с Республикой, а не с Августом. Этот предлог был нужен для того, чтобы сейм проходил в отсутствие короля. Уполномоченным от Карла на сейме был генерал Арвид Хорн, поддерживаемый шведским отрядом, разместившимся около здания, где происходил сейм. 2 февраля Хорн передал сейму письменное заявление о том, что его король не может вести переговоры с Республикой, пока она не будет свободна. Это означало, что Августа II надо свергнуть с престола, и тогда переговоры и решения сейма не будут ни от кого зависеть. Шведы представили сейму несколько перехваченных писем Августа с упоминанием о скандальности, вероломстве и пьянстве поляков. В итоге Варшавский сейм объявил, что «Август, саксонский курфюрст, не способен носить польскую корону». Польский престол был единогласно признан свободным.

Шведский король предложил трон Александру Собескому, который принес в Варшаву новость о заключении своих братьев и просьбу о помощи. Но Александр отказался от сомнительной чести перебежать дорогу брату. Выход был найден в лице молодого познаньского воеводы Станислава Лещинского. Образованный человек из знатной семьи, с безупречным прошлым, но еще не обладавший влиянием и не проявивший характер, он показался Карлу подходящей фигурой на должность марионеточного правителя Польши. При этом сам Лещинский первоначально полагал, что королем он будет временно, до освобождения Якуба Собеского из заключения.

Второй король Речи Посполитой не получил ни денег, ни хорошей армии — этим шведский король оттолкнул от себя немало видных поляков. Собравшийся в Сандомире сейм образовал Сандомирскую конфедерацию, объединившую сторонников Августа II и объявившую о непризнании Станислава Лещинского королем. Все это происходило в условиях небывалого междуусобия и под воздействием угроз, подкупа и лестных обещаний соседних держав — России, Швеции и Пруссии, которые, преследуя свои государственные интересы, вступали в переговоры сразу со всеми польскими группировками. Из них только Швеция и Россия являлись непримиримыми противниками, Пруссия же оставалась нейтральной, связанная обязательствами с участниками войны за Испанское наследство — Священной Римской империей и Морскими державами.

19 (30) августа 1704 г. между Петром I и Августом II был заключен Нарвский договор о союзе против Швеции, согласно которому Речь Посполита официально вступала в войну на стороне Северного союза. Договор подписали русский посол граф Фёдор Головин и польский посол Томаш Дзялынский. Обе стороны обязались согласовывать военные действия против шведов и не заключать сепаратного мира. Россия должна была предоставить Речи Посполитой 12 тыс. солдат, снабженных артиллерией и снаряжением. Со своей стороны, Речь Посполита выставляла 26 200 пехотинцев и 21 800 кавалеристов, за что Россия обязалась выплачивать 200 тыс. руб. ежегодно до изгнания шведов с польской территории. Одним из пунктов соглашения была договоренность о разделе земель, захваченных у Швеции — Россия получала восточное побережье Финского залива (Ингрию) и Эстонию, а союзнице доставалась Лифляндия (Инфлянты)³⁶. Речь Посполита должна была продолжать войну вплоть до заключения мира.

Вдохновленный заключением договора и поддержкой, Август не желал больше быть беглецом и преследуемым. На пути из Лемберга (Львова) в Литву он со своими и русскими солдатами, а также украинскими казаками полковника Апостола внезапно повернул на запад и в сентябре 1704 г. взял Варшаву. Он пленил весь немногочисленный столичный гарнизон вместе с Хорном. Лещинскому со 150 всадниками охраны удалось бежать.

18 октября Карл XII уже стоял под польской столицей на другом берегу Вислы. Здесь оба короля, выехавшие прогуляться по противоположным берегам реки, впервые увидели друг друга³⁷.

Август не столько оборонял Варшаву, сколько прикрывал осаду Познани русско-польским войском Паткуля. Как только шведы начали переправу через Вислу, он отошел из столицы под Краков. Низложенный король был хитер и полностью полагался на союзника, с которым вел оживленную переписку. Август любил жизнь, и, несмотря на поражения и другие трудности, она продолжалась. Будучи оптимистом, он всегда надеялся на лучшее, а провозглашение польским королем Лещинского казалось ему несерьезным и даже забавным. И все же он изрядно устал, как от поляков, так и от постоянных походов, и в конце 1704 г. тайно уехал в Саксонию. Он ловил каждое мгновение своей жизни. Этим «мгновением» стала его новая любовь — графиня Козель.

Анна Констанция, баронесса фон Хойм и графиня фон Козель, происходила из старинного голштинского рода. С высокопоставленным саксонским чиновником фон Хоймом она обвенчалась в 1704 г., но скоро встретила Августа II. Она не только добилась «отставки» прежней фаворитки, княгини Любомирской, но и получила от Августа письменное обязательство вступить с ней в брак после смерти королевы. Когда Анна развелась с мужем, она получила титул графини Козель. Август засыпал фаворитку подарками, построил для нее дворец в Дрездене. Анна родила Августу трех детей и провела с ним восемь лет. Желая упрочить свое положение, она депонировала в банк Гамбурга 31 большой ящик с различными ценностями. С годами Анна все чаще проявляла интерес к политическим вопросам, чем вызывала растущее раздражение у придворных, особенно в Польше, поскольку не одобряла перехода Августа в католичество. Накануне возвращения Августа с новой фавориткой в Дрезден Анне дали понять, что ее не должно быть там к приезду короля. Она уехала в Пильниц недалеко от Дрездена и подписала обязательство не появляться в Польше и в Саксонии в тех местах, где собирался остановиться король. В 1715 г. графиня попыталась приехать в Шпандау к своему кузену Рантцау, которому передала на сохранение матримониальную расписку Августа II. Ее действия расценили как государственную измену: король опасался, что неосторожно данное обещание жениться будет использовано против него. Беглянка была задержана прусскими властями и в 1716 г. обменена на нескольких военнопленных. В последних числах того же года Август распорядился доставить бывшую возлюбленную в неприступную крепость Штольпен, где она провела в заключении 49 лет до самой своей смерти в 1765 году. Она не пыталась покинуть замок даже во время Силезских войн (1740—1748), когда саксонский гарнизон был вынужден ретироваться из Штольпена³⁸.

В конце октября 1705 г. под чужим именем, в сопровождении всего трех человек, Август появился в Гродно, где расположилась на зимние квартиры армия Петра I. Он привез с собой только учрежденный им орден Белого орла, который раздал многим русским генералам. Пётр поручил ему войско, а сам в декабре уехал в Москву. Август, увидев, что шведский король не стал штурмовать город, внезапно отбыл из Гродно с четырьмя русскими полками. Он обещал вернуться с саксонской армией через три недели, но вышло иначе.

Политический раскол в Польше не позволил Карлу XII достичь там полного господства. Коронация Станислава Лещинского 24 сентября и договор с ним от 28 ноября 1705 г. не решили проблемы — надо было заставить Августа официально отречься от престола. 3 февраля 1706 г. 12-тысячная армия шведского фельдмаршала Реншельда нанесла поражение у Фрауштадта двигавшейся к Гродно 30-тысячной саксонской армии, включая 1 500 русских. В июле того же года шведские силы вторглись в Саксонию.

Произошедшие события обеспокоили западноевропейские государства, и Карл XII дал понять их послам, что не намеревается выступать против Великого союза (Британия, Нидерланды, Империя), воевавшего против Франции. Еще не отрехнувшийся от своей короны Август — вот его главная цель! Фридрих I Прусский даже спешно покинул Голландию и послал к Карлу своего уполномоченного с целью уговорить его

уйти из Саксонии. А Лондон, Гаага и Вена настоятельно советовали Августу отдать польскую корону, чтобы шведские войска покинули владения Империи. Эти дипломатические акции были тщетными. Министры шведского короля почти единогласно считали, что оккупация Саксонии — единственное средство заставить Августа прекратить военные действия в союзе с русскими против Швеции ³⁹.

24 сентября 1706 г. был опубликован манифест Карла XII, расположенного в Альтранштедте (несколько км от Лейпцига), согласно которому война приостанавливалась на 10 недель. Параллельно Карл требовал от Августа отречения от польской короны в пользу Станислава Лещинского, выхода из всех союзов против шведов, разрыва отношений с Россией, освобождения из заключения членов «шведской партии», расположения шведской армии на зимние квартиры в Саксонии и выдачи содержавшегося с декабря 1705 г. в саксонском замке под арестом Паткуля. 13 октября договор, означавший полную капитуляцию Августа, был подписан уполномоченными курфюрста, с одной стороны, и представителями Карла, с другой.

Целый ряд моментов, связанных с этим договором, указывают, что Август вел, как ему казалось, ловкую интригу, а сам документ был дипломатической уловкой, средством «успокоения» Карла.

Август вернулся в Саксонию и на время обрел относительное спокойствие. Он несколько раз встречался с Карлом в Альтранштедте, а перед уходом шведов из Саксонии — и в Дрездене. Кузены были вежливы и галантны в обращении друг с другом, Карл даже написал своей сестре Хедвиге Софии: «Король Август живет в Лейпциге... Я несколько раз встретился с ним. Он веселый и интересный человек, не очень высок, но плотен и несколько полноват. У него свои волосы, совсем темные». Тем не менее, во время одного из торжественных обедов Карл намеренно столкнул обоих польских королей, заставив саксонского курфюрста подойти к «сопернику» и пожать ему руку. Станислав Лещинский не мог вынести неловкого положения и, сделав приветственный жест издала, удалился. В апреле 1707 г. Август формально поздравил его с принятием польской короны. Флемминг и графиня Козель советовали курфюрсту арестовать Карла XII, когда тот заехал в Дрезден, но Август мирно прогулялся с королем Швеции по городу и даже проводил его до дрезденского предместья Нойдорф. Позже Карл XII признавался, что совершил опрометчивый поступок, прискакав в логово противника с несколькими офицерами: «Я пережил не совсем хорошую минуту. Флемминг ни за что не хотел, чтобы я так легко уехал из Дрездена» ⁴⁰.

Тем временем престиж Августа в Европе резко упала. В первую очередь, от Дрездена отсекся Берлин, начав активные переговоры со шведами. Россия, послав А.А. Матвеева в Лондон, активизировала дипломатию на Западе с целью заключить приемлемый союз со Швецией. По видимости, Карл XII шел к военному конфликту с Империей, заявив, что марша на Москву не будет. Не случайно в апреле 1707 г. в Альтранштедт прибыли имперский посол князь Вратислав и главнокомандующий силами Великого союза герцог Мальборо. Последний способствовал превращению истинных намерений Карла идти на восток в реальность, а Великобритания одной из первых признала королем Польши Станислава Лещинского ⁴¹.

В июне 1709 г., изучив сложившуюся ситуацию, Август II заключил с датским королем соглашение о защите неприкосновенности германских владений обеих сторон и о возможности антишведского выступления. А в начале июля Дания, Саксония и Пруссия подписали договор, по которому Пруссия обязалась препятствовать прохождению шведских войск через бранденбургскую территорию. 27 июня (8 июля) 1709 г. шведы потерпели сокрушительное поражение от Петра I под Полтавой. Лишь после этого события Август счел выгодным возобновить войну с Карлом, объявил недействительным Альтранштедский договор и двинул из Саксонии в Польшу 14-тысячное войско. 26 сентября 1709 г. в Торуню он встретился с Петром I. 9 октября они подписали договор, провозгласивший восстановление русско-саксонского оборонительного и наступательного союза. Станислав Лещинский отрекся от трона и бежал в Померанию вместе со шведским генералом Эрнстом фон Крассовым, а Сандомирская конфедерация отменила все постановления его правления⁴². Королем Польши вновь был провозглашен Август II.

Эйфория от достигнутого длилась недолго. Присутствие саксонских войск на территории Речи Посполитой с 1713 г. вызвало волну протестов польско-литовской шляхты. Летом 1716 г. с согласия Августа Сильного Пётр I ввел в Польшу свои войска. В 1719 г. Вена, Ганновер и Дрезден подписали договор, согласно которому русские войска вынуждены были покинуть территорию Польши⁴³.

Во время внутренних неурядиц Август не терял надежды, что ему удастся получить Инфлянты для Веттинов. Это ошибочное убеждение охотно поддержал в нем русский царь на встрече в Ярославле в 1711 году. Пётр, в свою очередь, отнюдь не забыл его «нечаянный» Альтранштедский мир со Швецией. С 1712 по 1718 г. почти ежегодно в Россию отправлялись польские посольства с требованием Лифляндии. Август продолжал участвовать в войне, посылая саксонцев сначала в датскую, а затем и русскую армию во время борьбы за шведское Поморье. Но эти действия принесли пользу не Саксонии или Речи Посполитой, а Пруссии, которая, согласно договору с Петром, приняла в секвестр Щецин и устье Одера⁴⁴.

Обиженный Август ответил прекращением войны со шведами и заключением договора с императором Священной Римской империи Карлом VI и королем Великобритании Георгом I, который 5 января 1719 г. был преобразован в союзный трактат с антирусской направленностью. Россия пошла на уступки и вывела свои силы с территории Империи и Речи Посполитой. Тем не менее, в отношении территорий юго-восточного побережья Балтики русская политика осталась неизменной. Еще в мае 1718 г. на Аланских островах между Швецией и Россией начались мирные переговоры. Это уже не могло ни спасти Карла XII, закончившего свой жизненный путь в Норвегии у крепости Фредриксхаль в 1718 г., ни предотвратить распада Шведской империи. Пётр I не допустил дипломатов Августа II к финальным переговорам. По Ништадскому миру 1721 г. России целиком достались Карелия, Ингрия, Эстляндия и Лифляндия. Речь Посполита не получила никаких земельных приращений. Для нее были окончательно потеряны и Инфлянты, и власть над Курляндией и Земгалией⁴⁵.

С 1719 г. Август Сильный постоянно жил в Дрездене, навещая в Варшаву лишь на время сеймов. Король по-прежнему старался вести активную внешнюю политику и усилить свои позиции в европейском «концерте» держав. Уже в 1725 г. он задумался об отречении от короны и проведении выборов в короли своего сына в связи с браком дочери Станислава Лещинского Марии и французского короля Людовика XV, встревожившим политический небосклон Европы. Болезнь короля в 1726 г. также сделала вопрос о польском наследстве важным для континента. Дипломатия Августа была двойственной. В 1726—1727 гг. состоялись миссии в Лондон и Вену, при этом субсидии имели второстепенное значение: перспектива союза с императором или английским королем зависела от гарантии польского наследства. Саксония-Польша стремилась в великие державы и лелеяла мечты быть посредником на переговорах. Параллельно король и его министры сознавали, что Саксония слаба, боялись вступить в любую войну на стороне великих держав и потерять статус-кво в Польше.

В июне 1730 г. Август II демонстративно сблизился с Пруссией, проведя вместе с королем Фридрихом Вильгельмом I парад войск под Мюльбергом. Будучи формально союзником России, Август заключал против нее тайные союзы. Он приблизил к себе шляхтича Вацлава Будько, который фактически являлся главой тайной службы при короле. После смерти Петра Великого в 1725 г. у короля вновь вспыхнули надежды получить Курляндию. Пользуясь ростом антироссийских настроений среди местного дворянства, он летом 1726 г. навязал ей в герцоги своего незаконнорожденного сына графа Морица Саксонского и пытался устроить его брак с царевной Елизаветой Петровной. Против этого выступили и знать Речи Посполитой, и Россия. На сейме в Гродно осенью 1726 г. польские магнаты оспорили легальность избрания и потребовали от Морица вернуть диплом элекции, а от короля — предпринять шаги для инкорпорации Курляндии. В марте 1727 г. началась подготовка преобразования Курляндии из вассального герцогства в провинцию Речи Посполитой, а в августе в Митаву прибыла польская комиссия с эскортом в 600 солдат.

Реакция России тоже не заставила себя ждать. В июле 1727 г. герцогство посетил Александр Меншиков, чтобы заставить местное дворянство избрать герцогом князя Петра фон Гольштейн-Бека. Получив отпор, он по возвращении в Санкт-Петербург убедил Екатерину I предпринять вооруженную интервенцию. Из-за смерти императрицы войска двинулись в Курляндию только в августе 1727 года. С 5 тыс. солдат генерал Петр Ласси не встретил никаких проблем с изгнанием Морица Саксонского, которого охраняли всего 200 чел., — сначала из Митавы, а потом и из Курляндии. Затем Ласси принудил польско-литовских комиссаров отослать своих солдат и опротестовал изменение статуса герцогства. Это означало сохранение status quo в Курляндии, что было успехом России, закрепленным декларацией, по которой Петербург и Вена не соглашались на инкорпорацию Курляндии Речью Посполитой. При Анне Иоанновне и так называемой «германской фракции» при русском дворе международные позиции польского короля заметно ослабли, и были созданы благоприятные условия для политики союза «Трех Черных Орлов» в лице России, монархии Габсбургов и Пруссии, устроившего три раздела Польши ⁴⁶.

В пылу интриг большой политики, в огне войны король Август никогда не забывал о том, что жизнь неумолимо течет, и ею надо наслаждаться сегодня и сейчас. Уже в июне 1695 г. его пребывание в Вене, откуда он собирался отправиться на войну с турками, было так описано разочарованным Дж. Степни в послании своему венскому коллеге Лексингтону: «Я очень хотел бы, чтобы он прекратил праздную жизнь и вернулся к делам, если он хочет быть принятым подобающим образом у императора. Но я начинаю думать, что он возьмет с собой в лагерь бильярдный стол и бальный зал»⁴⁷. Даже войну Август был не прочь превратить в военный праздник. Кроме того, важно подчеркнуть, что его разнообразные развлечения и удовольствия играли как компенсаторную функцию на фоне сложностей реальной жизни, так и были одним из вариантов репрезентации монархов его эпохи, подражавших Королю-Солнце.

В отличие от распространенного мнения, что главным развлечением для него являлась «наука страсти нежной», стоит отметить, что для Августа II все удовольствия были практически равноценны. Одним из них была игра министрами и придворными на «шахматной доске» своего окружения. С 1688 по 1746 гг. саксонский двор вырос в 7 раз. Тот, кто хотел понравиться королю и показаться полезным, довольно легко добивался своей цели. Август предпочитал не вмешиваться в ссоры своих придворных. Король мог воздержаться при принятии важного решения и вернуться к нему с противоположным мнением. Ревниво относившийся к своему авторитету и к своей популярности, правду от собеседника он желал слышать только с глаза на глаз и без малейшей фамильярности. Август нелегко забывал обиды, но прощал их. Он пристально, подобно Людовику XIV, следил за своими придворными, от него ничего не ускользало даже во время застолий. Он развлекался и вел придворную интригу одновременно, настраивая друг против друга министров и слуг так, что каждый считал, что он его любимец. При этом те, кто обращался к нему с подчеркнутым почтением к его титулу, ни в чем не знали отказа⁴⁸.

Бесчисленные увлечения женщинами являлись неотъемлемой чертой натуры Августа, хотя бытует точка зрения, что антураж любовных побед был ему нужен, чтобы поддерживать реноме первого мужчины в своем королевстве, а на самом деле король не слишком нуждался в любви. Он, мол, больше играл, чем переживал, разыгрывая сцены ревности, изображая рыцаря и бросая к ногам женщин огромные деньги, но не любя их на самом деле. Вряд ли дело обстояло именно так. Да, Август, прежде всего, любил самого себя, но без женщин он тоже существовать не мог.

Его донжуанский список включал высокородных аристократок, дам с сомнительной репутацией, куртизанок и даже пленниц. Сам король делил женщин на три категории — «девушки», «шляхтяночки» и метрессы. Первыми были женщины из народа, актрисы и танцовщицы, ненадолго привлечшие его внимание. Вторыми — красивые панночки преимущественно из провинции, бывшие при дворе проездом и нередко не знавшие, как себя вести. Высшей категорией королевских наложниц были метрессы, чары и ум которых задерживали около них Августа на долгие годы. Наиболее известными фаворитками короля были Аврора Кенигсмарк (1694—1696), Ульрика фон Те-

шен (1700—1705), Анна Козель (1705—1713) и Мария Магдалена фон Денхоф (1713—1719). Среди его возлюбленных числились турчанка Фатима, обладавшая не только восточной красотой, но и интеллектом, и известная французская танцовщица Анжелика Дюпарк. Официально Август признал 11 внебрачных детей, наиболее известными из которых являлись Мориц Саксонский от Авроры Кенигсмарк, впоследствии блестящий французский полководец, саксонский фельдмаршал Иоганн Георг де Сакс от княгини Любомирской и политическая авантюристка Анна Каролина Ожельская от французенки Генриетты Ренар-Дюваль. От Морица Саксонского ведет происхождение знаменитая писательница Жорж Санд. Придворному живописцу Луи де Сильвестру король настоятельно рекомендовал изображать на картинах его метресс как королев, а незаконных детей — как законных ⁴⁹.

Августу Сильному не удалось подчинить себе поляков силою оружия, но зато он привлек их к себе блеском и пышностью своего двора, вся тяжесть содержания которого ложилась на Саксонию. Обладая немалыми наследственными богатствами, король мог удовлетворять свою страсть к пышности, забавам и празднествам. Блестящие турниры и многолюдные карусели привлекали постоянно толпу гостей и в Варшаву, и в Дрезден.

Во время правления Августа в Польше-Саксонии сложно было найти абсолютно трезвого человека. Выражение «In vino Veritas» (истина в вине) стало аксиомой жизни. На фундаменте пьянства решались важнейшие проблемы — общественные и личные, между светскими и духовными лицами. Пьянство с королем было удобным поводом для просьбы о повышении в должности. Август нередко пил без меры, предпочитая венгерское вино, но не гнушаясь и водки. Он любил устраивать банкеты и пьяные оргии со своими министрами и шляхтой, на которых подчас самых заядлых пьяниц, победивших в этом «рыцарском» состязании, мог одарить орденом Белого Орла ⁵⁰.

Еще одна страсть Августа Сильного — архитектура Барокко — позволила ему стать знаковой фигурой в немецкой истории. Его личность символизирует саксонский «золотой век», блеск дрезденского двора и расцвет самого Дрездена, пополнившегося множеством изумительных строений и ставшего при нем одной из культурных столиц Европы. Не случайно Дрезден называли «Флоренцией на Эльбе». За короткое время город превратился в центр искусства эпохи позднего Барокко: все здания, построенные во время правления Августа здесь и в Варшаве, были выполнены в барочном стиле. Был заново отстроен Старый Дрезден на правом берегу, уничтоженный пожаром 1685 года. Сам король нередко принимал участие в создании проектов.

Так, он собственноручно разработал проект дворцового комплекса Цвингер и поручил его воплощение в жизнь придворному архитектору Пеппельману. Строительство Цвингера, на которое были потрачены значительные средства, началось в 1709 году. Первоначально комплекс планировался как оранжерея, но в процессе работ проект менялся. Цвингер строился между двумя крепостными валами Дрездена, сходящимися под углом. Отсюда и название дворца, означавшее площадь между валами. Подражая Королю-Солнце, Август хотел, чтобы во время торжественных приемов в оранжерее между экзотических деревьев прогуливались придворные. Сначала по-

явились две Закругленные галереи, соединявшие Физико-математический павильон с юга и Французский павильон с севера. В 1712 г. с южной стороны комплекса были построены Прямые галереи и Коронные ворота, увенчанные польской короной. Август Сильный неоднократно посылал Пеппельмана в Рим, Вену и Париж для знакомства с новинками архитектуры. К свадьбе его сына в 1719 г. спешно, с использованием дерева, возвели западную часть дворца с Немецким павильоном и Музеем фарфора. Почетными гостями на свадьбе наследника с дочерью императора Иосифа I Марией Жозефой Австрийской были монархи семи государств, немецкие и итальянские правители, многочисленные аристократы. Свадебное торжество продолжалось несколько дней и стоило казне 4 млн талеров. Цвингер поражал современников своим великолепием, но из-за недостатка средств его строительство было заморожено до 1722 г., когда западные галереи перестроили из камня, и между ними появился Колокольный павильон. Архитектурный ансамбль дополняли многочисленные статуи, в том числе и самого Августа Сильного. Во дворе Цвингера расположили четыре бассейна с фонтанами, а через Французский павильон можно было пройти к красивейшей скульптурной группе — Купальня нимф с фонтаном. К 1730 г. из Цвингера убрали деревья и торжеств больше не проводили — вместо этого уже тяжелобольной король создал в нем естественнонаучные и художественные музеи. Картинная Галерея и сегодня славится огромным количеством работ великих мастеров.

При Августе II Дрезден стал первым немецким городом, в котором появились общедоступные музеи. Тогда по количеству музеев и сокровищниц в германских землях этот город превосходили только Вена и Мюнхен. В 1724 г. на основе придворной кунсткамеры, основанной еще в 1560 г., был создан музей-сокровищница «Зеленые своды» с самой богатой коллекцией китайского фарфора и редчайших драгоценностей в Европе. В 1705 г. по распоряжению курфюрста-короля была основана Дрезденская художественная школа, затем превратившаяся в Академию художеств. Со всей Европы в Саксонию, где были созданы благодатные условия для творчества и работы, ехали художники, музыканты, певцы, архитекторы и мастера — ювелиры, стеклодувы, портные, ткачи, оружейники. На службе Августа состояли известные творцы: ювелир Иоганн Мельхиор Динглингер и два его младших брата — эмальер Георг Фридрих и золотых дел мастер Георг Кристоф Динглингеры; ювелиры Готфрид Деринг и Иоганн Генрих Келер, резчики по слоновой кости и скульпторы Маттхаус Даниэль Пеппельман и Бальтазар Пермозер. В Дрездене работал органичный мастер, изобретатель фортепиано Готфрид Зильберман, Саксонию посещали композитор Иоганн Себастьян Бах и философ Готфрид Вильгельм Лейбниц ⁵¹.

Разорительная Северная война, страсти, увлечения и творческие идеи Августа II требовали огромных средств, и казна нуждалась в постоянном пополнении. Как и многие современники, Ветгин верил в теорию алхимиков получать золото из разных реагентов, и не скупился на содержание сонма авантюристов, пытавшихся реализовать эту призрачную мечту. Клад нашелся не там, где его искали: одному из алхимиков — Иоганну Фридриху Беттгеру — посчастливилось изготовить фарфор ⁵².

С 1719 г. окружение короля стало замечать ухудшение его здоровья: Август стал чаще засыпать днем, с трудом поднимался с постели, нередко отказывался от алкоголя. Все эти признаки указывали на развитие диабета, распознать и лечить который доктора тогда не умели. В 1726 г. левая нога короля воспалилась, развилась гангрена, один из пальцев превратился в незаживающую рану. Благодаря сильному организму и усилиям докторов значительная часть нагноения исчезла, но палец пришлось ампутировать. В последующие годы Веттин хромал при ходьбе, и поэтому предпочитал двигаться медленно и плавно, в сопровождении гофмейстеров. У себя в Дрездене для передвижения по комнатам дворца он использовал специально изготовленное для него инвалидное кресло на колесах. О танцах пришлось забыть, а во время конной езды ногу покрывали жестким чехлом, защищавшим пальцы. Фатальным для Августа оказался 1733 г., когда он решил поехать из Дрездена на сейм в Варшаву. По дороге король встретился с прусским министром Грумбковым. Поприветствовав его и усаживаясь в свою карету, Август задел больной ногой дверную раму. Рана открылась, кровь долго не могли остановить. В столицу Август прибыл вечером 16 января. Он был так болен, что, согласно реляции, «его вынесли из кареты и занесли в постель», где он пролежал ближайшие дни. К 31 января гангрена распространилась на всю ногу. По свидетельствам очевидцев, король был не в состоянии принять причастие — встав на колени, он тут же опрокинулся набок. В ночь с 1 на 2 февраля Август Сильный потерял сознание, затем пришел в себя лишь на полчаса и около 5 час. утра скончался в Королевском дворце в Варшаве. Последними его словами считаются: «Вся моя жизнь была непрерывным грехом»⁵³.

Король Август оставил сыну превосходный культурный центр Европы, гору долгов и проблемы с престолонаследием в Речи Посполитой. Он увеличил армию до 30 тыс. чел., но не смог обеспечить Саксонии-Польше статуса Великой державы.

Август II был похоронен в Вавельском соборе, внутренности короля хранятся в костеле Капуцинов в Варшаве, а его сердце погребено в Кафедральном соборе в Дрездене. Говорят, если мимо проходит красивая женщина, оно начинает биться...

Без сомнения, Август Сильный был неординарным человеком — отпечаток его личности хранит Дрезден, столица его Саксонии. В отличие от своего «короля-двойника» Станислава Лещинского, известного просветителя, он являлся типичным человеком эпохи Барокко. Это созидательная сторона его натуры. Но политика короля — двойственная, хитрая и одновременно поспешная, необдуманная — несла в себе разрушительное зерно. Мечта о наследственной монархии, которую лелеял Веттин в духе своего времени, оказалась призрачной иллюзией: ни польской шляхте, ни России, ни Пруссии, ни монархии Габсбургов не была выгодна монополизация власти в Речи Посполитой. Смерть Августа II положила начало обратному отсчету в истории некогда могущественной Унии Королевства Польского и Великого княжества Литовского.

И по сей день символом Дрездена является Золотой всадник, изображающий Августа Сильного, скачущего в направлении Польши. На золотом коне, в золотых римских доспехах и сандалиях он встре-

чает гостей при входе в исторический центр города. Изготовление памятника началось еще при жизни курфюрста-короля в 1732 году. Он был вылит из меди Людвигом Видеманом по эскизам французского скульптора Жозефа Винаше. В 1735 г. его покрыли амальгамным золотом, а спустя год памятник был торжественно открыт. Во время второй мировой войны Золотого всадника демонтировали и спрятали, а в 1956 г. в связи с 750-летием Дрездена после реставрации и покрытия новым слоем золота установили на прежнем месте.

Примечания

1. SHARP T. *Pleasure and ambition: the life, loves and wars of Augustus the Strong*. London, New York. 2001, p. XI.
2. КАРНОВИЧ Е.П. *Очерки и рассказы из старинного быта Польши*. СПб. 1873; КРАШЕВСКИЙ Ю.И. Брюль. М. 1980; ЕГО ЖЕ. *Фаворитки короля Августа II (перевод «Графини Козель»)*. М. 1876; ЕГО ЖЕ. *Интриги министров короля Августа II*. М. 1876; *Кабинет драгоценностей Августа Сильного. Из собрания Зеленых Сводов, Дрезден*. М. 2006; HOFFMANN G. *Constantia von Cosel und August der Starke. Die Geschichte einer Mätresse*. Lübbe. 1988; DELAU R. *August der Starke und seine Maetressen*. Dresden. 2005; KIENZLER I. *Mocarz Bellove. Alkowy August II Mocny i kobiety*. Warszawa. 2012.
3. Вильгельмина Байрейтская. *Мемуары маркграфини Байретской*. — *Голос минувшего*. 1913, № 7, с. 163—194; КЛЕЙНЕР С. *Заглохшая княжеская резиденция XVIII века. (Маркграфиня Вильгельмина и ея Байрейт)*. — Там же. 1913, № 6, с. 77.
4. POELNITZ K.L. von. *Mémoires de Charles-Louis Baron de Poellnitz, contenant les observations qu'il a fait dans ses voyages et caractère des personnes qui composent les principales cours de l'Europe*. Liege. 1734, vol 1, p. 154; ПЕЛЬНИЦ К.Л. фон (1692—1775). *Похождение барона де Польниц: С примечаниями историческими и географическими, описанное им самим*. М. 1767; сокращенный перевод книги см.: *Lettres et mémoires du baron de Pollnitz...* Т. 1—3. Amsterdam. 1737.
5. *Lettres de Madame Duchesse d'Orleans née Princesse Palatine*. Paris. 1718, p. 218, 282—284.
6. VOLTAIRE. *Leben und Thaten Friedrich Augusti II. Des Grossen, Königs von Pohlen — Und Churfürstens zu Sachsen*. Frankfurt-Leipzig. 1733, S. 10—16.
7. PILTZ G. *August der Starke. Träume und Taten eines deutschen Fürsten*. Berlin. 1994.
8. CZOK K. *Der saeksische kurfuerst Friedrich August II. Die Herrscher in der Doppelpflicht und ihre beiden Throne*. Mainz. 1997, S. 197; EJUSD. *August der Starke und seine Zeit. Kurfürst von Sachsen und König von Polen*. München. 2006.
9. STASZEWSKI J. *August II Mocny*. Wrocław. 1998.
10. BURDOWICZ-NOWICKI J. *Piotr I, August II. I Rzeczpospolita 1697—1706*. Krakow. 2013; KOSINSKA U. *August II w poszukiwaniu sojusznika miedzy alianzem Wiedenskim I Hanowerskim (1725—1730)*. Warszawa. 2012.
11. SHARP T. *Op. cit.*, p. XIV.
12. BLANNING T.C.W. *Personal Union and cultural contact: the role of courts in the unions Hanover/England and Saxony/Poland*. *Perspectivia net. Quellen und Stidien*. Bd. 18. 2005, p. 468.
13. ТАРЛЕ Е.В. *Северная война и шведское нашествие на Россию*. Соч. Т. X. М. 1959; МОЛЧАНОВ Н.Н. *Дипломатия Петра Великого*. М. 1991. ГРИГОРЬЕВ Б. *Карл XII*. М. 2006.
14. SHARP T. *Op. cit.*, p. 4.
15. KIENZLER I. *Op. cit.*, S. 14—17.
16. VOLTAIRE. *Op. cit.*, S. 10; BLANNING T.C.W. *Op. cit.*, p. 468.
17. VOLTAIRE. *Op. cit.*, S. 15; KIENZLER I. *Op. cit.*, S. 124—125.
18. CZOK K. *Op. cit.*, S. 189.
19. SHARP T. *Op. cit.*, p. 79.
20. LA BRIYERÉ. *Caractères de la Cour*. Firmin-Didot. 1890, p. 178; BELY L. *Les relations internationales en Europe — XVIIe—XVIIIe siècles*. Paris. 1992, p. 80—81; DUCHHARDT H. *Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV*. Düsseldorf. 1987, S. 101; HABERMAS J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Neuwied am Rhein. 1962;

- BLANNING T. *The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660—1789*. Oxford. 2002, p. 5, 76—77.
21. SHARP T. *Op. cit.*, p. 81; CZOK K. *Op. cit.*, S. 190.
 22. ROSTWOROWSKI E. *Historia powszechna. Wiek XVIII*. Warszawa. 1977, S. 24—25.
 23. *Actes et Memoires des Négotiations de la Paix de Ryswick*. T. I. Graz. 1974, p. 26—27; t. IV, p. 5—94, 119—124.
 24. BLANNING T.C.W. *Op. cit.*, p. 467; KIENZLER I. *Op. cit.*, S. 48—49; BURDOWICZ-NOWICKI J. *Op. cit.*, S. 97.
 25. CZOK K. *Op. cit.*, S. 165.
 26. *Ibid.*, S. 194—195.
 27. SUCHODOLSKI S.L., OSTAPOWICZ D. *Olabianie mitow I stereotypow: od Jana III Sobieskiego do Tadeusza Kosciuszki*. Warszawa. 2008, S. 65—66.
 28. МОЛЧАHOВ Н.Н. *Ук. соч.*, с. 186; ГРИГОРЬЕВ Б. *Ук. соч.*, с. 130.
 29. BURDOVICZ-NOWICKI J. *Op. cit.*, S. 113, 192—193.
 30. *Ibid.*, S. 172—173.
 31. PATKUL J.R. von. *Berichte an das zaarische Cabinet in Moscau*. T. 2. Berlin. 1795, S. 263—264.
 32. BURDOVICZ-NOWICKI J. *Op. cit.*, S. 192—195.
 33. МОЛЧАHOВ Н.Н. *Ук. соч.*, с. 187; ГРИГОРЬЕВ Б. *Ук. соч.*, с. 131.
 34. См.: Ein politische Testament Konig Augusts des Starcken. *Historische Zeitschrift*, Vol. 87, Issue JG, p. 1—21; CZOK K. *Op. cit.*, S. 197.
 35. *Die eigenhandigen Briefe Konig Karls XII*. Berlin. 1894, S. 22.
 36. *Volumina Legum. Prawa, konstytucje i przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Ksiestwa Litewskiego i wszystkich prowincji należących na walnych sejmach uchwalonych*. Wyd. J. Ohryzko. T. VI. St. Petersburg. 1859, S. 82—84; BURDOWICZ-NOWICKI J. *Op. cit.*, S. 312—338, 385—390, 435—489.
 37. ГРИГОРЬЕВ Б. *Ук. соч.*, с. 177, 183—184.
 38. HOFFMANN G. *Constantia von Cosel und August der Starke. Die Geschichte einer Mätresse*. Bergisch Gladbach. 2007.
 39. ВОЗГРИН В.Е. *Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697—1710 гг.* Л. 1986, с. 159—160.
 40. ТАРЛIE E.B. *Ук. соч.*, с. 452; ГРИГОРЬЕВ Б. *Ук. соч.*, с. 217.
 41. *Die eigenhandigen Briefe Konig Karls XII*, S. 29; *Посланец Петра Великого А.А. Матвеев в Париже*. — *Исторический архив*. 1996, № 1; ВОЗГРИН В.Е. *Ук. соч.*, с. 162.
 42. KAMINSKI A. *Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkiem 1706—1709*. Wrocław. 1969, S. 142.
 43. SUCHODOLSKI S.L., OSTAPOWICZ D. *Op. cit.*, S. 66; ZERNACK K. *Preussen-Deutschland-Polen Aufsatze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen*. Berlin. 1991, S. 266.
 44. GIEROWSKI J. *Traktat przyjaźni Polski z Francją w 1714 r. Studium z dziejów dyplomacji*. Warszawa. 1965, S. 101—106; *Preussens Staatsvertrage aus der Regierungszeit Konig Friedrich Wilhelms I*. Leipzig. 1913, S. 33—38.
 45. STASZEWSKI J. *Op. cit.*, S. 206—207; KOSINSKA U. *Sejm 1719—1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego*. Warszawa. 2003, S. 24—58.
 46. ШЕВАЛЬСКИЙ П.К. *Князь Меншиков и граф Мориц Саксонский в Курландии в 1726—1727*. М. 1860, с. 63—65; KOSINSKA U. *Op. cit.*, S. 541—542.
 47. SHARP T. *Op. cit.*, p. 80.
 48. BLANNING T.C.W. *Op. cit.*, p. 469.
 49. *Ibid.*, p. 471; KIENZLER I. *Op. cit.*, S. 8—9, 166.
 50. BYSTON J.S. *Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI—XVIII*. T. 2. Warszawa. 1976, S. 184; STASZEWSKI J. *Op. cit.*, S. 213; KUCHOWICZ Z. *Obyczaje i postacie Polski szlacheckiej XVI—XVIII wieku*. Warszawa. 1993, S. 87.
 51. STASZEWSKI J. *Op. cit.*, S. 180—188; HOYER S. *Buergerkultur einer Residenzstadt — Dresden im 18. Jahrhundert. Staadliche Kultur in der Barockzeit*. Linz-Donau. 1982, S. 105—117.
 52. HOFFMANN K. *Johann Friedrich Böttger. Vom Alchimistengold zum weissen Porzellan*. Berlin. 1985; СЛАВИН А. *Хрупкая драгоценность*. — *The New Times*. 2010, № 20.
 53. DROSDOWSKI M. *Historia Warszawy*. Warszawa. 1972, S. 76.

«Лапинская авантюра» в Вятке в марте 1918 г.

Ю.Н. ТИМКИН

Аннотация. 12 марта 1918 г. в Вятке произошла попытка переворота, получившая в местной историографии наименование «лапинская авантюра». Инициатором выступила политическая группировка во главе с начальником гарнизона Вятки М.Г. Лапиным. «Лапинцы», опираясь на анархически настроенные летучие отряды матросов, попытались совершить военный переворот, арестовать руководство Вятского городского Совета рабочих и солдатских депутатов и местных большевиков. Группировка «лапинцев» потерпела окончательное поражение только после прибытия вооруженного отряда уральцев во главе с комиссаром А.Г. Белобородовым.

Ключевые слова: попытка военного переворота в Вятке, март 1918 г., вятские большевики, Вятский Совет рабочих и солдатских депутатов, губисполком, летучие отряды, Л. Журба.

Abstract. On March 12, 1918 in Vyatka there was an attempt of a military overturn which received the name «Lapinskaya overturn» among the local historians. It was initiated by a political grouping led by the head of the garrison city of Vyatka Lapin. The group, headed by Lapin, based on the anarchist-minded flying squad of sailors who attempted a military overturn to arrest the leadership of the Vyatka city Soviet of workers and soldiers deputies and local Bolsheviks. The group, headed by Lapin, suffered a final defeat only after the arrival of the armed squad of the Urals, led by Commissioner A. G. Beloborodov.

Key words: military overturn attempt in Vyatka, March, 1918, the Bolsheviks in Vyatka, Vyatka Soviet of workers and soldiers deputies, the provincial Executive Committee, flying squad, L. Zhurba.

В январе-марте 1918 г. в Вятке оформилась политическая группировка «лапинцев», члены которой были связаны с комиссаром Северного района России и Западной Сибири М.А. Запкусом и непосредственно подчинялись его представителю Л. Журбе. 12 марта 1918 г. «лапинцы» попытались совершить военный переворот, введя в Вятке осадное, а в губернии — военное положение. Силы, противостоявшие «лапинцам», смогли организовать и при поддержке Уральского облисполкома нанести им решающее поражение.

Тимкин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: Timkin43@mail.ru.

Timkin Yuriy N. — PhD (History), associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: Timkin43@mail.ru.

Целью данного исследования является анализ событий «лапинской авантюры» в контексте политической борьбы в Вятке и губернии в декабре 1917 — апреле 1918 года. Работа выполнена на материалах Государственного архива Кировской области (ГА КО) и Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО).

В отечественной исторической литературе мало исследований, посвященных данной теме. Из современных следует назвать работу А.В. Крыловой, в которой рассматривается конфликт между Нижегородским губисполкомом и горсоветом Н. Новгорода в 1920—1921 годах. Суть конфликта состояла «не в личных отношениях, которые только оттеняли зону конфликта, а в разделении полномочий, сфер влияния и, в определенной степени, внутрипартийной борьбе между сторонниками “демократического централизма” и линией центра»¹. В местной историографии события «лапинской авантюры» рассматривались в сборнике «Октябрь и гражданская война в Вятской губернии», изданном в 1927 году. По словам А. Новосёлова, трения между губисполкомом и Вятским Советом возникли из-за того, что они «понимали свои права и обязанности каждый по-своему». Трения приобрели конфликтный характер под влиянием кооптированных членов губисполкома, лиц «малоизвестных и безответственных», а также левых эсеров².

В изданных в 1933 г. Очерках по истории Вятской партийной организации «30 славных боевых лет» подчеркивалось, что «эсеры, пробравшиеся в губисполком, пытались оторвать советы от большевистского руководства и сорвать работу городского большевистского совета...» Эсерам помогали «разложившиеся летучие отряды», а также «чужаки, авантюристы и карьеристы, пробравшиеся в партию»³. В рецензии М.М. Попова на воспоминания А.С. Трубинского (1949 г.) отмечалось, что «вопрос об аванюре Лапина до сих пор для нас не ясен, ясно одно — налицо была провокация со стороны вятской буржуазии, вятских меньшевиков и эсеров с целью вызвать вооруженные столкновения между отдельными частями гарнизона г. Вятки»⁴.

В «Очерках истории Кировской областной организации КПСС», изданных в 1965 г. «лапинская авантюра» вообще не упоминается. Отмечается лишь, что в первые месяцы 1918 г. при строительстве советского губернского аппарата «встречались немалые трудности. Не было опыта, знания конкретных форм организации административных, хозяйственных, военных и других органов Советского государства»⁵.

Таким образом, наиболее объективным и точным в анализе «лапинской авантюры» был современник тех событий Новосёлов, знавший многих свидетелей. Он, на наш взгляд, совершенно правильно определил одну из причин конфликта и назвал некоторых его участников. Вместе с тем, роль левых эсеров раскрыта не была.

Истоки «лапинской авантюры» уходят своими корнями в драматические события большевистского переворота ноября-декабря 1917 г., когда для захвата власти местные большевики во главе с Михаилом Поповым и Петром Капустиным были вынуждены опираться преимущественно на прибывшие отряды матросов и солдат. Красочное описание их действий 4—5 декабря 1917 г. оставил активный участник тех событий И.И. Карпухин⁶. Накануне произошло очень при-

мечательное событие. 4 декабря в губернскую типографию, издававшую Бюллетени Верховного Совета, явился представитель горисполкома «юноша Капустин» и потребовал не печатать подобные документы. Управляющий типографией поставил вопрос на голосование, и рабочие единогласно постановили не подчиняться большевикам ⁷.

Отряды матросов и солдат играли главную роль в захвате власти большевиками в Вятке и губернии, так как социальная опора большевистского переворота была очень слабой: города представляли собой административно-торговые центры, а в деревнях преобладали крестьяне-середняки. Немногочисленные рабочие были разбросаны по весьма обширной территории, не имевшей развитой системы сообщения. Губернское бюро большевиков находилось в уездном Глазове, а наиболее крупный пролетарский отряд партии располагался в Ижевске и Воткинске. Численность большевиков г. Вятки в ноябре 1917 г. не превышала 60 чел. при населении города почти 60 тыс., а активными из них были буквально единицы.

Наиболее значимым для Вятского Совета в ноябре-декабре 1917 г. стал отряд матросов Леонида Журбы, подчинявшийся правительственному комиссару «Севера европейской России и Западной Сибири» М.А. Запкосу. Отряды Запкуса затем проследовали в Пермь, Екатеринбург, Тюмень. Запкус и его комиссары, в частности Журба, имели «аршинные мандаты», то есть практически не были подконтрольны местной власти. Более того, именно они оказывали серьезное влияние на политические процессы в конце 1917 — первые месяцы 1918 г., во всяком случае, в таких губернских центрах, как Вятка и Тюмень ⁸.

Ключевая фигура «лапинцев» — начальник гарнизона Вятки Мелентий Григорьевич Лапин, о котором известно чрезвычайно мало. По информации вятского большевика А.С. Трубинского, до призыва в армию в 1914 г. Лапин «служил полицейским урядником в Уржумском уезде» ⁹. По словам будущего «лапинца» Н.Я. Клабукова, Лапин был «хулиган-бандит», интриган и подхалим ¹⁰. Насколько эти оценки соответствуют действительности, сказать трудно, как невозможно определить, чем продиктованы эти слова — желанием дать объективную характеристику или реабилитировать себя в глазах руководителя вятских большевиков Попова и его сторонников, авторитет которых в 1920—1930-х гг. был чрезвычайно высок.

Если Лапин оказался в Вятке в связи с прибытием отрядов солдат и матросов, то своей карьерой он был обязан Попову. Как военный человек, 7 декабря 1917 г. он был назначен членом военного отдела и отдела по обеспечению семей призванных на войну исполкома Вятского горсовета, что не могло произойти без одобрения Попова и Капустина.

9 декабря исполком Вятского Совета, руководимый Поповым, поручил Лапину «подыскать помещение и устроить 85 матросов и солдат, состоящих в отряде, прибывшем в Вятку» ¹¹. По всей видимости, речь идет об отряде Журбы. На том же заседании Лапин, как настоящий большевик, предложил ни в коем случае не освобождать из тюрьмы арестованного городского голову Вятки Н.П. Алеева, борвшегося против установления Советской власти.

14 декабря 1917 г. горисполком назначил Мелентия Лапина начальником гарнизона Вятки. 17 декабря 1917 г. на заседании Вятско-

го горисполкома обсуждалось тяжелое положение с хлебом на фронте, в Петрограде и Москве. На вопрос председателя оказывать или нет помощь, Лапин, с присущей большевику принципиальностью, заявил: «...наша обязанность помогать голодающим братьям»¹².

В январе 1918 г. состоялся I губернский съезд Советов, подготовку и работу которого направляли Попов и его сторонники. Лапин должен был организовать встречу и размещение прибывавших делегатов. На заседании 5 января он выступил по вопросу о политическом моменте и рассказал о настроениях в воинских частях Вятки.

Таким образом, Мелентий Лапин в декабре 1917 г. проявил себя принципиальным большевиком, активно участвующим в укреплении новой власти, соратником Михаила Попова. Правда, жил он не по средствам: «...давал обеды в 300—400 руб., у него на квартире было много вина»¹³.

I губернский съезд Советов (5—8 января 1918 г.) проходил в напряженной обстановке: в городе продолжалась забастовка городских служащих, а некоторые уезды не прислали делегатов. Выступивший с докладом 5 января Попов рассказал о деятельности Вятского Совета по захвату власти, подчеркнув, что «...остановившийся в Вятке отряд моряков оказал большую помощь в изъятии товаров у спекулянтов, идут аресты и сейчас»¹⁴. Делегат съезда Ефим Бакин горячо приветствовал деятельность исполкома горсовета и его председателя Попова.

Съезд дал импульс советскому строительству в губернии: делегаты энергично взялись за пропаганду решений съезда, эмиссары помогали им в организационной работе. На съезде состоялись выборы губернского исполнительного комитета, президиум которого возглавил Михаил Попов. Первоначально губисполком состоял из следующих отделов: самоуправления, финансов, продовольствия, юстиции, культурно-просветительского, труда и промышленности, земледелия, призрения, военного, хозяйственного. Позднее образовались коллегия почт и телеграфа и военный комиссариат. В качестве структурных подразделений губисполкома были образованы губернский СНХ и СНК Вятской губернии. В решении губисполкома о создании СНХ 20 февраля 1918 г. отмечалось, что он «автономен в области чисто экономической, но подчинен губисполкому в сфере административно-политической»¹⁵.

СНК Вятской губернии образовался 16 февраля для «надзора за правильным проведением в жизнь распоряжений правительства и губисполкома; разъяснения и конкретизации постановлений губисполкома». Совет получил также право законодательной инициативы «по всем вопросам жизни губернии»¹⁶. В январе 1918 г. он включал следующих лиц: С.И. Малыгин (председатель), М.М. Попов (почетный председатель), члены: Е.В. Бакин, В.Л. Волков, Н.А. Соломин, посланцы Ижевска А.А. Вопияков и М.И. Рейтав, Е.К. Тегер, А.Г. Тэнс, В.А. Лобовиков, П.А. Останков, П.Н. Евстафьев¹⁷. Позднее туда вошли П.Г. Коровкин, К.П. Метелев, С.С. Семёнов, В.А. Суворов.

В состав губисполкома были избраны представители тех уездов, которые прислали своих делегатов — лиц, в абсолютном большинстве не имевших квалификации и опыта в государственном управлении. Таковым являлся и председатель Михаил Попов, работавший до революции землемером. По его инициативе в губисполком и СНК ВГ

стали «кооптировать квалифицированных работников», как правило, из «клана» правительственного комиссара «Севера европейской России и Западной Сибири» Запкуса и его ставленника Журбы.

По словам председателя СНК Вятской губернии Малыгина, «без кооптированных членов губисполкома обойтись не было возможности — работы много, а работников — нет...»¹⁸ По мнению уральского комиссара А.Г. Белобородова, кооптированные члены сыграли «значительную роль в падении авторитета Советской власти», так как кооптация «не нормировалась никакими правилами»¹⁹. Члены губисполкома во главе с Поповым не интересовались политическими убеждениями кандидатов и не знали их политического прошлого²⁰.

Одним из кооптированных членов губисполкома стал представитель отдела земледелия Ефим Бакин, возглавивший с 19 февраля 1918 г., ввиду болезни Попова, губисполком. Думается, вряд ли его кандидатуру не одобрил Попов. Бакин «...занял должность в тот момент, когда в кассе губисполкома было несколько рублей, а на фронте шло наступление немцев. Требовались деньги. Губисполком обложил местную буржуазию налогом в 10 млн руб. Пришлось некоторых лиц, не плативших налог, арестовать»²¹. Бакин поступил вполне в духе проводимой тогда политики Советской власти, правда, его отличали «высшая степень нетактичности и большие претензии на власть»²². По свидетельству матроса Тэнса, Бакин говорил тоном, «не допускающим никаких возражений»²³. С момента избрания Бакина председателем «отношения губисполкома и Вятского Совета стали резко ухудшаться»²⁴.

15 января 1918 г. губисполком, по рекомендации члена военного отдела Ильи Городилова, назначил Тэнса помощником Вятского уездного и городского комиссара почт и телеграфа. По словам Городилова, комиссар Журба «прислал для назначения на одну из ответственных должностей... всесторонне знакомого с почтово-телеграфным делом» матроса черноморского флота Александра Тэнса²⁵. Он исполнял обязанности председателя СНК ВГ с 6 по 25 марта 1918 г., когда Малыгин уехал в командировку.

Губернский военный комиссар Сергей Семёнов возглавлял комитет Вятской городской организации большевиков в августе-сентябре 1917 г. и работал с членами комитета В.И. Лалетиным и Поповым. О деятельности этого состава комитета нам почти ничего неизвестно. Нет сведений о нем и в «Очерках» по истории областной парторганизации. Лишь однажды о его существовании упомянуто в сборнике «Октябрь и гражданская война в Вятской губернии». По словам Михаила Попова, после отъезда наиболее активных работников городская организация свернула свою деятельность, и меньшевики сделали попытку «войти в соглашение с наименее устойчивыми большевиками, разумеется, на основе меньшевизма. Часть таких неустойчивых большевиков они даже перетасили к себе...»²⁶ Иначе говоря, сторонники Попова с трудом терпели на должности военного комиссара Семёнова, не проявившего в ответственный момент большевистской принципиальности.

Комиссар летучего отряда матросов Иван Кириллов непосредственно подчинялся только Журбе, бывшему в то время со своим отрядом в Котельниче. Ни губисполком, ни Вятский горсовет даже

«не пытались установить какой-либо порядок» в деятельности отряда, а размер жалования «оставался неустановленным и ненормированным»²⁷.

Первые месяцы существования новой власти сопровождались многочисленными конфликтами, что было обусловлено, прежде всего, процессом становления советской политической системы. Конфликты возникали не только между советским учреждениями — губисполком и Вятским Советом — но и между различными военно-политическими силами. Так, в начале января 1918 г. возник конфликт между летучим отрядом и 106-м полком, и губисполком был вынужден принять меры к улаживанию противоречий между ними²⁸.

Чаще всего конфликты возникали между Вятским Советом и губисполкомом в связи с реализацией политики Советской власти в сфере экономики и налаживания нового государственного управления. Губисполком, имея летучие отряды, уверенно решал задачи, достигал своих целей, что вызывало недовольство Вятского Совета.

10 марта Вятский горисполком, обсудив вопрос о военном отделе и его взаимоотношениях с начальником гарнизона, постановил арестовать Лапина и «немедленно препроводить его в губернскую тюрьму»²⁹. Одновременно некоторые члены горисполкома предлагали подчинить себе летучий отряд матросов Кириллова, но эта идея не встретила поддержки большинства. О своем решении горисполком не поставил в известность ни губисполком, ни губернский СНК, ни военный комиссариат, ни Уральский СНК. В тот же день по требованию губернских властей состоялось экстренное совещание представителей городских и губернских органов, на котором, однако, не удалось достичь консенсуса. По поручению губисполкома, Семёнов вместе с красногвардейцами Казаковым и Козловым отправился в тюрьму и добился освобождения Лапина.

10 марта «лапинцы» направили телеграмму Запкису в Екатеринбург и копию Журбе в Буй, информируя их об аресте Лапина, и «убедительно просили» прислать свои распоряжения³⁰. Мы не знаем ответа ни Запкуса, ни Журбы, но можем предположить, что они рекомендовали перейти к активным действиям.

11 марта состоялось совещание членов губисполкома и Вятского горисполкома с участием представителей воинских частей города. Руководители Вятского Совета обвинили Лапина в злоупотреблении должностными полномочиями и алкоголизме, но, не убедив совещание, покинули его под неодобрительные возгласы и свист³¹. В ночь с 11 на 12 марта члены Вятского Совета и городского комитета партии большевиков вели агитацию среди рабочих и солдат, предлагая им не выходить на праздничную демонстрацию, посвященную первой годовщине Февральской революции.

Салют боевыми снарядами омрачил праздничный день 12 марта: снаряды улетели за город, что вызвало панику среди населения³². Очевидно, что салют имел политическую цель — оказать давление на горсовет и руководство большевиков. Члены руководства Вятского горсовета отказались участвовать в праздничной демонстрации.

После демонстрации «лапинцы» собрались в номерах Миронова и провели совещание с участием представителей воинских частей Вятки. Ефим Бакин обвинил членов горсовета и комитета партии боль-

шевиков в переходе на сторону контрреволюции и предложил их арестовать. Его поддержали многие из участников, а Николай Клабуков заявил о необходимости нанесения упреждающего удара. Участник совещания Ульянов решил предупредить исполком Вятского Совета о готовящемся аресте и спешно отправился в горсовет.

Летучий отряд вскоре оцепил здание горсовета и «под давлением вооруженной силы» конфисковал пулемет, изъяв список членов исполкома Совета. В городе началась охота на Петра Капустина, Лалетина и других руководителей горсовета и партийного комитета, но Попов почему-то не попал в список преследуемых.

По постановлению губернского военного комиссариата, подписанного Семёновым, Вятская губерния с 12 марта 1918 г. объявлялась на военном, а г. Вятка — на осадном положении. Такое решение не могло быть принято без одобрения Запкуса и Журбы, считавших себя высшими представителями центральной власти.

Возможными причинами введения военного и осадного положения стали не только действия членов исполкома Вятского горсовета, но и напряженная обстановка в Вятке. По словам Клабукова, в Вятке насчитывалось «до 600 офицеров, организующих белую гвардию... Тогда же был обстрелян патронный завод»³³. Правда, следственная комиссия Белобородова не нашла или не захотела найти подтверждения этим фактам.

Весь день 13 марта «лапинцы» пытались реализовать свое решение. Однако арестовать своих противников они не сумели, а 106-й полк, городская милиция, Красная гвардия и организованные рабочие их не поддержали. Вероятно, не поддержал «лапинцев» и артдивизион, салютовавший накануне.

13 марта состоялось собрание представителей воинских частей гарнизона Вятки, взявшее горсовет под свое покровительство при условии, что он будет «выражать волю трудовых масс». Собрание единогласно постановило «снять военное положение», а все приказы губернского военного комиссариата не исполнять без одобрения гарнизона³⁴.

В этих условиях Вятский горсовет начал «длительные переговоры с губисполкомом», накапливая при этом силы. 14 марта Попов «по просьбе товарищей» вернулся к руководству Вятским Советом, чтобы «восстановить его деятельность»³⁵.

14 марта 1918 г. состоялось пленарное собрание демократических организаций с участием представителей губисполкома, Вятского Совета, комитета большевиков, воинских частей, на котором присутствовали уральский военком Фёдор Голошекин и Михаил Попов. На собрании выяснилось, что «губисполком не виновен, а виновны отдельные лица. Дальнейшая работа возможна...»³⁶ Попытка военного переворота объявлялась «плодом недоразумения»³⁷. Было решено известить Уральский облисполком, поручив Тэнсу и Метелеву составить текст телеграммы и отправить ее. Позднее комиссия Белобородова обвинила Тэнса в искажении текста телеграммы, поэтому Уральский Совет еще целую неделю не знал существование событий в Вятке.

В середине марта 1918 г. по решению губбюро из Глазова в Екатеринбург выехал Иван Попов³⁸. 23 марта в Вятку прибыла комиссия Уральского совета по расследованию рассматриваемых событий

под руководством Белобородова в сопровождении вооруженного отряда. Начались аресты «лапинцев», но обвинение им было предъявлено лишь на одиннадцатый день. Причем арестованные, по словам Клабукова, голодали 104 часа ³⁹.

Следствие «разрослось широко», продолжалось с момента приезда комиссии Белобородова и закончилось после завершения II губернского съезда Советов 25 апреля. Следственная комиссия собрала данные о других членах губисполкома и о членах исполкома Вятского городского Совета, руководстве местных большевиков. Речь шла, преимущественно, о «неумеренном употреблении спиртных напитков», в том числе Поповым, Малыгиным и другими ⁴⁰. Арестованные губернские комиссары по борьбе с пьянством Иван Трефилов и Иван Калинин «преступно растрачивали» конфискованные крепкие спиртные напитки, «снабжали ими своих сослуживцев, давая их безотчетно на устраиваемые губисполкомом попойки» ⁴¹.

С докладом о расследовании выступления «лапинцев» на съезде выступил Белобородов. Предварительно делегаты большинством голосов постановили слушание и обсуждение проводить в закрытом режиме. Докладчик проанализировал причины «лапинской авантюры», указав, прежде всего, на конфликт между советскими учреждениями, осложненный кооптированными членами губисполкома и давлением «летучего отряда» Журбы, нарисовав атмосферу пьянства и злоупотреблений в губернских органах власти. Член следственной комиссии Соловьёв заявил на съезде: «...власть была гнилая. Да и не власть то была, а пьяная компания», развращавшая матросов ⁴².

На закрытых заседаниях съезда выступили «лапинцы» и другие местные советские и партийные руководители. «Лапинцы» заявляли, что расследование велось необъективно: многие участники преступлений остались вне поля зрения следствия. Очевидно, речь шла о сторонниках Михаила Попова. Так, Клабуков огласил список тех, кто 12 марта присутствовал в номерах Миронова. Среди них были не только «лапинцы», но и их противники — Михаил Попов, Пётр Капустин, А.С. Трубинский, Малыгин ⁴³, который был свидетелем событий того дня: «Я пошел и достал у Бермана (аптека Бермана. — Ю.Т.) для них 2 бутылки спирта» и принес им ⁴⁴. А между тем, Михаил Попов позднее заявлял, что он в это время болел.

На съезде прозвучала резкая критика в адрес губисполкома в целом, что вынудило его председателя Михаила Попова не раз заявлять, что такие обвинения являются огульными, а их цель — «подорвать престиж Советской власти» ⁴⁵. Он также говорил, что «...ни в каких совещаниях в нетрезвом виде не участвовал и ответственных решений не принимал...» ⁴⁶. Такие объяснения не удовлетворили Белобородова, так как следствие еще не было закончено ⁴⁷. Когда в конце съезда состоялось выдвижение кандидатов в новый состав губисполкома, Михаил Попов заявил о своем самоотводе ввиду «физической усталости и расстройства нервов» ⁴⁸. Однако в своей автобиографии он назвал другую причину: несогласие с тем, что «...съезд кулацкий, вынес решение о повышении твердых цен на хлеб» ⁴⁹.

Формально, главной причиной ареста «лапинцев» было не допустить перерастания политического конфликта в вооруженную ста-

дию. На одну из причин их ареста указал губернский комиссар юстиции Афанасий Вопияков, обращаясь к Клабукову: вас «...держат не потому, что вы виновны, а потому, что стояли во главе воинских сил Вятки»⁵⁰. Учитывая, что «лапинцы» опирались на хорошо вооруженные летучие отряды Запуска — Журбы, основания для ареста были весьма вескими.

Существовала и другая причина. В декабре 1917 — феврале 1918 г., после ухода Попова и Капустина на советскую работу, в комитете большевиков Вятки решающая роль перешла к сторонникам Михаила Мышкина, стоявшего на левокоммунистических позициях по вопросу о Брестском мире и выступавшего за развитие «рабочей демократии»⁵¹. На II губернской партийной конференции, состоявшейся в конце февраля — начале марта 1918 г., «отсутствовал почти весь партактив Вятки в связи с интенсивной работой в Советах»⁵². Губернский центр представляли Мышкин, П.Г. Фалалеев и Зобнин. По предложению комиссии в составе Рогалёва, А.А. Вопиякова и яранского комиссара С.М. Черепанова, делегаты конференции приняли левокоммунистическую резолюцию по вопросу о мире с Германией. Аналогичную позицию в телеграмме СНК РСФСР от 25 февраля 1918 г. отразил и губисполком⁵³. Иначе говоря, партийная организация Вятки была расколота между сторонниками Попова и Мышкина, и выступление «лапинцев» было выгодно Попову. Оппонент Михаила Попова среди большевиков Вятки Мышкин позднее задавал вопрос: «Не они ли (сторонники М.М. Попова. — Ю.Т.) толкнули летучий отряд разоружить» Вятский комитет большевиков?»⁵⁴

Учитывая то, что Михаил Попов не стал мишенью «лапинцев» и поддерживал с ними отношения даже во время своей болезни, подозрения Мышкина можно считать обоснованными.

«Лапинцы» содержались в местной тюрьме до начала июля 1918 г., после чего их по постановлению Вятской губернской ЧК отправили в распоряжение Уральского областного Совета. Вначале увезли Тэнса и Клабукова⁵⁵, а затем Лапина⁵⁶. Мы не располагаем решениями областного ревтрибунала, но известно, что Лапин, Тэнс и кто-то еще из «лапинцев» были расстреляны, а Клабукову вынесли менее суровый приговор⁵⁷.

Идейно-политические взгляды и программа «лапинцев» остаются дискуссионными. Среди них были представители самых разных взглядов и течений. Так, Леонид Журба, Иван Кириллов, Александр Тэнс испытали на себе влияние анархистских идей. С прибытием отрядов солдат и матросов в Вятку в городе организовалась группа анархистов-коммунистов, отношение к деятельности которой у губисполкома было противоречивым: считая их идеи и деятельность конструктивными, в предоставлении им помещения губисполком отказал. Но «при содействии летучего отряда Журбы» анархисты заняли здание общественного собрания, вывесив черный флаг⁵⁸. Группа анархистов издавала свой печатный орган «Вятская свободная коммуна», редактором которого был А.Н. Лохтин. В начале апреля 1918 г. в Котельниче «над помещением, занятым отрядом Журбы, появился черный флаг с надписью “Анархия — мать порядка”»⁵⁹.

Председатель полкового комитета 106-го полка Николай Клабуков придерживался эсеро-максималистских взглядов, а большевик

Сергей Семёнов был близок к меньшевикам. Кого из «лапинцев» можно отнести к левым эсерам — сказать трудно. Из 9 преданных суду «лапинцев» не известна партийная принадлежность Бакина, Городилова, Трефилова и Калинина. Последние двое, впрочем, — фигуры второстепенные. В материалах следствия нет даже намека на принадлежность кого-либо из «лапинцев» к эсерам или левым эсерам. Левоэсеровская организация Вятки оформилась уже после прибытия Белобородова⁶⁰.

Поэтому, вряд ли можно говорить о какой-то большой роли левых эсеров в деятельности «лапинцев». Думается, что обвинение левых эсеров, тем более эсеров вообще, в попытке военного переворота — стремление Михаила Попова свалить вину на своих политических противников.

На наш взгляд, среди «лапинцев» можно выделить две группы деятелей: «идейных» и карьеристов, причем как те, так и другие в социокультурном плане часто не отличались друг от друга. Всех «лапинцев» объединяло стремление устранить сторонников Михаила Попова, которые в дальнейшем стали проводниками политики установления большевистской диктатуры. Что лежало в основе этого стремления — личные амбиции, политические разногласия, материальные интересы — остается во многом загадкой.

О Журбе и Запкесе следует сказать отдельно. Что касается Журбы, то нам известен лишь период пребывания его в Котельнич: с «приездом в Котельнич в середине декабря 1917 г. отряда Л. Журбы работа по организации Советской власти двинулась смелее...»⁶¹ По воспоминаниям котельнического большевика П. Федяева, «в феврале-марте 1918 г. комиссар Журба начал работать не в контакте с уездным исполкомом: без его ведома облагал и взыскивал с буржуазии контрибуцию, проводил конфискацию товаров и продуктов, расстреливая грабителей без суда и следствия, не отчитываясь о своих действиях перед уисполкомом»⁶².

В начале апреля 1918 г. левый эсер Антон Мисуно собрал материал о преступной деятельности Журбы и предъявил его наркому юстиции Исааку Штейнбергу и руководству ВЧК. НКВД поручил Мисуно выяснить деятельность летучего отряда Журбы и назначил его своим уполномоченным. 11 апреля 1918 г. Журба доложил II губернскому съезду Советов результаты своего расследования. Выяснилось, что «...население Котельнича совершенно терроризировано летучим отрядом»⁶³. Члены исполкома местного Совета даже боялись обсуждать распоряжения Журбы, а председатель исполкома Иван Овчарук работал вместе с ним. Журба незаконно расстрелял 20 чел., собрал с населения 312 тыс. рублей. Вместе с прибывшими из Вятки ответственными советскими работниками Мисуно созвал уездный съезд Советов, попытался арестовать Овчарука и препроводить его в Вятку, но заместитель Журбы Воронов предупредил, что разгонит съезд. Тогда Мисуно прибыл в Вятку и, получив от Белобородова вооруженный отряд, вновь собрал участников уездного съезда Советов. Когда Журбу попытались арестовать, он заявил: «...Котельнич будет весь объят огнем»⁶⁴. В ответ «против него было выкачено орудие». Такой аргумент отрезвил Журбу. Белобородов сообщил, что Журба имеет огромные полномочия, данные ему центральной властью, и арест его не-

возможен. Следствие пришлось проводить «осторожно. Оказывается, имеется целая сеть преступных организаций, которая связана с Пермью»⁶⁵. О деятельности Журбы Белобородов сообщил В.И. Ленину, Н.И. Подвойскому и Л.Д. Троцкому, но меры к его задержанию приняты не были.

В Котельниче Журба «любил ввалиться в тюрьму с десятком матросов и допрашивать арестантов. Ему было все равно, кого допрашивать, лишь бы удовлетворить жгучее желание выбить у жертвы признание своей виновности»⁶⁶. Не отличался Журба и бескорыстностью: «...через Волжско-Камский банк он потребовал перечислить на свое имя в Петроград деньги по предъявленным им от разных лиц чекам на сумму в 34 тысячи 500 рублей. Обнаружилось и множество других злоупотреблений властью в превратившемся в банду грабителей летучем отряде...»⁶⁷

О Запкусе достоверно известно еще меньше. С 9 декабря 1917 г. по 24 февраля 1918 г. отряд комиссара Запкуса предположительно базировался в Екатеринбурге и оттуда контролировал Вятку и Котельнич. Этот «политический авантюрист, не являвшийся, по-видимому, даже членом РСДРП (б)», возглавил военно-революционный комитет Тюмени, сыгравший «основную роль в установлении советской власти»⁶⁸. Тюменский историк А.А. Кононенко предположил, что «Запкус имел весьма значительную поддержку и могущественных покровителей на самом верху большевистского руководства в Петрограде, направивших его на сбор ценностей и продовольствия»⁶⁹. Как сейчас стало известно, Запкус «попался в каких-то нечистых делах и очутился в тюрьме. Отряд распался...»⁷⁰ Дальнейшая его судьба неизвестна.

Таким образом, в декабре 1917 — марте 1918 г., когда власть Советов в губернии была весьма слабой и неустойчивой, а городская парторганизация большевиков — малочисленной, группа выдвинутцев Запкуса — Журбы и Михаила Попова, интересы которых в это время совпадали, заняла господствовавшее положение. Михаил Попов и его сторонники мирились с анархо-бандитскими действиями Журбы до тех пор, пока в ситуацию не вмешался центр и Уральский СНК. В удобный для себя момент сторонники Попова выступили против «лапинцев».

В местной советской историографии на изучение этой темы было наложено табу в связи с тем, что «лапинцы» были тесно связаны с руководством местных большевиков. Программа «лапинцев» остается дискуссионной. Обвинение левых эсеров в том, что они были в числе вдохновителей «лапинской авантюры» — лишено каких-либо серьезных оснований.

«Лапинская авантюра» привела к «оттепели», появлению независимой прессы, активизации небошевистских партий и объективно способствовала ослаблению большевистской власти в губернии, что особенно проявилось на II губернском съезде Советов. Она всколыхнула общественно-политическую жизнь в Вятской губернии, а следствие по делу «лапинцев», о котором стало известно населению города, вызвало критику большевиков. II губернский съезд Советов высказался за повышение твердых цен на хлеб, что противоречило взглядам Михаила Попова.

Победа Вятского горсовета связана не столько с тем, что его своевременно поддержал Уральский облсовет, сколько с тем, что он смог опереться на вятский гарнизон, демократические организации, рабочих и служащих. Не случайно, в марте-мае 1918 г. стали выходить независимые газеты, оформились организации левых эсеров и максималистов. На состоявшихся весной 1918 г. перевыборах депутатов Вятского Совета от железнодорожных станций Вятка I и Вятка II победу одержали эсеры и меньшевики.

2 июня по инициативе Михаила Попова была распущена городская парторганизация Вятки. Сторонникам Михаила Мышкина, выразившим по этому поводу свое недовольство, Попов угрожал: «Если будете разговаривать, то пустим в расход»⁷¹. 22 июня Попов при поддержке ЦК РКП (б) возглавил городской партийный комитет Вятки, а в августе-октябре 1918 г. — губком РКП(б).

Примечания

1. КРЫЛОВА А.В. Взаимодействие субъектов партийного и государственного управления в процессе политической реорганизации: опыт деятельности Нижегородского губкома в 1918—1921 гг. // <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-subektov-partiynogo-i-gosudarstvennogo-upravleniya-v-protssesse-politicheskoy-reorganizatsii-opyt-deyatelnosti#ixzz4GcTnrXLf>.
2. Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. Вятка. 1927, с. 112.
3. 30 славных боевых лет (1903—1933). Очерки по истории Вятской партийной организации. Вятка. 1933, с. 35.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. 4112, оп. 2, д. 58, л. 54—55.
5. Очерки истории Кировской областной организации КПСС. Ч. 1. Киров. 1965, с. 485.
6. ГАСПИ КО, ф. 4112, оп. 2, д. 88, л. 12—15.
7. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 119, л. 12.
8. КОНОНЕНКО А.А. К вопросу об установлении Советской власти в Тюмени в 1918 г. // <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ustanovlenii-sovetskoj-vlasti-v-tyumeni-v-1918-godu#ixzz4G4PLJu00>.
9. ГАСПИ КО, ф. 4112, оп. 2, д. 61, л. 59.
10. Там же, л. 77.
11. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. Р-897, оп. 1, д. 3, л. 2об.
12. Там же, л. 27.
13. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 24об.
14. Вятская правда. 13.I.1918.
15. ГА КО, ф. Р-875, оп. 1, д. 53, л. 27.
16. Там же, д. 5, л. 50. Вятская губерния наряду с Пермской, Уфимской и частью Оренбургской в начале 1918 г. входила в состав Уральской области. Вятский губисполком и местный СНК подчинялись образованному в январе 1918 г. СНК Уральской области.
17. Военный комиссар П.Н. Евстафьев после прибытия комиссии Белобородова скрылся из Вятки. — Вестник Вятского губисполкома. 30.III.1918.
18. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 37об.
19. Там же, л. 20.
20. Так, Евгений Карлович Тегер, 1890 г. рождения, сын служащего германской фирмы в Москве, немец, до 1922 г. гражданин Германии, после — гражданин СССР, анархист с 1905 по 1922 год. Позднее стал членом ордена розенкрейцеров. См.: НИКИТИН А.Л. Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923—1941 гг. http://allconspirology.org/books/A-L-Nikitin_Ezotericheskoe-masonstvo-v-sovetskoj-Rossii—Dokumenty-1923-1941-gg-/83.

21. ГА КО, ф. Р-875, оп. 1, д. 4, л. 30.
22. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 12.
23. Там же.
24. Там же.
25. ГА КО, ф. Р-897, оп. 1, д. 17, л. 148.
26. Там же, ф. Р-128, оп. 1, д. 826, л. 27.
27. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 14.
28. ГА КО, ф. Р-875, оп. 1, д. 51, л. 4.
29. Там же, ф. Р-897, оп. 1, д. 2, л. 56.
30. Там же, ф. Р-875, оп. 1, д. 144а, л. 511.
31. Там же, ф. Р-1062, оп. 1, д. 41, л. 87об.
32. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 21об.
33. Там же, л. 27об.
34. ГА КО, ф. Р-897, оп. 1, д. 21, л. 67об., 71.
35. Там же, ф. Р-1062, оп. 1, д. 41, л. 87об.
36. Там же, л. 88.
37. Там же, ф. Р-897, оп. 1, д. 21, л. 27об.
38. Вятская правда. 6.X.1927.
39. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 28.
40. Там же, л. 23.
41. Там же, л. 14об.
42. Там же, л. 26об.
43. Там же, л. 27об.
44. Там же.
45. Там же, л. 3.
46. Там же, л. 39.
47. Там же, л. 41.
48. Там же.
49. Там же, ф. 4112, оп. 2, д. 57, л. 10.
50. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 153, л. 28.
51. Там же, д. 94, л. 224.
52. Там же, д. 106, л. 62.
53. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. документов. Киров. 1957, с. 263.
54. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 94, л. 225.
55. ГА КО, ф. Р-384, оп. 1, д. 16, л. 53.
56. Там же, л. 62.
57. Октябрь и гражданская война в Вятской губернии..., с. 114.
58. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 106, л. 68.
59. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 100, л. 57.
60. Наш край. 3.IV.1918.
61. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 100, л. 54.
62. Там же, л. 56.
63. Там же, д. 153, л. 29.
64. Там же, л. 30об.
65. Там же, л. 32.
66. ВОСТРЫШЕВ М. Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860—1920-е годы. <http://statehistory.ru/books/Povsednevnyaya-zhizn-Rossii-v-zasedaniyakh-mirovogo-suda-i-revtribunala—1860-1920-e-gody/100>.
67. Там же.
68. КОНОНЕНКО А.А. Ук. соч.
69. Там же.
70. ПЕТРУШИН А. Заказанная революция. — Родина. 2003, № 3, с. 67.
71. ГАСПИ КО, ф. 45, оп. 1, д. 94, л. 225.

Местные органы продовольственного снабжения армии и населения в 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии)

Г.Б. Азаматова

Аннотация. Государственное регулирование продовольственного рынка в период первой мировой войны исследуется на примере Уфимской губернии, одной из хлебных житниц страны. По мере усиления экономического кризиса управление продовольственными ресурсами претерпело значительную децентрализацию. Формирование в губерниях новых органов с чрезвычайными полномочиями влияло на внутривнутриполитическую ситуацию и мобилизацию оппозиционных сил.

Ключевые слова: Уфимская губерния, земство, первая мировая война, продовольственный кризис, продовольственное снабжение, Совещание по продовольствию.

Abstract. State regulation of the food market during World War I is investigated on the example of the Ufa province, one of grain granaries of the country. With the increasing economic crisis, food management has undergone significant decentralization. Formation in provinces of new bodies with emergency powers influenced an internal political situation and mobilization of opposition forces.

Key words: Ufa province, zemstvo, First world war, food crisis, food supply, Conference on food.

Продовольственный кризис в годы первой мировой войны являлся сложной проблемой, порожденной комплексом экономических и социально-политических причин. Его влияние на последующие переломные события 1917 г. было и остается востребованной темой исторических исследований¹. В данной работе рассматривается роль местных государственных и общественных органов в формировании продовольственной политики на примере Уфимской губернии. Кроме вклада отдельных регионов в мобилизацию экономических и производительных ресурсов страны в период первой мировой войны, отдельного внимания заслуживает вопрос о значении местных систем управления в

Азаматова Гульназ Булатовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы. ИЦ РАН. Башкортостан. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru.

Azamatova Gulnaz B. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. Bashkortostan. E-mail: gulnaz.azamatova@yandex.ru.

условиях общенационального кризиса 1914—1917 гг. и последующей смены общественно-политической системы.

Начало организации системы государственного продовольственного снабжения было положено решением Совета министров от 30 июля 1914 г. о прямых государственных закупках хлеба для армии. В беспрецедентной прежде практике государственных закупок отдельная роль отводилась местным организациям. В губерниях назначались уполномоченные под руководством Главного управления земледелия и государственных имуществ, в дальнейшем — Министерства земледелия. В Уфимской губернии уполномоченным главноуправляющего землеустройством А.И. Кривошеина по закупке хлеба для армии был назначен председатель губернской земской управы П.Ф. Коропачинский.

Привлечение исполнительных органов местного самоуправления — земских управ — к выполнению государственных заданий шло явочным порядком. При них открывались финансируемые из казны продовольственные и экономические отделы. Вместе с тем, основные вопросы проведения заготовок выносились на обсуждение земских собраний. Таким образом, кроме организации практических мероприятий правительство возложило на земские учреждения общественную поддержку заготовок и обязанность реализации непопулярных, а в дальнейшем и принудительных мер — введение фиксированных цен, контроль рынка, проведение реквизиций и др.

Закупки хлеба велись в 31 губернии. Согласно районам избытков и недостатков продовольствия, определенных Н.Д. Кондратьевым по результатам урожаев 1909—1913 гг., в Уфимской губернии ежегодный избыток хлебных продуктов и картофеля на душу населения составлял 11,5 пудов. В остальных губерниях Поволжья, к которым географически примыкал уфимский хлебный рынок, больше избытков оставалось в Самарской (25,1 пуд.) и Саратовской (13,5 пуд.) губерниях. Упомянутые три губернии лидировали на рынке зерновых, приближенном к крупнейшему району потребления Центральной России. Максимальные избытки хлеба имели южные губернии — Таврическая (37 пуд.), Херсонская (30 пуд.), Кубанская (31 пуд.) и Донская (28 пуд.) область ².

Помимо урожайности значение губерний в хлебозаготовках определялось состоянием их транспортной инфраструктуры и эффективностью работы заготовительного аппарата. В Уфимской губернии речная транспортировка и тесное сотрудничество губернского уполномоченного с представителями хлебного бизнеса позволили наладить бесперебойные поставки зерновых культур.

Первоначально правительство и земство рассчитывали на широкое привлечение производителей, например, через сельские кооперативы. Но отсутствие у земства хранилищ, транспорта и закупочного аппарата заставило его переориентироваться на услуги коммерсантов. При преобладании в Уфимской губернии мелкого зернового производства с разветвленной системой посредничества, заготовки на протяжении войны обеспечивал союз чиновников и хлебных монополистов.

В первую компанию 1914—1915 гг. уфимские коммерсанты предоставляли помещения и некоторые услуги бесплатно. Официальные условия хлебной операции заключались в получении комиссион-

ной суммы 4 коп. с пуда. За счет постоянного повышения цен сделки были очень выгодными для торговцев. Так, в октябре 1914 г. рожь для армии закупалась в Уфимском уезде по 70 коп. за пуд. Однако приостановка заготовок привела к моментальному падению цены до 53 копеек. Ажиотаж сопровождался нарушением правил сделок. В Мензелинском уезде маклер Сорокин при совершении записи брал по $\frac{1}{2}$ коп. с пуда, хотя размер куртажа (вознаграждения за сделку) не мог превышать $\frac{1}{4}$ копейки ³.

Всего в губернии закупили 10,8 млн пуд. зерновых, в том числе через посредников — 10,2 млн пуд. (95%), землевладельцев — 360 тыс. пуд. (3%), крестьян-предпринимателей — 122 тыс. пуд. (1%), кредитные товарищества — 45 тыс. пуд. (0,4%) Основной объем продукции — 6,8 млн пуд. — составила рожь, главная экспортная культура, далее шел овес — 2,8 млн пудов ⁴.

Если рассмотреть заготовительный процесс с учетом развитого в Уфимской губернии хлебного рынка ⁵, видно, что Уфимское земство действовало только как посредник, переадресовывая поток товара государственному заказчику. Торговый аппарат сохранил в своих руках основные операции и движение товара по традиционным маршрутам. Большинство закупок — 8,8 млн пуд. — было совершено на пристанях. До Рыбинска, промежуточного пункта экспорта, было доставлено 7,5 млн пудов. Основные поставки обеспечили Бирский (4,5 млн пуд), Уфимский (3,4 млн пуд) и Мензелинский (1,2 млн пуд.) уезды, где концентрировалось занятое в экспортной торговле местное купечество. В 1914 г. подавляющее большинство членов Рыбинского биржевого общества, 53 чел. из 58, проживали в указанных уездах ⁶.

В первую хлебную кампанию с августа 1914 г. по июнь 1915 г. из центра регулировались цены, сроки и даже рыночные зоны сделок. Так, «Инструкция по заготовке хлебов для армии» предусматривала их контроль представителями военного ведомства, а по положению Совета министров «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота» от 17 февраля 1915 г. определялось государственное нормирование цен на рожь, овес и др. хлеба ⁷. В Уфимской губернии фиксированные цены впервые были введены 21 февраля 1915 г. распоряжением главного начальника Казанского военного округа. Использование административных мер — реквизиции припасов, запретов на вывоз заготавливаемых продуктов — позволило перевыполнить задания военного ведомства. Среднемесячные поставки по стране с февраля по июнь 1915 г. превысили нормы в 2,7 раз ⁸. Всего за 1914—1915 гг. было заготовлено 302,7 млн пуд. разных видов хлеба ⁹.

Со второго года войны с целью ускорения доставки провианта заготовительная система была значительно децентрализована. По закону от 17 августа 1915 г. создавались органы управления военной экономикой — Особые совещания по продовольствию, обороне, топливу и перевозкам. Отдельным направлением стала организация продовольственного дела на местах, где появились специальные структуры. Председатель Особого совещания назначал в губерниях, областях и градоначальствах уполномоченных, при них учреждался штат помощников и местные Совещания по продовольствию.

По «Правилам о местных уполномоченных председателя особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу» от 25 октября 1915 г. должности губернских уполномоченных в основном заняли губернаторы, на втором месте шли председатели земских управ¹⁰. Привлечение земских представителей зависело в немалой степени от состояния статистической службы при земских управах. Для выполнения хлебных нарядов незаменимыми стали сведения об урожайности сельскохозяйственных культур, продовольственной потребности населения, рыночных ценах и пр. данные, разработанные в ходе реформы земского налогообложения по закону от 8 июня 1893 года.

В Уфимской губернии с развитой службой земской статистики продовольственное управление сложилось на базе губернской земской управы¹¹. Уполномоченным Особого совещания стал председатель земской управы П.Ф. Коропачинский, заместителем по заготовке хлеба был назначен земский агроном А.Д. Цюрупа, по продовольствию — заведующий статистическим отделом губернской земской управы М.П. Красильников, руководитель многих статистических исследований и автор трудов по сельскохозяйственной статистике.

Политические кредо главных фигур продовольственного аппарата были разными — например, Красильников имел репутацию благонадежного, а Цюрупа являлся членом РСДРП¹². Последний попал в Уфу в 1905 г., отбыв ссылку в Олонецкой губернии за антиправительственную деятельность в Тамбовской губернии. Он поработал статистиком и агрономом в ряде земств — Херсонском, Харьковском, Тульском. В Уфимской губернии Цюрупа закрепился в качестве управляющего имением крупных землевладельцев Кугушевых. Связанный с революционным подпольем князь В.А. Кугушев был женат на его родной сестре Марии Цюрупе.

Как видно, в обстановке войны бдительность властей отходила на задний план. По мере углубления политического и экономического кризиса политические пристрастия местных деятелей стали проявляться ярче и в итоге оказали заметное влияние на продовольственную политику в губернии.

Уполномоченный Коропачинский активно использовал административное вмешательство в рыночную торговлю, что предусматривалось «Положением об Особом Совещании», «Правилами о местных уполномоченных» от 25 октября 1915 г. и другими законами. В целях борьбы со спекуляцией специальным постановлением всех торговцев обязали до 20 декабря 1915 г. объявить о своих запасах товаров первой необходимости: чая, мыла, соли, сахара, керосина. В противном случае им грозил денежный штраф, либо тюремное заключение¹³. Наряду с этим, в конце 1915 — начале 1916 г. земские статистики провели экспедиционную перепись наличных товаров в Уфе, была введена текущая регистрация получаемых грузов. Благодаря контролю над ценообразованием, рыночной торговлей и движением железнодорожного грузопотока полномочия губернского уполномоченного расширились до уровня губернаторских.

Ужесточилось давление на свободный рынок. Агенты Коропачинского и хлебных коммерсантов контролировали все рынки и диктовали условия сбыта. Кроме действующих запретов вывоза товара,

были изданы дополнительные постановления о недопущении частных операций до 12 час. дня, когда совершались покупки для армии.

Административные меры постоянно нарушались не только торговцами, но и участниками государственной системы снабжения. Из Уфимской губернии хлеб вывозился скупщиками, комиссионерами уполномоченных других губерний, посредниками военного интендантства и др. Так, нижегородские заготовители переманили поставщиков уфимского уполномоченного, назначив более высокую цену¹⁴. Вместе с тем, введенные правила нанесли удар по мелким производителям и торговцам, небольшие фирмы ликвидировались.

Рост числа мобилизованных и дефицита в потребляющих губерниях вели к увеличению нарядов. Причем наряду с размерами заготовок, первые два года росло и перевыполнение норм. В 1914—1915 гг. было заготовлено 302,7 млн пуд. (131% к заданию), в 1915—1916 гг. — 500 млн пуд (145,8%)¹⁵. Для местных уполномоченных главным условием исполнения государственных нарядов были авторитарные меры. В то же время высокопоставленные чиновники со второго года войны выражали опасения по поводу ликвидации свободного рынка. Борьба двух начал проявилась на съезде уполномоченных главного управления земледелия и землеустройства в июле 1915 года. Министр земледелия подчеркнул успехи первой хлебозаготовительной операции. Главный интендант, генерал от инфантерии Д.С. Шуваев выразил благодарность за снабжение войск продовольствием прекрасного качества, звучали оптимистичные прогнозы о способности страны не только выдержать второй год войны, но и снабдить продовольствием армии всех союзников¹⁶. Министр земледелия А.В. Кривошеин подчеркнул нежелательность падения цен ниже нормального уровня, запрещения внутреннего торгового обмена и объявил задачу приближения заготовок к производителю, а представитель Министерства торговли и промышленности высказался за сохранение свободной торговли по опыту крупных заготовок. За применение принудительных мер выступили отдельные уполномоченные, они же просили увеличения нарядов, исходя из благоприятных прогнозов на урожай 1915 года.

За период второй заготовительной кампании с августа 1915 по август 1916 г. в Уфимской губернии было заготовлено по официальным сведениям 24,1 млн пуд. хлеба¹⁷, что составило 223% к объему 1914—1915 гг. и значительно превысило среднегодовой рост по стране — 500 млн пуд. (145,8%). Всего с учетом снабжения населения Уфимской губернии было заготовлено 30 млн пудов зерновых¹⁸. Наряду с богатым урожаем 1915 г., сказались методы работы продовольственного аппарата. На 49-ом чрезвычайном собрании в сентябре 1915 г. уполномоченный Коропачинский объявил о проведении заготовок в неограниченном количестве, с чем было видимо связано выделение в его распоряжение Особым совещанием по продовольствию целого железнодорожного парка из 300 вагонов¹⁹.

Линия поведения уфимского хлебного чиновника формировалась, безусловно, под влиянием возросших политических амбиций земской оппозиции, стремления ее представителей получить важнейшие рычаги государственного управления в условиях военного и последующего мирного времени. В губернском земском собрании с критикой работы уполномоченного, игнорирующего интересы мелких

производителей и населения, выступали единицы. В то же время широкую поддержку Коропачинскому оказывали гласные купцы и крупные помещики. В зоне его внимания были также потребительские общества заводских волостей, наиболее взрывоопасных в социальном отношении. Из представителей перечисленных кругов в ноябре 1915 г. Коропачинский сформировал местное Совещание по продовольствию. На его первом заседании 4 декабря 1915 г. кроме неперемного члена губернского присутствия К.В. Александровича и уфимского полицмейстера С.А. Шамлевича, все остальные 36 участников были от земских и городских самоуправлений и их организаций²⁰. Новый общественный орган заметно снизил влияние земских собраний на заготовку продовольствия.

Широко используя принцип децентрализации, правительство предпринимало попытки установления контроля над местными органами. В постановлении Министерства земледелия от 12 февраля 1916 г. оговаривался состав участников губернских Совещаний, предусматривалось устройство разногласий местных уполномоченных с губернской администрацией председателем Особого Совещания²¹. Министерству не удалось проводить проверку вырабатываемых местными Совещаниями такс на продовольствие, поскольку материалы с мест не поступали²².

Документы уфимского Совещания показывают, что по мере усложнения продовольственного обеспечения на продовольственную политику все больше влияли представители радикального движения. На заседании 4 октября 1916 г. помощник уполномоченного Цюрупа высказался за экстренное введение закона о передаче хлеба государству и его исполнение «новыми общественными организациями». Действующую власть он назвал «старой», а с тенденцией задержки хлеба крестьянами предложил бороться «необычными методами»²³. Похоже, что в возможности получения хлеба также был убежден статистик Красильников, который заявил о наличии в губернии более 16 млн пуд. «излишков». Тему хлебной монополии и общеполитического обновления поддержали радикалы — члены губернского Военно-промышленного комитета А.И. Свидерский, городской продовольственной комиссии Н.П. Брюханов, представитель уфимского отделения Московского Общества сельского хозяйства А.Н. Полидоров. Как видно из протокола заседания, Коропачинский вынужден был лавировать и отражать наступления радикалов, которых он привлек к сотрудничеству.

Второй влиятельной силой были так называемые общественные продовольственные органы. Они оформились в первую очередь в городах и крупных потребляющих центрах. В Уфе отпуск продуктов через муниципальные лавки был актуален с весны 1915 года. В продовольственных органах при городской Думе, возглавляемой оппозиционно настроенным городским головой А.И. Верниковским, активно участвовали представители нелегальных движений. Если для цензовых гласных участие в распределении продуктов казалось неприятной процедурой, и на заседании Думы 24 апреля 1915 г. они отказались войти в городскую Продовольственную комиссию, то разnochинная публика с готовностью использовала такую возможность²⁴. Надо отметить, что заведующий продовольственным отделом уфимс-

кой городской Думы социал-демократ Н.П. Брюханов официально числился на сдельной работе и находился на своей должности нелегально, так как не был утвержден губернатором. Наряду с муниципальными, в Уфе через «Общество взаимного вспоможения частному и служебному труду» была образована общественная Продовольственная комиссия и участники подполья стали «собираться и знакомиться»²⁵.

С третьего года войны, когда угроза голода возникла и в производящих губерниях, власти стали активнее субсидировать потребительские учреждения. Согласно распоряжению Министерства внутренних дел, уфимский губернатор 4 января 1916 г. предложил земскому собранию приступить к широкой организации кооперативных органов для борьбы со спекуляцией на местах²⁶. Одновременно местная администрация старалась не допустить антиправительственных выпадов и любых неожиданных последствий. Были опротестованы решения земских собраний Уфимского, Бирского уездов, проект городской Думы о создании городских районных продовольственных комитетов с целью выявления запасов предметов массового потребления у жителей, торговцев и торгово-промышленных фирм «для равномерного и справедливого распределения среди населения района»²⁷.

Укреплению локальных продовольственных организаций способствовало введение так называемой разрешительной системы для внеочередных перевозок партий продовольствия, введенной постановлениями Съезда уполномоченных по продовольствию в январе 1916 года²⁸. С целью облегчения доставки продуктов земские управы направляли товары непосредственно потребительным обществам, кредитным товариществам и пр. Подобные организации часто были привязаны к пунктам перевозок — пристаням и железнодорожным узлам. Например, потребительская организация служащих, рабочих и мастеровых Самаро-Златоустовской железной дороги во главе с начальником дороги, Общество потребителей Златоустовского казенного завода, Общество потребителей Юрюзанского завода и др.

Мелкие объединения занимали свою нишу в продовольственной системе благодаря наличию соли, чая, сахара, хлеба. Они диктовали условия сбыта, получали прибыль и демонстрировали свою независимость. Показателен с этой точки зрения инцидент, связанный с получением в 1916 г. Обществом потребителей Златоустовского казенного завода вагона с 1 тыс. пуд. соли из Илецка. Златоустовской земской управе, которая выписала товар и должна была установить цену на него, члены Общества намеревались продать соль с наценкой 35%. Также, неожиданно для земской управы Месягутовский Союз исключил в январе 1917 г. служащих земства из списка получателей сахара²⁹.

К 1 августа 1916 г. число потребительских обществ Уфимской губернии увеличилось по сравнению с 1914 г. почти в 8 раз и достигло 288³⁰. Если учесть, что их количество превышало число существующих волостей в губернии (221) и концентрировалось в заводских и промышленно развитых зонах, становится ясно их экономическое значение.

Общественное снабжение стало рассматриваться как альтернатива государственной продовольственной системе, которая действительно дискредитировала себя неспособностью к согласованному управлению снабжением, в первую очередь, из-за проблем с железнодорожными поставками. Принятая в марте 1916 г. на IV съезде Всероссий-

ского Союза городов резолюция о Продовольственном комитете общественных организаций была единогласно поддержана Уфимской городской думой³¹. В ближайших планах Центрального комитета общественных организаций было создание сети местных Продовольственных комитетов из участников Земгора, кооперативов и других организаций. На том же съезде состоялось тайное совещание революционеров, в котором от Уфимской губернии принял участие Б.М. Эльцин — земский врач и член губернского комитета Всероссийского земского союза. Обсуждение М.С. Урицким и Н.И. Бухариным вопроса о захвате власти Советами рабочих и солдатских депутатов вылилось в выяснение продовольственных ресурсов на местах. Эльцин свидетельствовал позже, что «после 25 октября [1917 г.] свое обязательство о посылке хлеба в центр мы выполнили полностью»³².

В третью хлебозаготовительную кампанию 1916—1917 гг. Министерство земледелия приняло постановление о хлебной разверстке от 29 ноября 1916 г. и, кроме того, ввело обязательные поставки скота для армии и городов. В 35 губерниях и областях страны общий наряд составил 3,5 млн голов крупного рогатого скота или 35 млн пуд. мяса³³, в Уфимской губернии отчуждению подлежало 100 тыс. голов — 1 млн пуд. или 12% всего стада³⁴.

Лояльное отношение уфимского земства к разверстке отличало его от других земств, выступивших с просьбами об уменьшении норм поставок, заявлениями о сложении с себя ответственности и т.п.³⁵ В Уфимской губернии противники реквизиции, среди которых были член Государственного Совета и Особого совещания по продовольственному делу А.П. Толстой, депутат Государственной думы А.П. Мельгунов, председатель Белебеевской управы В.И. Бунин, остались в меньшинстве. Наряду с хлебными монополистами разверстку лоббировали представители радикальных течений, крайне заинтересованные в установлении контроля над хлебным фондом. С началом разверстки Уфимское уездное земство, в управе которого преобладали левые, объявило об увеличении норм поставок для создания собственного запаса.

Для выполнения мясной повинности была создана схожая с хлебной структура заготовительных органов под началом губернского уполномоченного Совещания по заготовке скота для армии. На этот пост был назначен член уфимской губернской земской управы Г.М. Курковский. Создавались уездные Совещания и исполнительные комитеты на базе земских управ, земские собрания избирали уполномоченных по заготовке скота, членов исполнительных комитетов, определяли цены и методы заготовок.

Отличительной особенностью данного этапа было возникновение мелких исполнительных единиц со специальными штатами должностей — волостных и сельских комиссий по хлебным заготовкам и реквизиционным комиссий для поставок скота. Поощрительные выплаты вводились и для хлебных органов. Уфимское уездное земство для оживления их вялой деятельности ввело оплату по $\frac{3}{4}$ коп. с пуда сданного хлеба волостным комиссиям, по 1 коп. сельским, по $\frac{1}{4}$ коп. делопроизводителю волостной комиссии³⁶.

Возникновение низовых продовольственных органов легализовало насильственные методы в отношении домохозяев — проверки частных запасов, изъятие подписок о сдаче хлеба и скота, угрозы рек-

визий. Они позволили получить постоянный приток продуктов из деревни, хотя разверстка была воспринята неоднозначно и ее итоги оказались ниже определенных Министерством земледелия нарядов. По данным, приведенным Т.М. Китаниной, в 21 губернии было выполнено 86,3% первоначального плана, что позволило заявить о неудаче продразверстки на самом высшем уровне³⁷. Из 31 губернии превысили норму 4, справились с заданием 8, а всего по стране заготовили 540,8 млн пудов³⁸. Если учесть, что прогнозы сельских сходо-дов и частных владельцев гарантировали, по подсчетам Кондратьева, около 35% от количества хлеба по центральной разверстке, местные первоначальные планы были перевыполнены³⁹. В Уфимской губернии третья хлебная кампания с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г. дала около 35 млн пуд. разных хлебов, что в общем соответствовало заданию Министерства земледелия, хотя по расчетам сельских сходо-в ожидалось всего 13 млн пуд. или 37%⁴⁰.

Мясные поставки также были обеспечены за счет административного ресурса, в котором отдельную роль сыграли сельские органы. Несмотря на то, что, по данным статистического отдела губернской земской управы, Уфимская губерния могла поставить не более 70 тыс. голов крупного рогатого скота, всего к 15 декабря 1916 г. было закуплено 93 227 тыс. голов, наряд в 1 млн пуд. был перевыполнен⁴¹.

После Февральской революции, на основании постановлений Временного правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства» и «Временного положения о местных продовольственных органах» от 25 марта 1917 г., была введена государственная монополия на хлеб и реорганизована система продовольственного снабжения. Далеко не везде по стране реформа была воплощена в полной мере. Ситуация отличалась не только в пределах губерний, но и внутри уездов. Например, в Уфимском уезде от поставок отказались волости с недостатком продовольствия — Булекей-Кудейская, Кальтовская и Тептярская⁴². В южных губерниях и на Кавказе с преобладанием зажиточных хозяйств и арендаторов хлебная монополия не работала. Во многих регионах новые органы возникали со значительным опозданием.

Руководство продовольственным делом возлагалось на губернские, уездные и волостные Продовольственные комитеты и их исполнительные органы — Продовольственные управы. Реорганизация продовольственной системы стала той осью, вокруг которой развернулась борьба органов Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов за власть. На организационном собрании Уфимского губернского Продкомитета 16 апреля 1917 г. главные должности поделили центристы и большевики. Губернскую Продуправу и городской Продкомитет возглавили большевики Цюрупа и Н.П. Брюханов. Районные и волостные комитеты при участии эсеров и большевиков быстрее всего оформились в потребляющих и заводских центрах⁴³. В крестьянском Златоустовском уезде, по постановлению второго крестьянского съезда, в апреле 1917 г. продовольственные органы перенесли из Златоуста во вновь образованный административный центр с. Месягутово. Уездный Продовольственный комитет имел большевистско-эсеровский состав, в продовольственную управу прошли уволенные в отпуск солдаты и член исполкома Совета крестьянских депутатов⁴⁴.

Борьба за продовольствие сопровождалась смещением комиссаров Временного правительства. Согласно исследованию Г.А. Герасименко, к весне 1917 г. 60% губернских комиссаров лишились постов⁴⁵. Уфимский комиссар Коропачинский был отстранен в мае 1917 г., его место занял помощник В.Ф. Герасимов, ориентированный на Совет рабочих и солдатских депутатов⁴⁶.

В волостях влияние Советов на продовольственные органы также усилилось. Общероссийской тенденцией с весны 1917 г. стало стремление крестьян вытеснить из волостных, в том числе продовольственных, органов сельскую интеллигенцию, торговцев и землевладельцев⁴⁷. По постановлению Временного правительства от 19 мая 1917 г., Продуправы финансировались из местных казначейств, что сделало их максимально независимыми от каких-либо распоряжений⁴⁸.

В Уфимской губернии среднемесячное выполнение хлебных нарядов за январь–март 1917 г. составило 80%, в других российских губерниях, кроме Бакинской с 99% исполнением нарядов, эти показатели колебались от 1 до 63%⁴⁹. Осенью 1917 г. среди производящих губерний Камского бассейна поставки сохранила только Уфимская — по-прежнему за счет торговых фирм и предпринимателей. В производящих окраинах снабжение тормозили локальные центры управления — Украинская рада, Кавказская краевая продовольственная управа, Союз хлебородов южных губерний, Оренбургское казачье войско во главе с атаманом А.И. Дутовым и др.⁵⁰

Опыт организации хлебозаготовительного аппарата Уфимской губернии оказался необходим для поддержки большевистского правительства. На Всероссийском продовольственном съезде в Москве 18—24 ноября 1917 г. представители Министерства продовольствия и местных продовольственных органов, в том числе от Петербургской и Московской губерний, единодушно выступили против подчинения Совету народных комиссаров. Диссонансом прозвучала политическая речь уфимского делегата Цюрупы, представившего платформу Совета рабочих и солдатских депутатов, которую он начал словами, что в политике «борются не аргументами, а силой»⁵¹.

Через несколько дней В.И. Ленин назначил его помощником наркома продовольствия, а позже наркомом продовольствия РСФСР. Заместителем Цюрупы, а затем и его преемником стал Брюханов. Таким образом, в итоге развития системы продовольственного снабжения в годы первой мировой войны возникла разветвленная сеть органов заготовки и распределения продовольствия, посредством которой были мобилизованы ресурсы для поддержки нового политического режима.

Примечания

1. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. 1991; АНФИМОВ А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М. 1962; КИТАНИНА Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л. 1985; МАЦУЗАТО К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма. Земский феномен: политологический подход. Саппоро. 2001, с. 144—198; ДАВЫ-

- ДОВ А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. Мешочники. 1917—1921 гг. СПб. 2002; ОСЬКИН М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914—1917 гг. — Вопросы истории. 2010, № 3, с. 144—152; БЕЛОВА И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М. 2011; ЗАЯЦ Н. Царская продрозверстка. — Родина. 2016, № 4, с. 113—117.
2. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 95—96, 184.
 3. Журналы Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г. Уфа. 1915, с. 6.
 4. Там же, с. 39.
 5. РОДНОВ М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа. 2012.
 6. Там же, с. 205—211.
 7. Публикация высочайше утвержденного положения Совета министров «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота». В кн.: Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914—1918: Сб. документов и материалов. Уфа. 2014, с. 265—266.
 8. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 231.
 9. Там же, с. 228; Журналы уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г., с. 39.
 10. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 172; КИТАНИНА Н.М. Ук. соч., с. 142.
 11. РОДНОВ М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика. — Российская история. 2012, № 5, с. 110—120.
 12. ПИСАРЕНКО Э.Е. Александр Дмитриевич Цюрупа. — Вопросы истории. 1989, № 5, с. 130—153.
 13. Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО), ф. И-11, оп. 1, д. 735, л. 12.
 14. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. И-421, оп. 1, д. 11, л. 5об.
 15. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 228.
 16. Совещание уполномоченных главного управления землеустройства и земледелия по закупке хлеба для армии, председателей губернских земских управ и представителей ведомств. 1—3 июля. Пг. 1915.
 17. НА РБ, ф. И-421, оп. 1, д. 11, л. 30.
 18. Там же, ф. И-96, оп. 1, д. 8, л. 132об.
 19. КИТАНИНА Т.М. Ук. соч., с. 222.
 20. НА РБ, ф. И-96, оп. 1, д. 8, л. 36.
 21. Постановление Министерства земледелия от 12 февраля 1916 г. № 18 «О некоторых мерах к урегулированию снабжения продовольствием и о порядке выработки и издания такс на предметы продовольствия. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914—1917 гг. Ч. 1. [Пг. 1917], с. 47—50.
 22. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 23, оп. 9, д. 360, л. 189.
 23. НА РБ, ф. И-96, оп. 1, д. 8, л. 133об.
 24. Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны: документы и материалы. Уфа. 2008, с. 11.
 25. НА РБ, ф. 1832, оп. 3, д. 261, л. 9—11.
 26. Журналы уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии. Уфа. 1916, с. 219.
 27. Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны, с. 55—57, 70—71.
 28. Постановления съезда уполномоченных по продовольствию в Москве 25 губерний и областей в г. Москве 3—5 января 1916 г., с. 1—8 [Отдельный оттиск]. Архив ЗГО, ф. И-11, оп. 1, д. 735, л. 31—34об.
 29. Там же, л. 31—34об.
 30. САМОРОДОВ Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии. Стерлитамак. 1999, с. 321.
 31. Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны, с. 60—61.
 32. НА РБ, ф. 1832, оп. 3, д. 261, л. 11—12.
 33. ОСЬКИН М.В. Ук. соч., с. 144—152.
 34. НА РБ, ф. И.-421, оп. 1, д. 6, л. 3—4.

35. КИТАНИНА Т.М. Ук. соч., с. 260—263; СУДАВЦОВ Н.А. Земство в годы Первой мировой войны. В кн.: Земское самоуправление в России, 1864—1918. Кн. 2. М. 2005, с. 281—286.
36. Хлебная повинность в Уфимском уезде. — Сельскохозяйственный листок. 1917, № 3—4, с. 25—28.
37. КИТАНИНА Т.М. Ук. соч., с. 262—263.
38. Там же; КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 228.
39. Там же, с. 204.
40. НА РБ, ф. И-421, оп. 1, д. 11, л. 20—21.
41. Там же, ф. 96, оп. 1, д. 21, л. 5—8.
42. Хлебная повинность в Уфимском уезде, с. 25—28.
43. НА РБ, ф. 1832, оп. 3, д. 411, л. 2.
44. Архив ЗГО, ф. И-11, оп.1, д. 784, л. 6.
45. ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Судьба земств в ходе революционных событий 1917 года. В кн.: Земское самоуправление в России, 1864—1918, кн. 2, с. 320.
46. Уфимская хроника. — Вперед! 30.05.1917; НА РБ, ф. 1832, оп. 2, д. 27, л. 30.
47. ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов. 1974, с. 52 — 63.
48. НА РБ, ф. И-421, оп. 1, д. 7, л. 46об.
49. КОНДРАТЬЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 419—421.
50. Всероссийский продовольственный съезд в Москве 18—24 ноября 1917 года. Стенографический отчет. М. 1918, с. 9—21.
51. Там же, с. 76—79.

Судьба Ташкента накануне образования Туркестанского генерал-губернаторства

Д.В. Васильев

Аннотация. В работе рассматривается дискуссия, возникшая накануне и сразу после захвата Ташкента русскими войсками. Она показывает не только спонтанность российских завоеваний в регионе, но и неготовность имперского правительства к освоению захваченных пространств. Рассуждения чиновников центрального и регионального уровней показывают различные подходы к решению политических задач на центрально-азиатском направлении и различное понимание преимуществ, вызванных обладанием новыми территориями. Исследование знакомит с восприятием региона на разных уровнях власти, с методами управления азиатскими владениями и пониманием угроз, обусловленных российским присутствием в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Российская империя, Ташкент, Туркестанская область, Туркестанское генерал-губернаторство, М.Г. Черняев, Н.А. Крыжановский, Д.И. Романовский, туркестанские походы.

Abstract. The work deals with the discussion which arose on the eve of the Russian occupation of Tashkent and right after it. It disclose not only spontaneity of the Russian conquest of the region, but also unavailability of the imperial government to absorb the captured space. Reasonings of officials of the central and regional levels show various approaches to the solution of political tasks on the Central Asia direction and various understanding of meanings caused by possession of new territories. The article acquaints with perception of the region by different levels of the Russian power, with methods of governing the Asian possession and with understanding of the threats caused by the Russian presence in the region.

Key words: Central Asia, the Russian Empire, Tashkent, Turkestan province, Turkestan Governorate General, M.G. Chernyaev, N.A. Kryzhanovsky, D.I. Romanovsky, Turkestan campaigns.

5 марта 1865 г. из передовых владений России в Центральной Азии на базе управления Сырдарьинской пограничной линии была образована новая Туркестанская область ¹, а спустя два года, 11 апреля 1867 г., император утвердил мнение Особого комитета, учрежденного для изучения вопроса о необходимости преобразования управления погра-

Васильев Дмитрий Валентинович — кандидат исторических наук, доцент, проректор Института искусства реставрации. E-mail: dvvasiliev@mail.ru.

Vasilyev Dmitry V. — candidate of historical sciences, associate professor, pro-rector of the Institute of Art of Restoration. E-mail: dvvasiliev@mail.ru.

ничной полосы России, значительно расширившейся в результате военных завоеваний последнего десятилетия. Было принято решение: «...Туркестанскую область и часть Семипалатинской области, лежащую к югу от Тарбагатайского хребта, изъять из ведения Оренбургского и Западносибирского генерал-губернаторств и соединить их под одно особое военное и гражданское управление»². 11 июля 1867 г. был подписан именной указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей (Семиреченской и Сырдарьинской)³. Все это время вопрос о политическом будущем крупнейшего города региона Ташкента оставался фактически открытым.

Туркестанский край стал колыбелью современной государственности центральноазиатских государств. Основы нынешних государственных учреждений, систем народного образования, здравоохранения, науки и культуры были заложены еще в рамках этого административно-территориального образования.

Неудачное завершение Крымской войны заставило российское правительство обратить внимание на иное геополитическое пространство, где оно могло как-то компенсировать серьезно пошатнувшийся авторитет империи. Да и самой русской армии и ее генералам, испытавшим всю горечь и деморализующий гнет поражения, необходим был новый театр, чтобы вернуть себе величественное достоинство и вновь почувствовать позабытый вкус побед.

Этим театром стала Центральная Азия, где русская армия познала первые серьезные успехи еще в ходе Восточной войны. А в начале следующего десятилетия сюда было приковано внимание не только просвещенных жителей империи, но и европейских кабинетов. Занятие Сузака и Чулак-Кургана, уничтожение кокандских фортов Джунтала и Куртку в 1863 г. стало прологом к масштабным военным действиям, начавшимся в следующем году взятием Аулие-Аты, Туркестана и Чимкента.

Безусловно, жемчужиной огромного региона и естественным притягательным центром был крупнейший город и важнейший торговый центр Ташкент, входивший в то время в состав владений Коканда. Поэтому его политическая судьба была одним из самых острых и обсуждаемых вопросов административно-территориального устройства и геополитического размежевания России и центральноазиатских ханств.

Интересно, что к судьбе Ташкента российские власти обращались еще в то время, когда было рано говорить о его завоевании. Уже тогда грезилась картина добровольного превращения ключевых пунктов региона в российские протектораты: «Если вследствие успеха нашего оружия правители Ташкента... изъявили бы желание отложиться от Коканда и готовность сделаться как бы вассалами России, то я предложил..., не отвергая подобных предложений, вступить с ними в предварительные переговоры...»⁴, — писал весной 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири.

Первая попытка штурма Черняевым Ташкента в октябре 1864 г. завершилась неудачей. Но она не осталась незамеченной ни в Петербурге, ни в самом городе, вызвала активизацию Министерства иностранных дел в ташкентском вопросе и побудила правительство разъяснить свою позицию в отношении имперской политики в регионе вообще. 21 ноября того же года императором была утверждена совместная

докладная записка МИД и Военного министерства, излагавшая основы политики России в Центральной Азии ⁵.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что движение на Ташкент имело не только российский военный вектор (М.Г. Черняев и другие военачальники), но и определенную базу в самом городе. Принято считать, что стремление ташкентцев принять российское подданство было инспирировано военным губернатором Туркестанской области Черняевым. Однако доподлинно известно, что призывы к аннексии города Россией поступали из Ташкента до его захвата, но уже после штурма 1864 года. Речь идет о деле Мирсеида Султанбаева, детали которого никоим образом не указывают на связь с Черняевым.

Зимой 1865 г. в Петербурге объявился некто Мирсеид Султанбаев, назвавший себя представителем нескольких наиболее влиятельных ташкентцев, с предложением подчинить город России. По его словам, желание это было продиктовано угрозой бухарского нападения и неминуемой войны между Бухарой и Кокандом, результатом которой мог стать упадок торговли и разорение местных жителей. Россия, таким образом, выступала своего рода гарантом предпринимательской безопасности.

Несмотря на то, что Султанбаев не смог представить никаких документальных свидетельств своих полномочий (чемодан с бумагами был утерян в пути), и личность его не была доподлинно установлена, Министерство иностранных дел приняло информацию к сведению, а князь А.М. Горчаков удостоверил императора, что она подтверждается сообщениями, полученными с границы. По заверению Султанбаева, в Ташкенте объединились пророссийская партия и силы, выступавшие за независимость города. Из этого министр делал вывод о складывании наиболее благоприятной обстановки для самопровозглашения независимости Ташкентского ханства, что полностью соответствовало политическим интересам России: «Образование из Ташкента независимого ханства не может представлять для нас опасности. Близость наших военных сил будет постоянно внушать хану должный страх и уважение наших интересов; а вместе с тем ханство это послужит нам удобным орудием в случае необходимости действовать на Коканд, а также на Бухару; вместе с тем Ташкент будет служить нам щитом и оградой против всяких внезапных покушений Коканда и Бухары». Всего этого оказалось достаточно для того, чтобы Министерство иностранных дел инициировало подготовку проекта независимого Ташкентского ханства ⁶. Не исключено, что в этом русле следует рассматривать и назначение оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановского вместо занимавшего должность оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П. Безака, в активном взаимодействии с которым Черняев и совершал свои туркестанские завоевания.

Накануне занятия Ташкента (а о том, что Ташкент мог быть против воли правительства захвачен, в МИД, судя по всему, небезосновательно догадывались, особенно учитывая первый опыт штурма города Черняевым) Министерство иностранных дел обратилось к оренбургскому генерал-губернатору, в ведении которого состояла вновь образованная Туркестанская область, южная граница которой приблизилась к Ташкенту на расстояние 100 верст. В отношении от 23 февраля 1865 г. подчеркивалось, что, по сравнению с присоедине-

нием Ташкента, для империи гораздо более выгодным было бы провозглашение этим городом независимости. В этом случае Ташкент мог стать удобным орудием давления на Коканд и Бухару, а с другой стороны, своего рода буфером в случае покушения этих ханств на имперскую границу. Учреждение в городе российского консульства при этом могло способствовать превращению Ташкента в крупнейший узел российско-среднеазиатской торговли. Однако и сохранение зависимости Ташкента от Коканда признавалось вполне удовлетворяющим правительственным интересам. Близость к городу российских войск составляла бы постоянную угрозу для столь важного стратегического пункта и могла служить «лучшим залогом в исполнении ханом условий доброго соседства»⁷.

Иными словами, вопрос об административном устройстве Ташкента, по мнению МИД, следовало «предоставить ходу событий». При этом в министерстве считали, что продолжение агрессивных действий Коканда по отношению к России должно было спровоцировать восстание ташкентцев, недовольных возможными убытками как от военных действий, так и от сокращения торговли с империей. В этом случае оренбургскому губернатору рекомендовалось нанесением удара по ханским войскам поспособствовать успеху мятежа и провозглашению независимости города. Но и при таком ходе событий войска должны были сразу же вернуться к местам своей постоянной дислокации, дабы не возлагать на империю «...весьма тягостную опеку, которая могла бы привести... к самым затруднительным последствиям» как в политическом, так и в экономическом отношениях. Наконец, министерство предостерегало генерал-губернатора от опасности бухарского завоевания города. Поэтому Крыжановскому надлежало не только оповестить эмира о мирных планах России в регионе, но и выяснить его намерения в отношении Ташкента⁸. Генерал-губернатору рекомендовалось на основании этого отношения составить особую инструкцию для военного губернатора области генерал-майора Черняева⁹. Текст этой инструкции в архивах обнаружить не удалось, но другие документы не оставляют сомнения в том, что Черняев был прекрасно осведомлен о планах правительства, в которые никоим образом не входило завоевание Ташкента.

5 июня 1865 г., буквально накануне захвата Ташкента, ничего конкретно подозревающее Министерство иностранных дел направило оренбургскому генерал-губернатору высочайше утвержденное отношение. А в нем, в который уже раз, напомнило главному начальнику края те принципиальные начала среднеазиатской политики империи, которыми тот обязан был руководствоваться: прочное обустройство пограничной линии, незыблемость границы, возмездие в случаях нападения кокандцев и обеспечение взаимной равноправной торговли со среднеазиатскими владениями¹⁰. Именно в этом духе генерал-губернатор должен был официально обратиться к бухарскому токсабе¹¹. Ту же мысль ему следовало донести при необходимости и до военных и гражданских начальников Кокандского ханства¹².

Одновременно Крыжановскому был направлен и утвержденный императором проект прокламации к жителям Ташкента и прилегающих территорий. В ней генерал-губернатор должен был призвать ташкентцев отказаться от кокандского владычества, провозгласить неза-

висимость города и предостеречь горожан от антироссийских происков. В этом случае Ташкенту обещались добрососедство и защита со стороны России, а также покровительство развитию двусторонней торговли¹³. При этом МИД предоставлял главному начальнику Оренбургского края право самостоятельно выбрать время для опубликования прокламации и возможность изменить ее содержание, не затрагивая при этом смысла послания. Но уже через десять дней после высочайшей апробации прокламации генерал-майор Черняев осуществил рекогносцировку Ташкента, а в ночь на 15 июня, не имея на то ни приказа, ни предусмотренных высшей властью империи оснований, начал штурм города. Через два дня, 17 июня 1865 г., гарнизон Ташкента сдался российским войскам. Политическая ситуация в регионе, вопреки воле правительства, радикально изменилась.

Вернувшись из своей первой поездки в Ташкент в сентябре 1865 г., рассуждая о государственной принадлежности этого города и сравнивая его с мусульманскими анклавами внутренней России, оренбургский генерал-губернатор Крыжановский задался вопросом, следует ли превратить экономический центр Туркестанского края в русский город наподобие, например, Казани: «Нисколько, напротив того, гораздо более полезно будет для России торговать с независимым, но нам вассальным Ташкентом, чем расширять пределы империи и тратить большие суммы на содержание русского управления в городе, имеющем 100 тысяч жителей. Приобщив к России Ташкент, мы теряем крайне полезного нам соседа, прикрывающего своими владениями нашу границу, и приобретаем новую Варшаву, но только магометанскую»¹⁴. В результате российского «благотворительного влияния в качестве цивилизаторов» новый Ташкент должен был получить правильное государственное устройство — законы, гарантирующие безопасность личности и собственности. Однако генерал-губернатор понимал, что сохранить независимость нового государства можно было, лишь взяв его под защиту русского оружия. Независимость под российской защитой — вот формула нового центральноазиатского государства, по мнению главного пограничного начальника¹⁵. Первая часть этой формулы давно была официально декларирована имперским правительством. В поддержку же второй ее части Крыжановский приводил желание самих жителей города, просивших генерал-губернатора «не покидать их на произвол ханов и эмиров», ибо «боязнь азиатцев перед туземными владетелями так велика, что ташкентцы предпочитают остаться русскими подданными»¹⁶.

Крыжановский признавал, что настроения населения Ташкента были ближе к созданию органа городского самоуправления под контролем туркестанского военного губернатора. Сам же он при этом выступил за учреждение единоличного правителя, обосновывая свое мнение тем, что «с единоличным правителем легче ладить, чем с муниципалитетом», что жители легче воспримут единоличную власть, а участие российской администрации в выборах членов местного самоуправления лишь настроит против нее ташкентцев и может спровоцировать появление и консолидацию антироссийских политических сил, и, наконец, что лидерство в ташкентском муниципалитете может захватить местное духовенство¹⁷. Сказанное наталкивает на мысль, что оренбургский генерал-губернатор, несмотря на свои од-

нозначные заявления, сам был не особенно уверен в лояльности потенциальных подданных империи. С другой стороны, Крыжановский четко понимал грядущие административные проблемы новых имперских владений: транслировать свою власть на зависимую территорию Петербургу было легче через единственного хана, чем через городское собрание. Те же идеи оренбургский генерал-губернатор выразил и в своем обращении к жителям Ташкента 23 сентября 1865 года¹⁸. В нем вполне однозначно декларировалось, что «Ташкент вместе со страной, распространяющейся до реки Сырдарьи, должен составить независимое государство», «поставленное навсегда под защиту непобедимого русского оружия»¹⁹.

Небезынтересным представляется ответ ташкентцев на это обращение²⁰. Местные жители показали себя достаточно осведомленными в вопросах управления мусульманами Российской империи. Отстаивая идею сохранения административного и судебного значения шариата, они апеллировали к российским муфтиатам, весьма широко трактуя их прерогативы, допуская над собой лишь одного представителя имперской администрации, и то «только в качестве посредника», покровительствующего ташкентскому казы-каляну²¹. При этом горожане готовы были отказаться от выборного начальника, считая такой поворот вредным. По их мнению, все вопросы, регулировавшиеся шариатом, должны были находиться в ведении казы-каляна. Духовных лиц, связанных с исполнением судебных полномочий (казиев, аглямов, муфтиев, раисов, мутавалиев и имамов), должен был назначать казы-калян, а утверждать — военный губернатор как представитель имперской власти. Исключительно гражданские должности зякetchей, курбаши и аксакалов полагалось оставить в ведении русского военного начальника²².

Достаточно иметь хотя бы наиболее общее представление о восточном менталитете, чтобы ответить на вопрос, почему свое идеальное будущее (в том общем виде, в каком оно представлено в ответе ташкентцев) горожане связывали не просто с неким абстрактным представителем российской власти, а исключительно с Черняевым, которого одного они готовы были видеть своим главным начальником и с кем были готовы взаимодействовать. Ташкентцы сами объяснили свою привязанность к действующему военному губернатору: «...он находится в продолжении двух лет в этих краях и по завладении Ташкентом был так снисходителен к его жителям, что за зло творил им добро, и никто из ташкентцев не был им обижен...»²³ Не исключено, что именно столь активная поддержка военного губернатора со стороны покоренного населения сослужила ему дурную услугу и стала одним из поводов для его отставки. Просьба же подчинить Черняеву не только Ташкент, но и подвластные ему прежде территории, указывает на намерение ташкентской элиты сохранить бывшее могущество своего государства. Возможно, именно столь активная позиция горожан оттолкнула Петербург от идеи ташкентской независимости.

Вдобавок ко всему, представители Ташкента испрашивали себе целый набор льгот: освобождение от земельного налога, установление арендной платы за пользование казенными землями в соответствии с шариатом, освобождение от воинской повинности и от постоя, освобождение вакфов от каких-либо сборов.

Военный министр дал такую характеристику политическому треугольнику (Черняев — Ташкент — Крыжановский), поводом к возникновению которой стала упомянутая выше прокламация: «Жители Ташкента по собственному ли сознанию непрактичности, можно даже сказать, несообразности такого решения или же по внушению Черняева ответили генерал-губернатору адресом, в котором отказывались от предложенного самоуправления, от выбора начальников из своей среды и выразили желание остаться под управлением Черняева и лиц, им назначенных, причем выговорили себе лишь некоторые льготы в отношении заведования делами веры и избавления от военной службы». Он же иронизировал: «Такое желание самих жителей как нельзя более совпадало с видами Черняева, который уже не довольствовался занятием самого города Ташкента, но доказывал Крыжановскому необходимость занятия и всего края за Чирчиком, так чтобы границей нашей была Сырдарья и чтобы таким образом отрезать кокандское владение от бухарского, поставив в Коканде нового хана»²⁴.

Ожидая прибытия в Туркестан призванного его сменить Д.И. Романовского, Черняев искал любые способы предотвратить свое изгнание из края. Он с нетерпением ожидал встречи со спутником Романовского И.И. Воронцовым-Дашковым, командированным с поручениями по войскам от имени императора, а «...в действительности же для проверки на месте сведений, имевшихся о поведении и действиях генерала Черняева»²⁵. Надеясь услышать что-либо (наверняка приятное для себя) в ответ на адрес, поданный оренбургскому генерал-губернатору местными жителями²⁶, он, видимо, не до конца сознавал собственную политическую обреченность. Петербург он уже не устраивал.

Министерства военное и иностранных дел, а чуть позже и сам император одобрили мнение и все распоряжения оренбургского генерал-губернатора в отношении ташкентского вопроса, обеспокоившись лишь угрозой сохранения влияния мусульманского духовенства в ущерб авторитету российской администрации²⁷.

Одновременно с местными жителями о перспективах государственного устройства Ташкента высказался и сам Черняев. Первоначально выступая за образование в городе независимого государства под российским протекторатом, в конце сентября 1865 г. он призвал центральное правительство повременить с окончательным решением, повторив тезис о нежелательности провозглашения независимого Ташкентского ханства²⁸.

Свою позицию по вопросам устройства вновь завоеванных территорий военный губернатор Туркестанской области Черняев сформулировал в декабре 1865 года²⁹. Готовясь к уже вполне очевидной отставке, он вспоминал прошлогоднюю записку, в которой были сформулированы основания, придающие вновь завоеванной области значение колонии («далекого заморского владения»), и подчеркивал, что изменившаяся политическая ситуация вызвала необходимость изменения и правительственного взгляда на этот вопрос³⁰. Опуская разного рода обвинения Черняева в адрес своего непосредственного начальника, обратим внимание на то, что военный губернатор указал на динамику взглядов Крыжановского на будущность «столицы Средней Азии», который первоначально во что бы то ни стало стремился лично овладеть Ташкентом, а позже в письме бухарскому эмиру объа-

вил о предоставлении городу независимости. Покажется парадоксальным, но указанное письмо оренбургского генерал-губернатора его подчиненный не отправил адресату. Черняев, прежде также поддерживавший мнение о независимости Ташкента, осенью 1865 г. (уже после взятия города) признал идею Крыжановского несостоятельной. Более того, военный губернатор отказался зачитать оставленное ему генерал-губернатором обращение к ташкентцам, в котором тот объявлял о высочайшем даровании городу независимости, ограничившись лишь его представлением наиболее знатным жителям ³¹.

Позднее военный министр Милютин вспоминал, что, еще только собираясь (причем вопреки воле государя) захватить Ташкент, «...он предполагал образовать (из него. — *Д.В.*) отдельное владение под покровительством России с той только целью, чтобы Ташкент не подпал под власть бухарского эмира» ³². «Как только Ташкент был взят, Черняев переменял свое мнение: вместо образования из этого города особого владения, он нашел необходимым совсем присоединить его к империи и занять русским гарнизоном, так же как Нияз-бек и Чиназ» ³³.

А непосредственно перед отъездом из области, видимо, понимая безвыходность своего положения, Черняев пошел ва-банк, убеждая императорского эмиссара графа Воронцова-Дашкова скрыть, если оно существует, решение правительства о предоставлении городу независимости ³⁴. Однако ничего изменить покоритель Ташкента уже не мог. Сменивший его Романовский убеждал военного министра: «Вообще ташкентцы никогда и не были взволнованы отъездом Черняева, их смущала только неизвестность: останутся ли в Ташкенте русские войска...» ³⁵

Правительство никогда не желало включения ташкентских владений в состав России. А оренбургский генерал-губернатор фактически демонстрировал непоследовательность своей позиции, первоначально заявляя о незыблемости новых приобретений империи и вслед за тем провозглашая независимость Ташкента. Черняев высмеивал эту позицию, которая никого не могла обмануть в Азии и вряд ли бы ввела в заблуждение Европу ³⁶. Безусловно, военный губернатор понимал, что такая изменчивость взглядов главного начальника края была обусловлена не его личными убеждениями, а указаниями, получаемыми из центра. Можно гадать о том, чем руководствовался Черняев — личными амбициями покорителя Средней Азии, собственным пониманием государственных интересов или же заботой о внешнеполитическом авторитете империи. Так или иначе, складывается представление о том, что военный губернатор Русского Туркестана стремился любой ценой добиться аннексии Ташкента, в том числе инспирировав уже упоминавшееся обращение жителей города с протестом против независимости. Утверждая, что независимость Ташкента с присутствием российских военных гарнизонов выглядит абсурдно, он наивно поддерживал правительственное мнение о введении в городе самоуправления. Свое неприятие ташкентской, даже мнимой, независимости он оправдывал угрозой того, что освобождения от российской администрации могут потребовать и кочевые жители региона.

Черняев утверждал, что муниципальная традиция существовала на всей вновь завоеванной территории еще до вторжения российских войск. В качестве аргумента он приводил то обстоятельство, что в

большом городе «...и в Зачирчикской стране с таким же числом жителей нельзя было бы сохранить порядок, если бы не было самоуправления»³⁷. Иначе, как он утверждал, всех вверенных ему солдат вместо охраны новых земель следовало бы назначить на различные административные должности.

Призывая отказаться от независимости Ташкента, Черняев развивал свою мысль: «Насколько вредна будет мнимая независимость Ташкента для края, настолько же вредна и зависимость Туркестанской области от Оренбурга»³⁸. Военный губернатор предложил свою схему административно-территориального устройства Азиатской России. Он считал безотлагательно необходимым предоставить Туркестанской области самостоятельное управление, Оренбург присоединить к Казанскому военному округу, а управление степями оставить без изменений.

Идеи своего начальника в письмах к полковнику Полторацкому³⁹ развил подчиненный Черняева Н.А. Северцов⁴⁰. Говоря о сложности отношений между Туркестанской областью и Оренбургским генерал-губернаторством, он отмечал, что «при физической невозможности своевременно сговориться, есть только два выхода из теперешних неладных отношений Туркестанской области с Оренбургом: или чтобы Оренбург по туркестанским делам был бы вполне пассивная передаточная инстанция (следовательно, безвредная, хотя при том и бесполезная), или чтобы туркестанское начальство отказалось от всякой инициативы, даже вынужденной самыми настоятельными пограничными делами...»⁴¹ В последнем случае, говорил Северцов, Туркестанская область вместо движения вперед вернется назад — к тому положению, в котором находилась в свое время Сырдарьинская линия. Доказывая необходимость самостоятельности Туркестана, он отмечал: «Власть отражать и наказывать набеги не много значит без возможности их предупреждать... Тогда-то (при отсутствии у военного губернатора области самостоятельности. — *Д.В.*) придется соседям учить и поневоле распространять свои владения без всякого расчета, просто чтобы не быть прогнанными...»⁴² При этом весьма сомнительным выглядит аргумент о нежелании бухарского эмира общаться с Оренбургом, предпочитая туркестанского губернатора, трактуя его как равного себе⁴³. В сосредоточении политической власти в Оренбурге он видел нецелесообразное ослабление власти губернаторской, которая непосредственно взаимодействовала с Бухарой и, следовательно, должна была, по его мнению, непосредственно представлять в регионе российскую внешнюю политику и лично государя императора. Поддерживая полностью своего начальника, Северцов артикулировал и его предложение перенести в Ташкент столицу края и центр Оренбургского военного округа. В этом случае вопрос об отделении Туркестанской области должен был отпасть сам собой⁴⁴.

Такая безоговорочная поддержка своего начальника стоила Северцову чиновничьей карьеры. После отставки Черняева он покинул Туркестан и позже вернулся туда уже исключительно в качестве исследователя.

Шло время, открывались новые обстоятельства функционирования системы управления, самовольно создававшейся Черняевым в Ташкенте. Центральное правительство и оренбургские власти вновь и вновь обращались к вопросу о ташкентской администрации. В сво-

ем письме к военному министру ⁴⁵ Крыжановский отмечал, что мнение Милютина о введении в Ташкенте муниципального управления на том основании, что подобная система уже существовала в городе, не совсем соответствовало реальности. Ибо все должностные лица городской администрации были лишь ханскими чиновниками, назначавшимися и смещавшимися по его желанию. А повиновение аксакалам объяснялось не признанием их личного авторитета, а традиционным для востока повиновением верховной власти вообще. Особенно с учетом божественного освящения природы этой власти ⁴⁶.

Оренбургский генерал-губернатор отмечал, что существовавшая форма правления была сохранена после завоевания города русскими, хотя и с передачей главного заведования городскими делами особому российскому чиновнику. Однако военный губернатор Черняев пошел дальше, самовольно реализуя «муниципальную» идею военного министра (и других представителей центральной власти). Не получив разрешения главного начальника края, он издал распоряжение об избрании городских аксакалов самими жителями, оставив за собою право утверждать кандидатуры или отменять результаты этих выборов. Размахивая знаменем мусульманской угрозы, Крыжановский утверждал, что «...учреждение муниципалитета отнимет от нас наблюдение за духовенством, которое, конечно, захватит в руки свои все пружины правления» ⁴⁷. Ирония генерал-губернатора по отношению к перспективе ташкентского самоуправления дошла до того, что Крыжановский позволил себе назвать его Ташкентской республикой ⁴⁸.

Исходя из всего этого, Крыжановский предложил следующий порядок действий: 1) на неопределенное время оставить Ташкент под единоличным управлением военного губернатора; 2) содействовать развитию в городе предпринимательства, дабы укрепившаяся «буржуазия» стала опорой новой власти и противовесом политической и духовной партий; 3) принять меры, направленные на ослабление власти и влияния служителей ислама. Последние, во избежание провоцирования религиозного фанатизма, должны были первоначально иметь ненасильственный характер. Ставя целью изъятие у духовных лиц светской власти, генерал-губернатор планировал начать с суда. С другой стороны, Крыжановский считал необходимым оставить за российской администрацией право назначать и смещать местных служителей культа, видимо, не отдавая отчет в том, что тем самым имперское правительство придавало бы имамам и другим религиозным деятелям официальный административный статус. Еще одной идеей генерал-губернатора стала мысль о необходимости учреждения в Ташкенте «законодательной комиссии» под председательством военного губернатора, которой надлежало выработать особый закон для ташкентского государства ⁴⁹.

Военный министр, рассматривавший предложения Крыжановского, оставил на полях его письма заметки, из которых следует, что он был согласен не со всеми заключениями своего подчиненного. Так, чувствуя нежелание генерал-губернатора поддержать идею Ташкента как муниципального государства, Милютин указывал, что эту идею не следует трактовать буквально, как аналогию с буржуазными Гамбургом или Франкфуртом ⁵⁰. Министр не поддержал Крыжановского и в несогласии последнего с распоряжением Черняева об избра-

нии аксакалов, посчитав это дело полезным⁵¹. В то же время высказывания генерал-губернатора о взаимоотношениях с местным духовенством получили поддержку военного министра. А мнение о необходимости ослабления его влияния было подкреплено замечанием Милютина: «Необходимо окружить духовенство мусульманское возможными почестями, и в то же время ограничить действительное влияние его на светские дела»⁵². Военный министр поддержал Крыжановского и в плане развития предпринимательского сословия, способного превратить Ташкент в процветающий экономический центр региона⁵³.

Мнение верховной власти по ташкентскому вопросу было отражено в совершенно секретной записке, высочайше одобренной 15 января 1866 года⁵⁴. В ней вновь подчеркивался тезис о нежелании присоединять этот город к империи, делался вывод о том, что правительство должно избегать шагов, могущих вызвать обвинения «...в намерении исподволь подготовить полное включение Ташкента в число русских областей». Следует признать, что здесь весьма явно просматривается нежелание спровоцировать конфликт с европейскими державами и в первую очередь с Великобританией⁵⁵.

Корреляция с крупнейшей мировой империей прослеживается в этом документе и в цивилизационной риторике об ответственности перед населением нового региона: «Русская власть в Ташкенте должна охранять жителей от внешнего врага и от внутренних беспорядков и быть высшей инстанцией, в которой слабый мог бы найти защиту от угнетения местных властей». Из этого делалось заключение о форме будущих взаимоотношений между Россией и Ташкентом. Из Петербурга новое государство виделось протекторатом, при котором имперская администрация могла бы осуществлять «...не только близкий надзор за всем ходом дел, но действительное, хотя бы и не явное, на него влияние»⁵⁶.

Вопрос о государственном устройстве будущего протектората был рассмотрен более детально. Отвергнув последовательно прежнюю идею Крыжановского о введении в Ташкенте ханской власти и нынешнюю — об учреждении временной законодательной комиссии с целью «сочинить для Ташкента полную конституцию», верховная власть сочла желательным не менять — пусть и не совершенное, но привычное населению — настоящее городское устройство, «...предоставив самим жителям выбор старшин и прочих чиновников, как и сделал уже генерал-майор Черняев»⁵⁷. Отвергалось предложение Крыжановского учредить должности гражданских чиновников при начальнике Ташкентского отряда, равно как и его мнение о безусловном подчинении должностных лиц из коренного населения суду по общероссийским законам, ибо этим шагом их положение фактически приравнивалось к положению имперских чиновников⁵⁸.

Записка содержит и практические рекомендации о том, каким образом выстроить отношения с новым протекторатом. Отдав вопросы внутреннего устройства самим ташкентцам, российская власть намеревалась оставить за собой «только надзор за их действиями», а также все дела, касающиеся российских подданных, внешние сношения Ташкента и определение размера подати города, предназначенной «в вознаграждение расходов по содержанию войск для его обороны». При этом Петербург считал более рациональным не формализо-

вызвать отношения с протекторатом, а установить «...фактическую силу и влияние на дела Ташкента, нежели писанные уставы»⁵⁹.

Пожалуй, в чем центральное правительство было абсолютно солидарно с оренбургскими властями, так это в мусульманском вопросе. В столице империи были убеждены, что духовные лица мусульманского исповедания являются той политической силой, ослабление влияния которой на общество должно стать первоочередной задачей правительства. Печальный опыт Кавказа убедил власть в том, что влияние мусульманской элиты «прямо враждебно власти христианского правительства». Поэтому и любое недовольство российской властью в Ташкенте могло спровоцировать консолидацию недовольных вокруг местных духовных лидеров, традиционно тяготеющих к бухарскому эмиру. Поддерживая стремление Крыжановского к ослаблению духовенства и укреплению значения торгового сословия, царское правительство считало, что ограничение влияния местного духовенства на светскую жизнь необходимо было осуществлять чрезвычайно осторожно, дабы не вызвать всплеска недовольства со стороны коренного населения, «...а напротив, сохранять добрые отношения к духовенству и, окружая его почетом, привлекать к себе наградами и подарками»⁶⁰. Внимательное сравнение двух текстов показывает, что если оренбургский генерал-губернатор вынашивал лишь идею постепенного ограничения влияния мусульманского духовенства, то столичные власти считали необходимым активно привлекать его на свою сторону.

В отношении реорганизации судебной части в новом владении империи высочайше одобренная записка определила те ее черты, которые позднее легли в основу судебного устройства региона: подсудность антиправительственных преступлений и преступлений против российских поданных российскому же военному суду; разбор торговых споров в коммерческом суде, состоящем из российских и ташкентских купцов, с утверждением его решений военным губернатором; сохранение местного (народного) суда для разбора дел между коренными жителями по шариату, причем приговоры, влекущие за собой смертную казнь или увечье, подлежали утверждению военного губернатора области с правом последнего заменять эти наказания соответствующими по общеимперским военно-уголовным законам. При этом в российской столице сочли желательным стремиться в перспективе к замене единоличного суда кади решением судебной коллегии по образцу военно-народных судов на Кавказе. Ликвидация же народного суда как такового была признана нецелесообразной, ибо спектр проступков и преступлений местных жителей не исчерпывался российским военно-уголовным законодательством⁶¹.

Таким образом, рассмотренная высочайше одобренная записка военного министра определила принципиальные направления имперской политики в Туркестане в том виде, в каком они виделись в самом начале 1866 г.: 1) создание на территории ташкентских владений российского протектората на основе самоуправления; 2) отказ от жесткой регламентации как внутреннего политического режима, так и отношений между империей и Ташкентом, предполагавший большую свободу маневрирования имперской администрации; 3) ограничение вмешательства российской власти общим надзором за деятельностью местной администрации, покровительство имперским под-

данным, контроль над внешнеполитической деятельностью Ташкента, определение размера подати города в государственную казну; 4) ограничение влияния и привлечение на свою сторону мусульманской элиты; 5) развитие в регионе экономических отношений и торгового сословия как опоры новой власти; 6) постепенная реформа народного суда. Маркируя одно из направлений политики в Средней Азии, военный министр в своем письме главному начальнику Оренбургского края 24 января 1866 г. отмечал, что вмешательство российской администрации во внутренние дела Ташкента следовало ограничить в большей мере, чем это планировал Крыжановский, то есть подчеркивал нежелание Петербурга превращать новые территории в непосредственное владение империи ⁶².

Итак, в феврале 1866 г. по высочайшему распоряжению в Оренбург отправился генерал-майор Романовский с целью донести до краевой власти официальную позицию Петербурга ⁶³. Перед отъездом он составил получившую одобрение императора записку ⁶⁴ — своего рода манифест нового туркестанского правления. Признавая, что в 1865 г. произошел вынужденный выход российских войск за линию Джулек — Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата и, вопреки намерениям правительства, был захвачен Ташкент, он отмечал, что это действие не только спровоцировало недовольство среди соседних властителей, но и поставило перед имперским правительством чрезвычайно трудно разрешимые проблемы. Среди них — вопрос о статусе, как их назвал Романовский, «независимых вассальных владений». Подводя итог дискуссии по этой проблеме, генерал-майор отмечал, что мнение о Ташкентском ханстве уже никем не поддерживалось, но и единодушия в отношении перспективы политического устройства города не наблюдалось. Противоречившие друг другу точки зрения сходились в одном — в необходимости вооруженного покровительства и военного присутствия в регионе, а также в строгом наблюдении за внутренним устройством покоренных владений ⁶⁵.

Эти политические соображения, по мнению нового туркестанского начальника, вынуждали правительство отказаться от прежних намерений ограничить пространство завоеваний в регионе линией Джулек — Туркестан — Чимкент — Аулие-Ата. Романовский считал, что к началу 1866 г. сложились благоприятные условия для того, чтобы изменить юго-восточную границу российского продвижения в Центральной Азии. Исходя из этого, а также из того, что правительство еще не сформулировало своей позиции в отношении внутреннего устройства присоединенных территорий, он предлагал следующий порядок действий в регионе: 1) «...до разъяснения выгоднейшего для нас устройства соседних среднеазиатских владений... и неуклонно стараясь не распространять наших непосредственных владений в Средней Азии, в то же время не отказываться, однако, ради сего от таких действий и распоряжений, которые были бы для нас необходимы»; 2) «в Ташкенте не стеснять себя никакими регламентациями, а стараться дать ему устройство действительно наиболее соответствующее нашим и его выгодам, а затем уже определить отношения Ташкента к России»; 3) обеспечить развитие судоходства по р. Сырдарье (с учетом необходимости новых завоеваний по течению Сыра), равно как и вообще развитие в регионе производства и торговли; 4) заручиться дружественностью бу-

харского эмира, но при этом демонстрировать угрозу силы соседним владельцам. Комментируя последнее положение, Романовский отмечал, что, возможно, именно «...прерывание или стеснение торговли с нею (с Бухарой. — *Д.В.*) и, так сказать, блокада ее границ окажут более сильное действие, чем само военное предприятие»⁶⁶.

Подводя итоги, направлявшийся в Туркестан Романовский подчеркивал: «...не должно забывать, что прежнее предположение (правительства от 1864 г. — *Д.В.*) опубликовано во всеобщее сведение циркулярами Министерства иностранных дел, а потому всякое несогласное с ним заявление... может иметь место лишь в письмах конфиденциальных, представляемых на обсуждение высшего правительства»⁶⁷. Тем самым генерал-майор намекал на неправомочность позиции бывшего туркестанского военного губернатора Черняева, выразившейся в игнорировании распоряжений непосредственного начальства, а зачастую и имперского правительства, и в успешных попытках реализации собственного политического курса в регионе.

Надо признать, что записка Романовского действительно обобщила дискуссию по вопросу устройства Азиатской России, развернувшуюся в 1865 году. К началу 1866 г. все участвовавшие в ней стороны сходились в одном — в необходимости военного присутствия на вновь приобретенных территориях, а камнем преткновения по-прежнему оставалась судьба Ташкента. «Старые» туркестанцы (Черняев и Северцов) считали необходимым включить город в состав империи, представив ему муниципальные права. Оренбург (Крыжановский) ратовал за независимость центральноазиатской столицы под началом российской военной администрации. Петербург (министерства военное и иностранных дел) считал необходимым превратить Ташкент в самоуправляющуюся протекторат России. Вообще же позицию центрального правительства на протяжении всего 1865 г. сложно определить более или менее четко: Петербург поддерживал то Черняева, то Крыжановского, то обоих, то никого из них. В итоге наиболее приемлемой кандидатурой для руководства Русским Туркестаном оказался Романовский, который научился вполне адекватно понимать (или делать вид, что понимает) правительственные настроения. Недаром именно его соображения относительно среднеазиатской политики получили высочайшее одобрение, а сам он был опять же высочайше рекомендован Крыжановскому в качестве начальника Туркестанской области⁶⁸.

Судьба города была решена летом 1866 года. Собираясь посетить областной центр, главный начальник края писал военному губернатору Романовскому из Оренбурга: «Приготовьте умы к подаче адреса, и Ташкент я приму в русское подданство»⁶⁹.

Складывается впечатление, что в этом письме генерал-губернатор излагал правительственный план военных завоеваний в регионе. Он декларировал, что «...остатки Кокандского ханства должны будут окончательно войти в состав наших владений», а для реализации этой задачи следовало быть готовыми «...при первой с их стороны выходке завладеть Кокандом, Наманганом и прочими городами силою оружия»⁷⁰. Видимо, следуя указаниям правительства и находясь под властью собственных амбиций, главный представитель империи в центральноазиатском регионе продолжал: «Было бы даже желательно кончить дело это нынешней осенью, а потому прошу Вас... принять относительно

Коканда тон высокий и третировать Худояр-хана как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст нам предлог покончить с ним»⁷¹.

При этом генерал-губернатор добавил: «Если бы в личной Вашей переписке, которую Вы имеете с военным министром, его высокопревосходительство давал Вам инструкцию не во всем согласно с вышеизложенным, Вы, конечно, потрудитесь уведомить меня об этом заблаговременно...»⁷² Иными словами, складывается представление, что и к этому времени в правительстве еще не окончательно утвердилось мнение о будущем Ташкента.

17 августа 1866 г. Крыжановский прибыл в Ташкент, принял от местных жителей адрес с просьбой включить город и близлежащие земли под скипетр империи, а 29 августа привел горожан к присяге. На следующий день был заложен православный храм в Ташкенте и устроен народный праздник⁷³.

Ташкент окончательно был признан российским владением, а в июле следующего года стал административным центром вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства. Крыжановский все-таки успел прославить себя успешным руководством военной операцией по взятию бухарского Джизака в октябре 1866 года. А незаслуженно забытый сегодня Дмитрий Ильич Романовский за год своего пребывания во главе Туркестанской области расширил ее присоединением того же Джизака, а также Ходжента, Нау, Ура-Тюбе, Яны-Кургана. Но самой замечательной и судьбоносной победой русского войска под его командованием стала Ирджарская битва 8 мая 1866 г., полностью разгромившая бухарскую армию.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗРИ-II). Т. 40. 1865. Отд. 1, № 41 870. СПб. 1867, с. 261—262.
2. ГЕЙНС А.К. Собрание литературных трудов. Прил. к 2 т. СПб. 1898, с. 3.
3. ПСЗРИ-II. Т. 42. 1867. Отд. 1. № 44831. СПб. 1871, с. 1150—1151.
4. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 169, к. 63, д. 34, л. 13об.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 161. I-1, оп. 781, д. 105, л. 23—31.
6. Там же, л. 4—6.
7. Там же, л. 26—27.
8. Там же, л. 27—29об.
9. Там же, л. 31.
10. Там же, л. 39—39об.
11. Токсаба — военачальник, полковник в Коканде.
12. АВП РИ, ф. 161. I-1, оп. 781, д. 105, л. 42—48об.
13. Там же, л. 51—52об.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 1, д. 92, л. 8.
15. Там же, л. 8—8об., 19—19об.
16. Там же, л. 20.
17. Там же, л. 20—20об.
18. Там же, л. 33—34об.

19. Там же, л. 33об.—34.
20. Там же, л. 35об.
21. Казы-калян — главный духовный судья (мусульм.).
22. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 92, л. 35—35об.
23. Там же, л. 36.
24. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания. 1865—1867. М. 2005, с. 120.
25. Там же, с. 340.
26. НИОР РГБ, ф. 169, к. 36, д. 30, л. 16.
27. РГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 92, л. 64—70.
28. Там же, л. 80—81.
29. Там же, д. 96, л. 48—55об.
30. Там же, л. 48.
31. Там же, л. 51об.—53.
32. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 117.
33. Там же, с. 119.
34. НИОР РГБ, ф. 169, к. 36, д. 30, л. 16об.
35. Там же, д. 31, л. 3.
36. РГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 96, л. 51об.
37. Там же, л. 52.
38. Там же, л. 53об.
39. В.А. Полторацкий — начальник Азиатского отделения (заведующий Азиатскими делами) Главного штаба.
40. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 96, л. 84—90об.
41. Там же, л. 84—84об.
42. Там же, л. 85—85об.
43. Там же, л. 86об.
44. Там же, л. 88.
45. Там же, л. 1—17об.
46. Там же, л. 3—3об.
47. Там же, л. 3—6.
48. Там же, л. 6.
49. Там же, л. 6об.—9.
50. Там же, л. 3.
51. Там же, л. 4.
52. Там же, л. 6.
53. Там же, л. 7.
54. Там же, л. 22—30.
55. Там же, л. 22—22об.
56. Там же, л. 23.
57. Там же, л. 24об.
58. Там же, л. 25.
59. Там же, л. 25—26.
60. Там же, л. 26об.—27.
61. Там же, л. 27об.—28об.
62. Там же, л. 38об.
63. Там же, л. 117—118.
64. Там же, л. 120—122об.
65. Там же, л. 120—120об.
66. Там же, л. 121—122об.
67. Там же, л. 122об.
68. Там же, л. 117—118.
69. НИОР РГБ, ф. 169, к. 36, д. 28, л. 4.
70. Там же, л. 2.
71. Там же, л. 2об.
72. Там же, л. 4.
73. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 347.

Дело об «отсуждении из рабства» джунгара А. Алексеева

И.А. Мальцев

Аннотация. В работе восстановлена история ранее неизвестного исследователям, хранящегося в Российском государственном историческом архиве судебного дела раба об «отыскании» им свободы, которое является своего рода уникальным. В его истории отразились разные сферы жизнедеятельности государственного организма России того времени: правовое положение различных групп несвободного населения страны, беспорядок в законодательстве, вызванный отсутствием тогда единого свода законов, а также в толковании и исполнении этих законов.

Ключевые слова: Россия, рабство, джунгары, судебный иск, беспорядок в законодательстве.

Abstract. A history of a legal case of a slave's claim for freedom, which is unique in its sort, previously unknown to researchers, kept in the Russian State Historical Archive (RGIA). Its history mirrored different spheres of functioning of the Russian state organism existing at that time: legal status of different groups of non-free population of the country, disorder in legislation caused by lack of a unified code of laws, and in construction, and execution of the laws.

Key words: Russia, slavery, Dzungars, legal action, disorder in legislation.

Вопрос о рабстве в Сибири и в восточной части Европейской России в XVIII — первой половине XIX в. является одним из самых малоизученных в российской исторической науке. Долгое время единственным серьезным исследованием этой темы являлась работа С.С. Шашкова, написанная с публицистическими целями; другие же труды либо в сжатом виде повторяли выводы первой (работа Н. Суханова), либо являлись краткими энциклопедическими статьями (работа В.И. Шункова) ¹. С 2005 по 2009 г. было издано несколько работ автора этих строк, посвященных рабству. Во второй половине 2009 г. вышла в свет краткая энциклопедическая статья о рабстве Д.Я. Резуна ². В настоящей работе восстанавливается история ранее неизвестного исследователям, хранящегося в Российском государственном истори-

Мальцев Илья Александрович — кандидат исторических наук. Санкт-Петербург. E-mail: ilmal@mail.ru.

Maltsev Iliia A. — candidate of historical sciences. St. Petersburg. E-mail: ilmal@mail.ru.

ческом архиве тяжёлого дела раба об «отыскании» им свободы, которое является своего рода уникальным ³.

Приобретение рабов на границе с Казахскими жузами было узаконено указом от 19 ноября 1756 г., посланным в Сибирь 9 января 1757 г. (поэтому в правительственной практике и в литературе по этому вопросу он упоминается под последней датой). Согласно ему, право покупать и выменивать «привозимых киргиз-кайсаками ⁴ разных наций пленников» предоставлено не только дворянам, но и лицам непривилегированных сословий ⁵. Сибирским мусульманам разрешалось иметь рабов только своей веры. Рабы по закону оставались в неволе у своих покупателей, как дворян, так и недворян, «вечно», то есть до самой своей смерти. Однако по этому вопросу судебные органы нередко выносили противоречивые решения и толковали слово «вечно» в смысле: до смерти владельца-недворянина. Так, Сенат 16 мая 1806 г. постановил оставить купленного «калмыка» ⁶ Какребая (в крещении Василия) за его владельцем, иркутским купцом 2-й гильдии Дмитрием Сизых, до смерти последнего ⁷. Наконец, Сенат своим указом от 11 августа 1815 г. внес в дело ясность и повелел: «Решения по делам о Калмыках, ищущих вольности от разных людей, основывать на точном разуме» указа 1757 г., «в коем слово вечно не иначе разуметь должно, как единственно потомственное владение». С тех пор рабы недворян должны были оставаться в неволе не до смерти господина, а до своей смерти ⁸. О том, что это положение соблюдалось, можно судить из последующих указов 1819 и 1825 годов ⁹. Рабы отличались от крепостных крестьян тем, что их не следовало записывать в подушный оклад, и они не должны были поставлять рекрутов в армию (хотя хозяева по своему желанию могли сдавать их в рекруты). Дети же рабов, рожденные в России, должны были записываться в подушный оклад — они могли приписаться к городским сословиям или к государственным крестьянам (если их родители находились в рабстве у недворян) или становились крепостными у владельцев своих родителей (если их родители были рабами дворян).

Исследовательница А.А. Крих, пытаясь откорректировать этот вывод, утверждает, что на практике, как показывают материалы ревизий и исповедальные ведомости XVIII — начала XIX в., дети купленных «калмыков», «проживая со своими родителями, считались de-facto дворовыми людьми» ¹⁰. Действительно, закон 1757 г., требуя, чтобы дети рабов записывались в подушный оклад, совершенно не конкретизирует механизм их освобождения и возраст выхода на волю. Видимо, в реальности, чтобы добиться освобождения и причисления к податным сословиям, детям рабов требовалось проявить немалое мужество, поскольку чиновники, рассматривавшие иски о свободе, сами зачастую являлись рабовладельцами, а плохое исполнение законов в Сибири было реальностью. Как видно из указа от 31 июля 1823 г., правило об освобождении детей невольников недворян на тот момент соблюдалось — в указе, помимо прочего, упоминалось свидетельство Тобольского губернского правления об освобождении из рабства ряда калмыков, в котором «между прочими освобождаемыми калмыками показаны были дети умершаго калмыка Григория Иванова, Иван и Василий» ¹¹.

Не вполне ясно прописанное в законе положение невольников вызывало судебные иски. В фонде Генерал-прокурора Сената РГИА

сохранились заглавия тяжёбных дел невольников, хлопотавших об «отсуждении» их из рабства в последней четверти XVIII века. Так, 28 апреля 1782 г. было начато и 20 февраля 1785 г. из Смоленской палаты гражданского и уголовного суда в Сенат поступило дело по апелляции калмыков Михайлы и Сергея Александровых по поводу утверждения их «в рабство коллежского советника Александра Чирикова женою вдовою Варварою Афанасьевою и детьми ее Николаем, Петром и Верою Чириковыми». 21 августа 1784 г. началось и 24 декабря 1787 г. из Ярославской палаты гражданского и уголовного суда поступило в Сенат дело «калмыцкой нации Ивана Иванова в отбывательстве от владения ярославского купца и фабриканта Андрея Дырышева». Протестовали против неволи и калмыки, привезенные своими владельцами в столицу. 3 мая 1788 г. было начато и 4 июля 1794 г. из Санкт-Петербургской палаты гражданского и уголовного суда в Сенат поступило дело «по апелляции новокрещенного калмыка Захара Степанова о иске им вольности из владения порутчика Степана Лызлова»¹². Все три перечисленных судебных иска объединяло то, что они остались нерешенными и были «оставлены без хождения тяжущихся», то есть фактически закрыты, поскольку у них был пропущен срок явки. Рабское положение явно не способствовало хождению по судам.

Указ 1757 г. продолжал действовать и в начале XIX века. Рабство в Западной Сибири имело в то время определенное распространение. Занимавший в 1820-е гг. пост начальника Омской области С.Б. Броневский отмечал, что «в редком доме Чиновника или купца (по Сибирской линии и в близлежащих городах. — *И.М.*) нет служанок из Калмычек»¹³. Особенно активно торговлей живым товаром на Сибирской линии в конце XVIII — начале XIX в. занимались купцы, причем они покупали рабов не только для себя, но и на продажу. Так, в 1807—1808 гг. двое ишимских купцов выменяли рабов для пятерых барнаульских, а семипалатинские купцы перепродавали рабов чиновникам Колывано-Воскресенских горных заводов¹⁴.

В первые годы XIX в. вследствие междоусобий внутри казахского общества и вызванных ими постоянных грабежей распространилась продажа обнищавшими казахами своих детей и младших родственников в Хивинское ханство и русским приграничным жителям. Это вызвало беспокойство российского правительства, считавшего, что продажа казахами своих детей в Хиву противоречит интересам России, так как казахи Младшего и Среднего жузов номинально находились в ее подданстве.

23 мая 1808 г. вышел именной указ, согласно которому казахам запрещалось продавать детей хивинцам, но дозволялось «всем российским подданным свободных состояний» покупать и выменивать на пограничной линии детей казахов с тем условием, чтобы они по достижении 25-летнего возраста получали свободу¹⁵. Владельцы могли отчуждать в другие руки казахских детей, но по достижении ими 25-летнего возраста они также должны были освобождаться. 8-й пункт указа разрешил «обществу Сарептскому, равно как и другим, оному подобным» (то есть общинам немцев Поволжья) приобретение детей «по сим правилам». Местное начальство должно было «доставлять все возможные пособия» обществам немцев-колонистов в приобретении казахских детей. 23 мая 1808 г. был издан еще один именной указ. Он

был адресован сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю, которому, помимо прочего, поручалось привести в исполнение в Сибири правила покупки казахских детей, изложенные в первом указе ¹⁶.

Среди лиц, приобретающих казахских детей, были представители разных сословий — мещане, казаки, православные и католические священнослужители и др. ¹⁷ Первое время указ 1808 г. не выполнялся, так как его исполнение зависело от чиновников, а многие из них сами владели рабами. Пользуясь неразберихой в законодательстве и отсутствием единого свода законов, некоторые суды на основании устаревшего указа 1744 г. (согласно которому купленных «калмыков и иных наций людей», приобретенных «по силе указа 1737 г.» и просящихся на волю без согласия владельцев, предписывалось телесно наказывать и возвращать хозяевам) приговаривали к наказанию батогами и возвращению хозяевам тех невольников, которые по указу 1808 г. имели полное право на освобождение ¹⁸.

Невольники нередко жаловались на своих господ. Причиной жалоб были жестокое обращение с ними и стремление рабов получить свободу, воспользовавшись действительным или мнимым неисполнением хозяевами законов об освобождении невольников. Указ 1808 г. распространялся только на детей казахов, приобретенных после его принятия, в то время как казахи в 1-й четверти XIX в. продолжали продавать в рабство в Россию джунгар и представителей других народов. Поскольку в основу сохранившего свою силу в отношении рабов-неказахов указа 1757 г. легло представление в Сенат Коллегии иностранных дел, согласно которому рабы, принадлежащие недворянам, должны находиться в неволе лишь до смерти своих покупателей ¹⁹, а затем получать свободу, то в 1810-е гг. рабы, ободренные началом политики ограничения рабства, стали подавать иски о свободе в связи со смертью своих владельцев.

В апреле 1816 г. двое рабов джунгарского происхождения, Христофор Петров и Александр Алексеев, подали в Московское губернское правление прошение, в котором писали, что с малолетства они были во владении тобольского гражданского губернатора Дмитрия Родионовича Кошелева ²⁰ и приняли православие, а после его смерти перешли по наследству к его жене Прасковье Петровне, проживавшей в Москве; далее они «находиться при ней не желают, а намерены на основании Высочайших законов избрать род жизни». Объективно они не имели права на освобождение ни по указу от 9 января 1757 г., поскольку были рабами дворянки, ни по указу от 23 мая 1808 г., ибо не были казахами. Однако, очевидно, детали этих законов были им неизвестны. Губернское правление 3 мая 1816 г. препроводило прошение невольников «для надлежащего изыскания о звании просителей» в управу благочиния, которая передала его частному приставу Мясницкой части города Москвы, где жила владелица «калмыков» П.П. Кошелева. Она в мае подала в Мясницкую часть «сведение», в котором объявила, что оба джунгара были куплены ею 28 ноября 1801 г. у коллежской ассесорши Анны Керн по «крепостям», во 2-м департаменте у «крепостных дел» Тобольской палаты суда и расправы и что «калмык» Христофор Петров 30 апреля 1816 г. умер; при этом она представила «купчую крепость» и «владенную выпись» на Александра Алексеева.

Согласно «купчей», 28 ноября 1801 г. жена коллежского асессора, акушера Тобольской врачебной управы Анна Герасимова дочь Керн продала жене тобольского гражданского губернатора Прасковье Петровой дочери Кошелевой «собственного своего выменного ею... калмыченка по азиатскому названию Байсалыка».

Во «владенной выписи» сообщается, что 25 сентября 1800 г. Анна Герасимовна Керн выменяла в Петропавловской крепости на меновом дворе у «ташкинца» (среднеазиатского купца из г. Ташкента) Хасана Садырова за 10 штук бязей и 8 красных кож (общей суммой на 47 руб.) «калмыченка» Байсалыка. «Ташкинец» при формальном допросе (они проводились с целью выявить, не украден ли продаваемый) сообщил, что этот раб был выменен им у казаха Хажимияра из Кинжагалинской волости Среднего жуза «от заповоненных отца и матери калмык», то есть он был сыном пленных джунгарских рабов этого казаха и при продаже был разлучен с родителями. Итак, А. Керн получила на право владения рабом (который был окрещен и назван Александром Алексеевым) письменный «вид» из Петропавловской пограничной таможни от 5 ноября 1800 г. и, согласно указу от 9 января 1757 г., «владенную выпись» из Тобольской палаты суда и расправы от 26 ноября 1801 года ²¹.

19 мая 1816 г. дело было отослано из управы благочиния «для законного рассмотрения и определения» во 2-й департамент Московского надворного суда. До решения дела А. Алексеев был отдан своей владелице П.П. Кошелевой на основании именного указа от 3 декабря 1797 г. ²², но «она словесно отозвалась, что взять его не желает» и поэтому ему из надворного суда был дан «временный билет для прожития». Вероятно, таким образом помещица хотела наказать строптивного раба, который, до окончательного решения дела, не имея никаких средств к существованию, окажется предоставлен сам себе. 2-й департамент Московского надворного суда в полном соответствии с законом постановил, что на Алексеева не распространяются указы от 28 июля 1781 и 20 октября 1783 г. ²³, поскольку тот был приобретен на основании указа 9 января 1757 г., и что он должен быть отдан своей владелице. Далее, надворный суд принял решение, не соответствующее закону. Он повелел записать Алексеева за его владелицей П.П. Кошелевой в подушный оклад в том месте, где она пожелает, с начала VII ревизии, то есть причислить купленного раба к крепостным крестьянам. Суд мотивировал свое решение указом от 2 июня 1785 г. (не опубликован в ПСЗ), согласно которому, «таковых, кои правильно принадлежат по указным отдачам и крепостям владельцам, имеющим ко владению законное право, оставить и причислить в подушный оклад за ними» ²⁴, и указом от 21 сентября 1815 г., его подтверждающим. Решение надворного суда было неправомерно, поскольку указы от 2 июня 1785 и 21 сентября 1815 г. относились к крепостным крестьянам и дворовым людям, записанным в подушный оклад, а не к рабам, приобретенным в соответствии с указом 9 января 1757 года ²⁵. На это решение Московского надворного суда «казенных дел» стряпчий подписал «неудовольствие» и 6 июня подал апелляционную жалобу в Московскую палату гражданского суда, называя это решение «неправильным и учиненным в противность» многим законам — 1-му пункту 10 гл. «Соборного Уложения», указам от

10 января 1773 г., 28 июня 1781 г., 20 декабря 1784 г., 23 мая 1808 г. и 3-му пункту указа от 21 сентября 1815 г. (из перечисленных законов к рабству имел отношение лишь именной указ от 23 мая 1808 г.). Стряпчий полагал, что после издания указа от 20 октября 1783 г. (запрещавшего обращать в личную зависимость вольных людей «разных народов») и по достижении уже Алексеевым 25-летнего возраста (в соответствии с указом от 23 мая 1808 г.) он «есть человек свободной». Сам Алексеев подал иск на апелляцию, по которой Московская палата гражданского суда решением от 7 августа 1816 г. постановила: решение 2-го департамента Московского надворного суда «отставить» и на основании указов от 20 октября 1783 г. и 23 мая 1808 г. освободить «калмыка» Алексеева из владения Кошелевой ²⁶.

Невольно возникают вопросы: почему судебные органы на основании одних и тех же законодательных актов выносят разные и противоречащие закону решения; почему 2-й департамент Московского надворного суда постановил причислить раба-«калмыка» Алексеева к крепостным крестьянам и записать его в подушный оклад по VII ревизии и почему «казенных дел» стряпчий и Московская палата гражданского суда решили дать ему свободу по достижении им 25-летнего возраста, хотя указ от 23 мая 1808 г. относился лишь к казахам, а Алексеев был джунгаром? Очевидно, для московских судебных чиновников рабство, столь обычное в Западной Сибири, являлось экзотикой (как и для многих современных историков). Поэтому они и применяли к рабам законы, относящиеся к крепостным крестьянам, а то и вовсе отношения к делу не имеющие.

Поверенный помещицы Кошелевой, ее «служитель» Березовский, 7 сентября 1816 г. подписал «неудовольствие» на решение Московской палаты гражданского суда, дававшее свободу Алексееву. 19 сентября сама Кошелева подала апелляционную жалобу в Сенат. В этой жалобе она сообщила, что «калмык» Алексеев «поступил к ней во владение чрез дозволенное законами благоприобретение в 1801 г.», и вполне справедливо заметила, что Московская палата гражданского суда применила законы, «не принадлежащая к Калмыцкой нации или пленникам, вымениваемым от Киргис-Кайсаков на Сибирских линиях», — указы от 20 октября 1783 г. и 23 мая 1808 года. Кошелева просила решение Московской палаты гражданского суда, «яко неправильное отставить» и утвердить решение 2-го департамента Московского надворного суда.

Это дело, согласно указу от 8 сентября 1802 г., было в числе прочих «публиковано» в газете «Московские ведомости» в № 9 от 31 января 1817 г., «с тем, чтобы тяжущияся явились к рукоприкладству под запискою (то есть поставили свои подписи. — *И.М.*) или бы представили поверенных», но никто не явился ²⁷.

Дело Кошелевой и Алексеева поступило в 7-й департамент Сената в Москве и слушалось в этом департаменте 7 ноября 1817 года. Трое сенаторов (Алексей Николаевич Саблин, Николай Иванович Шешуков и князь Андрей Александрович Кольцов-Мосальский) высказались за освобождение «калмыка» Алексеева на основании указа от 23 мая 1808 г. и поскольку в данной на него его первой владелице Керн в 1800 г. выписи сообщалось, что ему восемь лет; теперь же ему более 25 лет, и он «более во услужении у Кошелевой быть не должен, а согласно

решению Московской Гражданской палаты 1816-го Августа 7-го следует предоставить ему род жизни по желанию», то есть дать ему право свободно избрать себе сословие. Двое сенаторов (князь Кирилл Александрович Багратион и Александр Васильевич Алябьев) выступили за возвращение Алексеева во владение Кошелевой, ибо он был законно куплен ею в соответствии с указом от 9 января 1757 года.

На заседании 4 декабря 1817 г. обер-прокурор 7-го департамента Сената Семён Николаевич Озеров высказал почти революционное мнение о том, что, поскольку в указе от 21 сентября 1815 г. постановляется распространить на «вывезенных поляков и других наций после 1-й, 2-й и 3-й ревизий», закрепленных за помещиками, статью 20 главы 20 «Соборного Уложения» (согласно которой можно выдавать служилые кабалы на кабальных холопов, только если они старше 15-ти лет, а «которые будут меньше 15-ти лет и на тех служилых кабал не давать»), это положение следует применить и к «калмыку» Алексееву. А коль скоро Алексей был выменен в 1800 г. восьми лет от роду, «то будучи в малолетстве и (сознательного. — *И.М.*) желания о бытии в подданстве объявить не мог». Мысль С.Н. Озерова была очень либеральна и почти революционна в отношении рабства, поскольку, если бы она стала законом, то на этом основании почти все рабы получили бы свободу, так как большинство из них было куплено в возрасте до 15 лет.

В итоге, Озеров, на основании указа от 23 мая 1808 г., «соглашаясь... с большинством голосов Господ Сенаторов полагает: означенному Алексееву дать свободу избрать род жизни по его желанию». Таким образом, Саблин, Н.И. Шешуков, кн. А.А. Кольцов-Мосальский и обер-прокурор Озеров высказались за освобождение «калмыка» Алексеева. К.А. Багратион и А.В. Алябьев были против, но, в конце концов, Багратион отказался от своего мнения и согласился с большинством голосов сенаторов (это было очень распространено среди российских «государственных мужей» того времени — соглашаться с мнением большинства, иногда даже не вникая в суть рассматриваемой проблемы). Алябьев (отец знаменитого композитора А.А. Алябьева, бывший в 1787—1795 гг. тобольским губернатором) так и остался при своем мнении. Что примечательно, бывший тобольский губернатор (человек, знавший сибирские реалии) остановился на наиболее законном, но менее либеральном и гуманном решении проблемы. Поскольку при обсуждении дела в департаменте возникли разногласия, то, в соответствии с законом ²⁸, 30 января 1818 г. дело было перенесено на общее собрание Московских департаментов Сената по рекомендации Озерова (о необходимости этого перенесения он сообщил в рапорте от 17 января 1818 г. министру юстиции князю Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому) ²⁹.

Заседание общего собрания Московских департаментов Сената по делу Алексеева и Кошелевой состоялось в пятницу 27 сентября 1818 года. На заседании присутствовали: обер-прокурор общего собрания Московских департаментов Захар Николаевич Посников и сенаторы Фёдор Петрович Ключарёв, Василий Иванович Брозин, Николай Фёдорович Ртищев, Андрей Лаврентьевич Львов, Фёдор Иванович Левашов, Алексей Ильич Муханов, кн. Дмитрий Михайлович Волконский, А.Н. Саблин, Пётр Петрович Нарышкин, Шешу-

ков, кн. А.А. Кольцов-Мосальский, Павел Иванович Голенищев-Кутузов, кн. Багратион. Обер-прокурор З.Н. Посников сообщил собранию, что министр юстиции кн. Д.И. Лобанов-Ростовский, «согласясь с мнением большинства голосов господ Сенаторов, повелевающих, чтобы онаго Алексеева, освобождая из владения Кошелевой, предоставить ему избрать род жизни, какой пожелает», предписал ему привести это дело в исполнение по большинству голосов «установленным порядком». Общее собрание решило согласиться с мнением Озерова и постановило освободить «калмыка» Алексеева. Основаниями для этого решения стали указ от 23 мая 1808 г. об освобождении купленных казахских детей по достижении ими 25-летнего возраста и 4-й пункт указа от 21 сентября 1815 г., согласно которому на «вывезенных поляков и других наций после 1-й, 2-й и 3-й ревизии, но прежде издания указов о вольных людях» (28 июля 1781 и 20 октября 1783 гг.), следует распространить статью 20 главы 20 «Соборного Уложения» о том, что служилые кабалы можно выдавать только на лиц старше 15 лет. Это решение было приведено в исполнение 4 октября 1818 года ³⁰.

Таким образом, общее собрание приняло гуманное, но противозаконное решение, поскольку указ от 23 мая 1808 г. относился только к казахским детям, а не к калмыкам и джунгарам, а 4-й пункт указа от 21 сентября 1815 г. касался закрепощенных иностранцев (поляков, турок и пр.), а не рабов, купленных по указу от 9 января 1757 года. Можно только сожалеть о том, что это решение не стало основой для нового закона (в отличие от Великобритании, в России прецедент далеко не всегда имеет силу закона), ведь согласно ему в течение нескольких лет все рабы — джунгары, каракалпаки, «персияне» и пр. — освободились бы по достижении ими 25-летнего возраста или потому, что были куплены, когда им еще не было 15-ти лет отроду. А ведь стать законом этому делу помешала лишь случайность: если бы Алябьев не отсутствовал «за взятъем на сей месяц отдохновения» ³¹, то он проголосовал бы за оставление Алексеева в неволе. Тогда по закону, который требовал единогласных решений для дел в общих собраниях департаментов Сената ³², дело перешло бы в Госсовет и дошло бы до царя. В этом случае очень велика была бы вероятность, что оно было бы решено по большинству голосов в общем собрании Московских департаментов Сената.

Следует отметить, что в Сибири подобные дела решались совсем иначе, но зато законно. Впоследствии были приняты новые законодательные акты об ограничении и постепенной отмене рабства: указы от 30 апреля 1819, 8 октября 1825 и 31 мая 1828 годов. Принятый по предложению М.М. Сперанского указ 1825 г. запретил приобретение новых рабов. Законы 1825 и 1828 гг. распространили правило об освобождении по достижении 25-летнего возраста на рабов неказахского происхождения, приобретенных после 23 мая 1808 года. Однако эти законы нисколько не изменили положения невольников, приобретенных до указа 1808 г. и находившихся во владении дворян (они продолжали оставаться в пожизненной зависимости, а их дети становились крепостными крестьянами, записанными в подушный оклад).

Таким образом, раб джунгарского происхождения Александр Алексеев, если бы он не проявил в нужное время мужество и не

противопоставил свою волю воле своей владелицы, «статской генералши» (действительной статской советницы) Кошелевой, никогда бы не получил свободы.

В истории одного этого судебного дела отразились разные сферы жизнедеятельности государственного организма России того времени: правовое положение различных групп несвободного населения страны, беспорядок в законодательстве, вызванный отсутствием единого свода законов, а также в толковании и исполнении этих законов.

Примечания

1. ШАШКОВ С.С. Рабство в Сибири. — Дело. 1869, № 1, с. 163—187; № 3, с. 1—32; СУХАНОВ Н. Падение рабства в Сибири. — Сибирские огни. 1926, № 1—2, с. 147—156; ШУНКОВ В. Рабство в Сибири. — Сибирская советская энциклопедия. Т. 4. N.Y. 1992, с. 600.
2. РЕЗУН Д.Я. Рабство. В кн.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск. 2009, с. 745.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 16, д. 2122 («Действительной статской советницы Кошелевой об отбывающем от нея из Калмык Алексееве». 1816 г.); д. 2908 («Рапорт Озерова по делу об Алексееве, ищущем вольности от действ. стат. сов. Кошелевой». 1818 г.).
4. В XVIII — начале XX в. казахов в России называли «киргизами» или «киргиз-кайсаками».
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб. 1830, (ПСЗ-1), т. 14, № 10654, с. 677.
6. В XVII—XIX вв. русские называли «калмыками» не только волжских калмыков, но и родственных им джунгар. Здесь и в дальнейшем название «калмыки» по отношению к джунгарам будет употребляться в кавычках.
7. РГИА, ф. 1405, оп. 5, д. 3048 («Рапорт тобольского губернского прокурора о поданной ему от калмык просьбе о вольности их от разных людей». 1807 г.), л. 51—51об.
8. Текст указа от 11 августа 1815 г. в ПСЗ отсутствует, поскольку он, видимо, был связан с конкретным судебным делом и не считался новацией; он изложен в указе от 30 апреля 1819 года. ПСЗ-1, т. 36, № 27 782, с. 155.
9. Там же, с. 156; т. 40, № 30 528, с. 521.
10. КРИХ А.А. Калмыки в социальной структуре русского населения Тарского Прииртышья (XVII—XVIII вв.). В кн.: Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научных трудов. Ч. 1. Казань. 2010, с. 136. Утверждая это, автор статьи, однако, ссылается лишь на одно дело, относящееся к 1748 г.; сведения, приведенные в нем, касаются калмыков, приобретенных по указу 1737, а не 1757 года. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 350, оп. 2, ч. II, д. 3520. «Книга переписная посадских людей, цеховых, разночинцев, государственных крестьян города Тары, разночинцев, монастырских, государственных крестьян Тарского уезда». 1748 г., л. 9, 66—66об.
11. ПСЗ-1, т. 38, № 29 560, с. 1139.
12. РГИА, ф. 1374 (Канцелярия генерал-прокурора), оп. 1, д. 310 («Правительствующий Сенат. Канцелярия генерал-прокурора. Переписка по поводу нерешенных тяжёлых дел, находящихся в Сенате и оставленных “без хождения тяжущихся” и по приведении в исполнение указов верховной власти 30 августа и 4 октября 1797 г. о таких делах (ПСЗ. 18 184)». 1797 г.), л. 70об., 73, 82—82об.
13. БРОНЕВСКИЙ. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. — Отечественные записки. 1830, ч. 42, № 121, с. 165.
14. РАЗГОН В.Н. Сибирское купечество в XVIII — 1-й половине XIX в. Барнаул. 1999, с. 620.
15. ПСЗ-1, т. 30, № 23 038, с. 275—276.
16. Там же, № 23 040, с. 277—278.

17. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1964, с. 181, 183; ТОЛЫБЕКОВ С.Е. Кочевое об-во казахов в XVII — нач. XX в. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата. 1971, с. 286.
18. ШАШКОВ С.С. Рабство в Сибири. — Дело. 1869, № 3, с. 26.
19. Правда, сам текст указа сформулирован далеко не столь однозначно: «быть о том во всем по тому Коллегии Иностранных дел представлению, токмо таким покупаемым у тех привозимых Киргиз-Кайсаками Азиатским пленникам Российскими купцами быть за теми купцами вечно». ПСЗ-1, т. 14, № 10 654, с. 679.
20. Он занимал этот пост с 1797 по 1802 год.
21. РГИА, ф. 1405, оп. 16, д. 2122, л. 2об.; д. 2908, л. 4—5об., 8об.
22. Указ предписывал оставлять людей, «ищущих вольности», до окончательного решения дел, «в полном повиновении помещиков, с одною тою предосторожностью, чтоб помещики были обязаны подпискою, никаких наказаний сего рода людям без ведома Земской Полиции не делать». ПСЗ-1, т. 24, № 18 261, с. 813.
23. Первый указ предписывал освобождение польских пленных, принявших православие, с женами и детьми и предоставление им свободы избрания рода жизни; второй категорически запрещал обращение в личную зависимость всех «оказавшихся при последней переписи разных народов» вольных людей и давал им право свободно записываться в мещанство, купечество или на государственную службу. ПСЗ-1, т. 21, № 15 198, с. 211; № 15 853, с. 1025.
24. Цит. по: РГИА, ф. 1405, оп. 16, д. 2908, л. 5об.
25. Там же, л. 5—6. Указ от 21 сентября 1815 г. см.: ПСЗ-1, т. 33, № 25 947, с. 283—289.
26. РГИА, ф. 1405, оп. 16, д. 2908, л. 5—6об.; д. 2122, л. 2—2об.
27. Там же, л. 6об.—7об.
28. ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983, с. 148.
29. РГИА, ф. 1405, оп. 16, д. 2908, л. 1—1об., 8—13; д. 2122, л. 2об.—3об.
30. Там же, ф. 1330 (Общие собрания департаментов Сената), оп. 17, д. 65 («Книга журналам и протоколам Общего Собрания. Сентябрь месяц 1818-го года»), л. 738—742, 765—775.
31. Там же, л. 741об.
32. ЕРОШКИН Н.П. Ук. соч., с. 148.

Албанские восстания 1908—1912 гг. в контексте формирования албанской государственности

П.А. Искендеров

Аннотация. Работа посвящена анализу процесса формирования албанской государственности в начале XX в. и месту в нем албанских восстаний 1908—1912 годов. Исследование базируется на неопубликованных ранее документах из российских и зарубежных архивов. В центре внимания автора находится развитие албанского движения в контексте трансформации общей ситуации на Балканах в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Россия, Албания, Балканы, великие державы.

Abstract. The work is devoted to the history of the creating of Albanian state at the beginning of the XX century. The research is based on unpublished documents from Russian as well as foreign archives. Author pays particular attention to the Albanian uprisings of 1908—1912 and put them into the context of the whole situation in the Balkan Peninsula during the period under examination.

Key words: Russia, Albania, Balkan Peninsula, Great Powers.

Албанские восстания 1908—1912 гг. представляют собой новый и крайне важный этап в развитии процесса формирования албанской государственности, приведший накануне первой мировой войны к провозглашению независимости Албании 28 ноября 1912 г. в городе Влёра. Ключевыми факторами в динамике ситуации оказались два внешних обстоятельства. Во-первых, великие державы, придерживаясь политики поддержания статус-кво на Балканах, после разрешения вопроса о территориальном разграничении между балканскими государствами на основе решений Берлинского конгресса на какое-то время перестали открыто проявлять интерес к албанским делам. В частности, они оставили без ответа меморандумы, содержавшие проекты будущего государственного устройства албанских земель, которые в период обострения македонского вопроса и греко-турецкой войны на

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: turantz@land.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher of the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: turantz@land.ru.

рубеже XIX—XX вв. направлялись в адрес Порты и правительств великих держав албанскими организациями, действовавшими за пределами самой Албании. Албанский вопрос признавался хотя и теоретически существующим, но находящимся даже не на втором, а на третьем плане актуальной балканской политики. Во-вторых, серьезные внутривластные трудности, объективно ограничивавшие ее возможности проводить активную внешнюю политику, в этот период переживала Сербия, традиционно принимавшая активное участие в вопросах, связанных со взаимоотношениями албанского и сербского населения Балкан. Таким образом, «внутренняя динамика» развития ситуации в албанонаселенных районах Балкан фактически корреспондировалась с проблемами и недостатками существовавших на том момент в арсенале великих держав «антикризисных моделей».

Кардинальным образом ситуация изменилась к лету 1908 года. Младотурки, выдвинувшие в качестве своих основных программных требований восстановление конституции, равенство и гражданские свободы для всех народов Османской империи, сумели привлечь на свою сторону значительную часть албанского населения. События стали развиваться стремительно. Утром 23 июля 1908 г. члены Совета министров посоветовали султану ввести в действие конституцию, что и было сделано уже на следующий день — 24 июля ¹.

Младотурецкая революция и приход к власти комитета «Единение и прогресс» ознаменовали собой новый этап не только в турецкой истории, но и в развитии албанского освободительного движения. Уже к весне 1908 г. ряд членов Комитета установили в Македонии и Косово непосредственные связи с некоторыми лидерами местных албанских революционных комитетов. В городе Дебар даже произошло их организационное объединение. А находившийся в Салониках один из идеологов албанского освободительного движения Мидат Фрашери обратился к албанцам с призывом поддержать революцию ². Особую поддержку младотуркам оказали албанские мусульмане. Один из них — Ахмад Ниязи-бей — прибыл из Ресена и уже 3 июля сформировал вооруженный отряд в составе 200 человек, готовый выступить против Абдул-Хамида II. Поддержали младотурецкое движение практически все влиятельные албанские лидеры территорий вокруг Охридского озера. Представители южноалбанского города Корча откликнулись на призыв младотурок, в свою очередь, потребовав предоставления Албании автономии. А более консервативные албанские мусульмане Косово обусловили свою поддержку сохранением фигуры султана как верховного правителя Турции ³.

В конечном итоге, в свержении власти султана Абдул-Хамида именно албанцы приняли самое активное участие — в том числе выходцы из Косовского вилайета, традиционно являвшиеся опорой султана Абдул-Хамида II и служившие в дворцовой гвардии и отрядах башибузуков. Младотурки, со своей стороны, пообещали албанцам целый ряд уступок — смягчение налогообложения, подтверждение права носить оружие, разрешение на использование в школах албанского языка и, наконец, предоставление им широких конституционных прав. Последнее, правда, было понятно далеко не всем. Английская писательница и путешественница Эдит Дурхэм так описывала албанские «страсти по конституции», свидетельницей которых она оказалась: «Что-

то таинственное и неизвестное случилось со страной. Было 27 июля, и весь Скутари (Шкодер. — *П.И.*) был взбудоражен новостями о Конституции. Что? Где? Как? Когда? Почему? — никто не знал... Все, что было известно, это слово “Конституция”... Невозможное случилось. Столетиями сдерживавшиеся эмоции вырвались наружу, и народ-ребенок с быстротой ветра был вовлечен в водоворот игры и надежды»⁴.

После победы младотурецкой революции в стране была восстановлена конституция 1876 года. Депутатами созванного младотурками осенью 1908 г. нового парламента стали и 26 албанцев. Среди них оказался и вернувшийся к этому времени из эмиграции Исмаил Кемали — наряду с другими албанскими лидерами, пользовавшимися поддержкой со стороны своих вооруженных сторонников. Кемали, Хасану Приштине, Эсад-паше Топтани совсем скоро предстояло сойтись в ожесточенной схватке за верховную власть в стране. Пока же они заседали вместе в парламенте, демонстрируя лояльность, хотя и «слабо веря в жизнеспособность нового режима»⁵.

Однако практическая деятельность младотурок, отнюдь не спешивших выполнять свои социально-экономические и политические обещания, а, наоборот, под предлогом реализации лозунга «османизма» (или «пантюркизма»), взявших курс на ущемление прав нетурецких национальностей, вызывала у Исмаила Кемали растущее разочарование. Созданная и возглавленная им в декабре 1908 г. партия «Ахрар» («Либералы»), по сути, носила антимладотурецкий характер. Одним из пунктов ее программы стало требование проведения в стране государственно-административной реформы на принципах децентрализации управления с предоставлением Албании и другим областям с нетурецким населением расширенной автономии.

Во время попытки переворота, которую предприняли солдаты стамбульского гарнизона 13 апреля 1909 г., потребовавшие отставки младотурецкого правительства, партия Исмаила Кемали выступила против младотурок. По сути, албанский лагерь оказался расколотым. Все решила поддержка, оказанная властям албанскими национальными комитетами на местах, а заодно македонскими вооруженными четами. Широкие слои албанского населения не поддержали призывы придворных кругов, а также оппозиционной партии «Ахрар» оказать содействие в восстановлении прежнего режима. Правда, часть албанцев все же сохранила верность султану: апрельский мятеж подняли солдаты столичного 1-го армейского корпуса, укомплектованного в основном теми же албанцами. Две недели спустя Стамбул был занят революционными войсками, а Абдул-Хамида II на султанском троне сменил Мехмед V. С середины 1909 г. власть в стране полностью перешла в руки младотурок⁶.

Вскоре период определенной политической либерализации в Турции сменился усилением национального гнета. В частности, была законодательно запрещена деятельность на местах национальных комитетов, в том числе и албанских, которые во многом и содействовали приходу к власти младотурок. Что касается Исмаила Кемали, то он был вновь вынужден отправиться в фактическую политическую эмиграцию — в Грецию, а затем в Румынию.

Однако предпринятые младотурками жесткие меры уже не могли остановить подъем албанского национального движения. На состо-

явшемся в ноябре 1908 г. в Битоле всеалбанском конгрессе (формально посвященном обсуждению вопроса о разработке и внедрении в Албании единого алфавита, что было чрезвычайно актуально для объединения усилий двух культурно-национальных общностей, существовавших в рамках единой албанской нации — гегов и тосков) была принята развернутая программа действий, включавшая в себя как положения о признании и использовании реформированного албанского языка в государственной и образовательной деятельности, так и требования выборности местных органов власти из числа представителей албанцев, стимулирования хозяйственного развития региона, развития торговой деятельности и т.д.

К лету 1909 г. относятся первые вооруженные выступления албанцев против нового режима, которые весной следующего года переросли в массовое вооруженное восстание албанцев Косовского вилайета, что вызвало ответные вооруженные действия Константинополя, направившего на борьбу с албанскими отрядами крупные соединения регулярной турецкой армии во главе с Шевкетом Торгут-пашой, и введение в конце лета осадного положения на всей территории Албании. Как указывал в своем донесении от 4 мая 1910 г. глава российского вице-консульства в Призрене С.П. Разумовский, «албанское движение, начавшееся из-за неудачного по времени введения городского налога, приобрело за последнее время чисто принципиальный характер борьбы против младотурок»⁷.

Одновременно положение турецких властей осложнялось тем обстоятельством, что, как справедливо отмечалось в обстоятельной статье в газете «Новое время» от 30 мая 1910 г. под заголовком «Значение албанского движения», территориальные границы распространения албанского вопроса охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расширяться, вовлекая в свою орбиту многочисленные албанские племена как католического, так и мусульманского вероисповедания⁸.

Еще более высоко оценивали масштабы и роль албанских выступлений западноевропейские и американские средства массовой информации. Газета «Вашингтон таймс» в октябре 1908 г. даже сообщила своим читателям о том, что Албания «сбросила иго» и «провозгласила независимость», добавив, что «эта гористая страна в Европейской Турции, омываемая Адриатикой», с населением «около 2 000 000 человек», «подверглась влиянию сецессионистского духа в период потрясений, предшествовавших провозглашению турецкой конституции»⁹.

Изменилось и отношение к албанской проблеме со стороны европейских государств. Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой администрации в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в столицах других балканских государств.

С одной стороны, опасения в европейских странах вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую

шую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя, совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»¹⁰.

По свидетельству российского поверенного в делах в Черногории Н.С. Дьяченко, расчеты Мартиновича строились следующим образом: «Арнауты (албанцы. — *П.И.*), теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие.

Кроме того, немалые надежды возлагаются на родственные связи, сохранившиеся, будто бы, до сих пор между отдельными арнаутскими кланами и черногорскими племенами. Щедрая раздача оружия и денег должны довершить успех широкого плана, задуманного и разрабатываемого бригадиром Мартиновичем.

Что касается до отношения великих держав к подобной авантюре, и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что — по примеру Австро-Венгрии и Болгарии (речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении независимости Болгарии. — *П.И.*) — все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением статус-кво, но из боязни общего пожара на Балканах, сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»¹¹.

С другой стороны, сами великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области все более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала восьмидесятых годов XIX века (а точнее — с оккупации Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы¹²), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства¹³. Основной смысл и содержание борьбы двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важно-

сти, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться»¹⁴.

Эта характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту провинцию, но не может допустить захвата ее другой Державой. Адриатическое море должно остаться свободным»¹⁵. Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и даже мировая печать того времени всерьез рассматривала возможность военного конфликта между ними. Так, выходящая далеко от европейских просторов — в американском городе Солт-Лейк-Сити — газета «Дезерт ивнинг ньюс» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?» в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»¹⁶.

Что же касается России, то она, также руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию, в связи с чем с опасением относилась к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А.П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетинье от 13 мая 1910 г. подчеркивалась необходимость дать королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия»¹⁷.

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 году. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, оно «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»; кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, турки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»¹⁸. Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории.

23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший первой целостной программой борьбы за широ-

кую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Как указывал в своем донесении от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»¹⁹. Одновременно, по мнению сербского консула, это объективно способствовало обострению сербо-албанских отношений в указанных областях, поскольку проживавшие там сербы были вынуждены занимать выжидательную и во многом нейтральную позицию, чтобы не давать повода для каких-либо репрессивных мер по отношению к себе как со стороны самих албанцев, так и со стороны турецких властей. К тому же, по его наблюдениям, значительная часть сербов прямо выступила против устремлений и требований албанцев, что находило свое выражение в проведении сербами митингов протеста против идеи автономии Албании и в сборе подписей под петициями и телеграммами протеста²⁰.

Кроме того, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего Министерством иностранных дел России А.А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершалось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»²¹.

События в Албании стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства. Двойственное отношение к ним Греции определялось тремя обстоятельствами. С одной стороны, как указывал в своем обстоятельном сообщении от 28 июля 1911 г. российский поверенный в делах в этой стране Татищев, «всякое внутреннее замешательство в Османской Империи встречается греками с чувством нескрываемого удовольствия. Это впрочем вполне понятно, ибо означенные смуты служат очевидным доказательством шаткости ненавистного грекам младотурецкого режима»²². С другой стороны, обострение вследствие восстания в Албании турецко-черногорских отношений могло поставить под угрозу глобальный политический курс греческого правительства, рассчитанный на поддержание существующего положения на Балканах, по крайней мере до тех пор, пока не завершится начатая под руководством английских и французских инструкторов реорганизация греческой сухопутной армии и флота. Наконец, очень существенное, если не решающее, значение для Греции имело обострение ситуации в тех областях Южной Албании (Северный Эпир по греческой терминологии), на которые Греция сама претендовала. Подъем албанского национального движения в этих областях мог помешать

осуществлению планов Афин. Поэтому, сообщал Татишев, греческие правящие круги и общественное мнение предпочитали «продолжение нынешнего владычества турок в Эпире, нежели захват его албанской пропагандой», а правительство, «через своих агентов в Эпире, делает тамошнему греческому населению самые усиленные внушения относительно необходимости соблюдать полное спокойствие и строго воздерживаться от содействия, а тем паче от участия в революционном движении»²³.

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское правительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двум организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

Первое из них было основано в 1887 г. на базе распавшегося за год до этого культурно-просветительного общества с аналогичным названием. В качестве цели своей деятельности его руководство во главе с преуспевающим торговцем хлебом и активным деятелем албанского национального движения уроженцем Горицы Николой Начо ставило развитие албанской культуры, а также содействие установлению автономии Албании мирными средствами. Одно время общество издавало собственную газету, однако к данному моменту оно переживало сложные времена.

Второе, во главе которого встал крупный албанский фабрикант Тома Чама, организовалось в 1908 году. В отличие от предыдущей организации, оно располагало значительными денежными средствами (его членом был, в частности, банкир Коста Евtimiу) и ставило перед собой более широкие задачи, выступая за независимость Албании в широких территориальных границах. «Башким» через специальных эмиссаров поддерживал тесные контакты с руководителями албанского восстания и оказывал им серьезную материальную поддержку²⁴.

С другой стороны, Румыния не желала обострять отношения с другими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя тот факт, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М.Н. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»²⁵.

Вполне определенные планы существовали у Болгарии, которая стремилась использовать албанское национальное движение в интересах борьбы против Турции. Они, однако, не афишировались и не являлись предметом обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г., болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он впрочем не ожидает в близком будущем»²⁶.

Что же касается политики Сербии, то она определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»²⁷.

Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории²⁸.

Рассматриваемое восстание — прежде всего, вследствие нерешительной и соглашательской позиции крупных албанских феодалов, связанных экономическими интересами с турецкой властью (которым в целом по-прежнему принадлежала руководящая роль в албанском национальном движении), и политики невмешательства, проводившейся великими державами, также не увенчалось принципиальным успехом, приведя лишь к некоторым уступкам со стороны Турции (снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке, а также амнистия для участников восстания). Тем не менее, оно свидетельствовало об определенном изменении характера борьбы и взглядов руководителей албанского освободительного движения.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, Исмаилом Кемали и Хасаном Приштиной, а также неудачной для Турции Триполитанской войны.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкодере (как и в дипломатических представительствах великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью пятидесяти видных деятелей албанского племени малиссоров, в котором они «обвиняют турок в неисполнении данных малиссорам обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникнут, если их требования не будут исполнены немедленно же»²⁹.

Одновременно с этим, руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Однако Пашич, крайне встревоженный, по словам Гартвига, «тем обстоятельством, что на сей раз восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»³⁰, отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»³¹. Однако эти попытки окончились провалом.

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет. Позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем имели место многочисленные случаи отказа частей и соединений турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев³².

16 июля 1912 г. в г. Влёра состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования восставших, причем, как указывал в своем донесении сербский генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич, несмотря на то, что их «подписали албанские лидеры с юга», в разработке данной программы «принимали участие и делегаты из Старой Сербии»³³.

Наиболее важными из этих требований были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям конституции и других законов; назначение в Албанию специального, периодически сменяемого турецкого посланника, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предоставление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе, в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влёры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд европейских средств массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»³⁴.

В июле 1912 г. специальный корреспондент санкт-петербургской газеты «Речь» В. Викторов (выделявшийся среди своих коллег объективностью, интересом и познаниями в области албанских сюжетов) посетил штаб-квартиру одного из руководителей восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрам Цурри и Асан-бея. В ходе продолжительного разговора, Риза-бей заявил: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права. Мы не мятежники. Мы желаем, чтобы во всей Оттоманской империи наступил мир. Мы желаем, чтобы наш падишах жил в согласии с Россией, потому что мы знаем только два великих народа: наш народ и русский народ»³⁵. «Наша теперешняя борьба, — продолжал он, — это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского, относительно пятого — Салоникского — мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами. Это — борьба против издевательств комитета (младотурок. — *П.И.*) над нашими справедливыми и законными требованиями»³⁶.

7—8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования. Они были переданы специальной комиссией, направленной

ной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштины — одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не был принят, Хасан Приштина подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое, в конечном счете, не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом. Вместе с тем, следует согласиться с мнением сербского историка Милоша Ягодича, указывающего, что, несмотря на полученные албанцами в период до Балканских войн уступки, они более не имели в Константинополе надежной опоры в лице традиционно благоволившего к ним султана Абдул-Хамида, что делало их положение менее устойчивым, чем в предыдущие десятилетия³⁸.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда в результате нового подъема освободительной борьбы албанского народа, 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость этой страны, и на открывшейся 17 декабря того же года конференции дипломатических представителей великих держав в Лондоне началось всестороннее обсуждение албанских сюжетов. В истории албанского национального движения и в процессе формирования государственности албанцев начинался новый этап...

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант РГНФ № 15-01-00145 «История Балкан: на переломе эпох (1878—1914 гг.)»

1. KOHN H. A History of Nationalism in the East. London. 1929, p.232.
2. POULTON H., VICKERS M. The Kosovo Albanians: Ethnic Confrontation with the Slav State. 1997, p.143.
3. Ibid., p.143—144.
4. DURHAM E. High Albania. London. 1985, p. 222—223.
5. VICKERS M. The Albanians. A Modern History. L.-N.Y. 1995, p. 54.
6. Подробнее см.: АЛИЕВ Г.З. Турция в период правления младотурок (1908—1918). М. 1972.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2082, л. 45.
8. Новое время. 30.V.1910.
9. The Washington Times. 8.X.1908.
10. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2082, л. 60.
11. Там же, л. 52.
12. Подробнее о Тунисском инциденте см.: СЕРОВА О.В. От Тройственного союза к Антанте. М. 1983, с. 57—60.
13. SAN GIULIANO A. di. Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig. 1913, S. 9.

14. Цит. по: АРШ Г.Л., СЕНКЕВИЧ И.Г., СМИРНОВА Н.Д. Краткая история Албании. М. 1965, с. 125.
15. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2081, л. 21.
16. The Deseret Evening News. 24.XII.1910.
17. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2082, л. 75.
18. Там же, д. 2084, л. 152.
19. РАКИН М. Конзулска писма 1905—1911. Београд. 1985, с. 270.
20. Ibid., с. 271.
21. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2084, л. 231.
22. Там же, л. 232.
23. Там же, л. 233.
24. Там же, д. 2083, л. 115.
25. Там же, д. 2084, л. 219.
26. Там же, л. 211.
27. Там же, л. 353.
28. Там же, л. 247.
29. Там же, л. 326.
30. Там же, л. 353.
31. Там же, л. 366.
32. Так, в ходе боевых действий в районе города Призрен пять турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2084, л. 521.
33. Документи о спольној политици Краљевине Србије 1903—1914. Кн. V. Св. 2. Београд. 1985, с. 179.
34. АВП РИ, ф. Консулство в Валлоне, оп. 600 (603), д. 22, л. 65.
35. Речь. 28.VII.1912.
36. Там же.
37. Подробнее см.: ЈАГОДИН М. Српско-албански односи у Косовском вилајету 1878—1912. Београд. 2009.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

УДК 94(5)

Хайдарабад в системе британского правления в Индии

И.А. Петров

Аннотация. В работе рассматривается специфика взаимоотношений между крупнейшим индийским княжеством Хайдарабад (1724—1948) и британской колониальной администрацией в Индии. Автор уделяет особое внимание этапам становления англо-хайдарабадских отношений, выделяя важнейшие вехи, которые способствовали возвышению правителей Хайдарабада среди остальных индийских князей. Важный акцент делается на периоде 1930—1940-х гг., когда наметился кризис во взаимоотношениях между хайдарабадским правителем Османом Али Ханом и британскими властями, что стало одним из предвестников событий 1947—1948 гг., в результате чего княжество Хайдарабад было военным путем присоединено к Индийскому Союзу.

Ключевые слова: индийские княжества, колониальная администрация, княжество Хайдарабад, англо-хайдарабадские отношения, интеграция 1947—1948 гг.

Abstract. The work deals with the specifics of the relationship between the largest Indian princely state of Hyderabad (1724—1948) and the British colonial administration in India. The author pays special attention to the stages of the Anglo-Hyderabad relationship formation, highlighting the major milestones that contributed to the rise of the rulers of Hyderabad among other Indian princes. An important emphasis is placed on the period of the 1930—1940s, when there was a crisis in the relationship between the ruler of Hyderabad Osman Ali Khan and the British authorities, which became one of the precursors of the 1947—1948 events, and thus the princely state of Hyderabad was incorporated to the Indian Union by military means.

Key words: Indian Princely States, Colonial Administration, the Princely State of Hyderabad, Anglo-Hyderabad Relationship, 1947—1948 Integration.

До образования в августе 1947 г. Индии и Пакистана на территории Индостана существовало около 600 княжеств, которые занимали 45% территории региона. Являясь формально самостоятельными, они находились под фактическим управлением администрации Британской Индии, которая направляла своих резидентов ко двору князей. Хайдарабад, будучи крупнейшим и самым богатым княжеством в Южной Азии, претендовал на особые отношения с британской короной,

Петров Иван Анатольевич — аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: samara-ivan@mail.ru.

Petrov Ivan A. — post-graduate student at the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: samara-ivan@mail.ru.

которая всячески выделяла хайдарабадского князя (низам) среди остальных индийских правителей. Тесные англо-хайдарабадские отношения начали складываться с середины XIX в. и достигли своего апогея в первые десятилетия XX века. Индийские князья, включая низама, следовали так называемому принципу верховенства (Paramountcy), в соответствии с которым они признавали главенство британского монарха, что было закреплено многочисленными договорами. В 1930—1940-х гг. последний низам Осман Али Хан сделал попытку пересмотреть англо-хайдарабадские отношения. С одной стороны, он все чаще требовал особого статуса от британской администрации. С другой стороны, после ухода англичан из Индии Осман Али Хан попытался заручиться поддержкой британского короля, апеллируя к принципу верховенства. Иллюзия уникальности, которую англичане охотно подпитывали, сыграла злую шутку с Хайдарабадом. Он был одним из трех княжеств (наряду с Джамму и Кашмиром и Джунагадхом), где процесс интеграции в 1947—1948 гг. сопровождался вооруженным столкновением между княжескими армиями и войсками Индийского союза. Противоречивость англо-хайдарабадских взаимоотношений можно отнести к одной из предпосылок, приведших к кровавым событиям в княжестве в 1947—1948 гг., которые имели долгосрочные последствия для Хайдарабада.

Княжество Хайдарабад появилось на политической карте Индии в 1724 г., после того как наместник Моголов на Декане Мир Камаруд-Дин Асаф Джах объявил себя независимым правителем и основал династию Асаф Джахов (1724—1948), хотя формально признавал себя вассалом Дели. Со смертью низама в 1748 г. началась борьба между его наследниками. В то время в мусульманских государствах Индостана отсутствовали четкие принципы передачи власти, поэтому трон занимал тот, кто оказывался сильнее и хитрее. Воспользовавшись смутой в Хайдарабаде, европейцы решили принять участие в соперничестве. Англичане и французы активно вмешивались в споры между претендентами на хайдарабадский престол, поддерживая разных кандидатов. За этим стояли прагматические интересы: и Франция, и Великобритания намеревались закрепить свое присутствие на Декане, сделав правителя Хайдарабада своей марионеткой. В тот период в этой части Индостана проходила борьба между такими важными политическими игроками, как маратхи и княжество Майсур. Участие европейских стран в войнах на Декане существенно повлияло на судьбу Хайдарабада. При поддержке англичан, которые к началу XIX в. стали господствующей европейской силой на Индостане, Хайдарабад избавился от своих деканских соперников. Закончилась также эпоха кровавых переворотов и борьбы за хайдарабадский престол, поскольку англичанам удалось поставить под свой контроль выбор кандидатуры низама, которым чаще всего становился старший сын покойного правителя. Вместе с этим, стоит отметить, что княжество Хайдарабад попало под влияние английской Ост-Индской компании (ОИК), а затем британской короны, от господства которых низамы позднее пытались освободиться. События, происходившие в конце XVII — начале XIX в. существенным образом повлияли на историю Хайдарабада всего XIX и первой половины XX века.

Ключевым этапом в истории Хайдарабада и в англо-хайдарабадских отношениях стало Сипайское восстание 1857—1859 гг., начало которого совпало с кончиной четвертого низама — Назир-уд-Даулы (1829—1857). Вскоре эхо мятежа докатилось до Хайдарабада. Боль-

шинство населения княжества было недовольно чрезмерным вмешательством англичан в их внутренние дела. Масло в огонь подлила передача Берара¹ в управление ОИК. Британцы могли положиться на субсидиарные войска² и Хайдарабадский контингент³, однако опасность представляли 30 тыс. солдат иррегулярных войск, низкооплачиваемые и управляемые арабами и рохилами⁴. Кроме того, англичане не были уверены в позиции нового низама Афзал-уд-Даулы, поскольку формально Хайдарабад был вассалом Дели, а в начавшемся восстании англичане и Моголы оказались по разные стороны баррикад. В июне 1857 г. первый кавалерийский полк Хайдарабадского контингента поднял восстание, когда был отдан приказ двинуть войска на север для борьбы с восставшими под номинальным знаменем могольского императора. Этот мятеж был с легкостью пресечен, и армия низама Хайдарабада приняла участие в подавлении Сипайского восстания.

Низам был первым из индийских князей, выступившим на стороне британской армии. Во многом это стало одной из причин особого отношения британской короны к Хайдарабаду и его правителям в будущем. В 1858 г. власть над Индией перешла от Ост-Индской компании к британской короне, а империя Великих Моголов была ликвидирована. С этого момента Хайдарабад формально становился независимым княжеством. Теперь низам получил право чеканить монеты со своим именем, которое упоминалось в мечетях во время хутбы⁵. За помощь в подавлении восстания британцы наделили низама титулом «Наш Преданный Союзник».

После восстания значительно повысился авторитет главного министра (дивана) княжества Салара Джанга, который получил свою известность, в первую очередь, за то, что смог привести в порядок внутренние дела княжества. Для проведения экономических реформ были взяты займы у различных банков. Салар Джанг урезал жалование чиновникам и военным служащим на 30%, но пообещал, что выплаты будут производиться своевременно. Также был произведен кадастр обрабатываемых участков земли с указанием выращиваемых культур, и на основании этого устанавливался размер налога, который оставался неизменным в течение 10 лет. Вскоре в княжестве появились телеграф и почта, а в 1875 г. была построена железная дорога, соединившая Хайдарабад с остальной Индией⁶.

Эпоха Афзал-уд-Даулы завершилась с его смертью в 1869 году. У него остался двухлетний сын Махбуб Али Хан, который был объявлен новым низамом. При малолетнем правителе был назначен регентский совет, в который вошли главный министр Салар Джанг и Куршид Джах, видный представитель хайдарабадской мусульманской элиты. В сложившихся обстоятельствах Салар Джанг стал самым могущественным человеком в княжестве. Приоритетом политики министра было восстановление контроля Хайдарабада над провинцией Берар, находившейся под фактической властью британской администрации. Просьба о возвращении территории была даже передана в британский парламент, однако ее отклонили. Камнем преткновения в отношениях министра с англичанами был вопрос о судьбе молодого низама. Британская администрация настаивала на том, чтобы воспитанием Махбуба Али Хана занимался английский наставник, но Салар Джанг видел в этом попытки поставить правителя под контроль британцев.

В феврале 1883 г. Салар Джаг, занимавший пост дивана Хайдарабада на протяжении 30 лет, скончался. Вице-король Индии лорд Рипон принял решение назначить церемонию передачи власти юному низаму на начало 1884 г., не дожидаясь достижения совершеннолетия Махбуба Али Хана. 2 февраля 1884 г. лорд Рипон приехал в Хайдарабад, чтобы лично принять участие в торжествах. Впервые в истории англо-хайдарабадских отношений вице-король посетил владения низама. Лорд Рипон настоял на том, чтобы восшествие на престол было отмечено с широким размахом, показывавшим, что своим тронем низам обязан королеве-императрице Виктории, и что британцы будут всегда поддерживать и защищать правителя Хайдарабада ⁷.

На рубеже XIX—XX вв. многие индийские князья осознали необходимость проведения ряда реформ в своих княжествах, политический и экономический строй которых сохранял архаичность. Веяния нового времени подталкивали князей пересмотреть всю структуру своих государств. Следует отметить, что правители видели идею модернизации по-своему. По их мнению, внедрение новых идей и реалий должно было сочетаться с сохранением старых форм управления, без существенных модификаций верховной власти.

Низам Махбуб Али Хан продолжил серию реформ, начатых Саларом Джангом. В 1893 г. был обнародован свод законов, который называют первой конституцией Хайдарабада. Основными положениями данного документа были: финансовая стабильность; действительность судов и полиции; экономические преобразования; улучшение административной системы. Однако расточительность низама привела к тому, что к началу XX в. финансовое положение княжества ухудшилось. В 1902 г. вице-король лорд Керзон представил план решения финансовых проблем низама. Махбубу Али Хану было предложено подписать договор, по которому Хайдарабад передавал Берар англичанам в вечную аренду за 2,5 млн рупий в год. Кроме этого низаму предписывалось сократить личные расходы, а в Хайдарабад назначался британский экономический советник, контролировавший финансовую ситуацию в княжестве. Хайдарабадский контингент сливался с Имперскими вооруженными силами ⁸, но низам мог воспользоваться войсками в случае необходимости ⁹.

Махбуб Али Хан Асаф Джах VI, покровитель наук и искусств, один из самых богатых людей своего времени, имел пристрастие к алкоголю и опиуму, которое в конечном счете привело к его смерти в 1911 году. Приемником стал его 24-летний сын Мир Осман Али Хан (1911—1948). Невзирая на тот факт, что покойный Махбуб Али Хан предпочитал не вводить своего сына в суть государственных дел, Осман Али был прекрасно осведомлен о ситуации в княжестве. Британская администрация в Индии с сомнением смотрела на молодого низама, поскольку считала его слабым правителем. Но последующие события показали, что англичане ошиблись в своих взглядах. В 1914 г. Осман Али Хан сместил своего главного министра махараджу Кишена Першада, обвиненного в интригах против низама, и лично начал исполнять обязанности дивана. Таким образом, вся администрация княжества оказалась в его руках. Низам ограничил власть знати, сделавшись, фактически, абсолютным монархом.

Политика низама вызвала возмущение у англичан. Колониальная администрация не успела активно отреагировать на действия Османа Али Хана, поскольку в июле 1914 г. началась первая мировая

война. Муфтий ¹⁰ Константинополя обратился с воззванием ко всем мусульманам мира, призвав бороться против врагов Османской империи. Опасаясь проосманских настроений среди мусульманского населения Индии, англичане решили заручиться поддержкой правителя крупнейшего мусульманского княжества в Южной Азии — низама Хайдарабада. Многие мусульмане были недовольны тем, что имя османского халифа, который считался духовным лидером суннитов всего мира, перестали упоминать во время пятничной молитвы. Более того, возникла угроза неподчинения солдат-мусульман, отправляемых участвовать в военных действиях против Османской империи и ее союзников.

Первоначально низам был в нерешительности. С одной стороны, помощь англичанам могла существенно укрепить авторитет Османа Али Хана в глазах британской короны, при этом низам рассчитывал на получение особых привилегий со стороны Лондона. С другой стороны, Осман Али должен был учитывать настроения внутри своего княжества, ибо он опасался реакции арабских наемников и мусульман-халифатистов, которые идейно были на стороне османского султана. Мусульмане рассматривали боевые действия между англичанами и турками как священную войну (джихад). В сложившейся ситуации низам встал на сторону англичан и выступил с обращением к мусульманам Индии, призвав поддержать британское правительство, пояснив, что за военными действиями стоят политические мотивы, не имеющие ничего общего с джихадом ¹¹.

За финансовую и военную помощь британцам низаму в 1917 г. был дарован титул «Самый Преданный Союзник Британской империи». Через год к Осману Али Хану стали обращаться «Его Благодородное Высочество», что делало его самым главным среди индийских князей. Фактически низам стал духовным главой 66-миллионного суннитского населения Индии, ибо он был мусульманским правителем крупнейшего княжества в Индии и имел большой авторитет в глазах мусульманского населения. Кроме этого стоит отметить, что к низаму стали относиться как к покровителю мусульман Индии после ликвидации Могольской империи ¹². Сыграл свою роль и большой авторитет низама в глазах британского руководства.

Первая мировая война породила халифатистское движение ¹³, направленное на защиту османского султана-халифа. После поражения в войне сторонников Германии Османская империя была ликвидирована, и султан Мехмед VI был свергнут с престола, но за ним сохранилось звание халифа. Однако уже в 1922 г. Кемаль Ататюрк принял решение об отмене османского халифата. Индийские мусульмане стали опасаться, что новым халифом станет кто-нибудь из британских ставленников, таких, как король Трансиордании Абдулла, король Ирака Файсал или шериф Мекки Али Хайдар Паша. Один из лидеров халифатистского движения Шаукат Али вынашивал мечту о том, чтобы халифом был провозглашен низам Осман Али Хан. Вместе с этим Шаукат Али настаивал, чтобы британская корона даровала низаму титул короля, как это было сделано для правителей Трансиордании и Ирака, тем более что к началу 20-х гг. XX в. низам являлся правителем одного из крупнейших мусульманских княжеств в мире.

Годы правления Османа Али Хана стали важным этапом в развитии Хайдарабада. Для разрешения финансовых проблем княжества были созданы различные комиссии, которые должны были выявить случаи

растрат высокопоставленными чиновниками. Департамент налоговых сборов был реорганизован, прошли реформы судебной системы. К 1919 г. доходы казны превысили расходы на 50 млн рупий. Личное имение низама, Сарф-и-Хас ¹⁴, занимало около 30% всей территории княжества и приносило доход в 25 млн рупий в год. Несмотря на многочисленные финансовые проблемы на разных этапах истории Хайдарабада, личная казна низамов постоянно увеличивалась. К началу XX в. стали ходить различные легенды о баснословном богатстве Османа Али Хана. Ощущая свое особое положение в отношениях с британцами, низам стал претендовать на некоторую самостоятельность в решении внутренних проблем княжества. В июле 1918 г., когда британского резидента не было в столице, Осман Али Хан сместил всех английских советников, заменив их на преданных ему индийцев.

После окончания первой мировой войны вице-король Челмсфорд в личной беседе с низамом заметил, что попытка управлять княжеством без премьер-министра (которого Осман Али Хан снял с должности еще в 1914 г.) была серьезной ошибкой, которая может дорого ему обойтись. Низам был вынужден пойти на уступки ¹⁵. В 1919 г. в Британской Индии был принят Закон об управлении Индией ¹⁶, и под влиянием этого события Осман Али Хан объявил, что администрация княжества переходит в управление Исполнительного совета, работа которого будет регулироваться конституцией. Согласно конституции, должность дивана заменялась на садре-азам (председатель), который являлся главой Совета. Полномочия Совета и чиновников были строго регламентированы. Однако члены Совета назначались лично низамом, и он мог изменить решение Исполнительного совета, издав соответствующий фирман ¹⁷. В целом, можно утверждать, что княжество добилось существенных улучшений в различных сферах жизни. Успешное проведение реформ способствовало укреплению позиций низама Османа Али Хана, который все чаще показывал независимость своего характера. Так, в 1921 г. британские власти создали Палату князей, где были представлены наиболее важные княжества, однако низам Хайдарабада отказался стать членом этой Палаты.

В 1926 г. низам вновь поднял вопрос о Бераре, желая пересмотреть положения договора 1902 года. В 1930 г. Осман Али Хан добился личного представительства Хайдарабада в лице главного министра Акбара Хайдари на первой конференции «круглого стола» в Лондоне. На этой конференции обсуждалось предложение о создании общеиндийской федерации, которая включала бы провинции Британской Индии и княжества. Низам заявил англичанам, что готов рассмотреть федеративную схему лишь после решения вопроса о Бераре, который в то время входил в состав Центральных провинций Британской Индии. Правительство Индии в 1933 г. предложило новое решение проблемы, которое было следующим: при назначении губернатора Центральных провинций британская сторона обязывалась принимать во внимание мнение Османа Али Хана; кроме этого, на общественных учреждениях в Бераре водружался флаг Асаф Джахов, и низам, с позволения вице-короля, мог проводить свои официальные приемы — дарбары — в этой провинции. Кроме того, Хайдарабад получал ежегодно сумму в 2,5 млн рупий из налоговых сборов Берара, а наследник низама наделялся титулом «князь Берара». Но уже в начале 1940-х гг., когда власть британской короны в Индии начала ослабевать, низам продолжал торговаться с прави-

тельством Индии, пытаясь добиться получения морского порта в обмен на отказ от претензий на Берар ¹⁸.

Идея создания федерации провинций Британской Индии и индийских княжеств получила новое развитие после 1935 г., когда в Индии был принят Закон об управлении Индией, который называют Конституцией 1935 года. Большинство князей негативно отнеслось к данному проекту, ибо в случае образования федерации их власть подверглась бы еще большим ограничениям. Низам Хайдарабада выказал свою готовность сотрудничать с британцами в реализации федеративной схемы, но поставил многочисленные условия, в случае выполнения которых Осман Али принимал этот план. Прежде всего низам отстаивал внутренний суверенитет княжества, поэтому он выступил против назначения колониальных чиновников в свое правительство. Помимо этого, Осман Али Хан ратовал за сохранение собственной валюты, контроля над почтовой службой и железнодорожным сообщением. Для того чтобы закрепить свои требования, низам запросил письменную гарантию, на основании которой британцы защищали бы интересы династии Асаф Джахов. В документе также оговаривалось, что британское правительство не должно навязывать Хайдарабату каких-либо радикальных нововведений. В ответ на это власти Великобритании ограничились устными заявлениями, в которых обещали выполнить положения договора по мере своих возможностей. Фактический отказ Великобритании принять требования низама привел к тому, что Хайдарабат отказался участвовать в федеративном союзе, который казался невыполнимым без крупнейшего индийского княжества.

С началом второй мировой войны Великобритания отложила план разработки федеральной схемы до лучших времен ¹⁹. В ходе войны становилось очевидным, что рано или поздно британцы покинут Индию, оставив княжества на «попечительство» ответственного правительства. Низам Хайдарабада, впрочем, как и остальные князья, понимал, что его суверенитету наступит конец после ухода англичан с индийского субконтинента. ИНК еще на Харипурской сессии в 1938 г. вместе с требованием сампурн свараджа (полной независимости) объявил, что с окончанием Британского раджа прекратят свое существование и индийские княжества ²⁰.

Вместе с этим, Осман Али Хан, всегда ощущавший свое особое положение среди остальных князей в отношениях с британским правительством, был уверен, что пока ему не следует всерьез опасаться активности национально-освободительного движения в Индии, так как низам опирался на многочисленные договоры, заключенные с британским правительством. Самой большой надеждой низама был принцип верховенства британского короля над индийскими княжествами.

Вторая мировая война стала важнейшей вехой в истории Индии. Низам Хайдарабада последовал примеру князей Бароды, Траванкура и Майсура, выступивших на стороне союзников Великобритании и предоставивших им военную помощь, а также переведших предприятия крупной промышленности на военные рельсы ²¹. В то время как в провинциях Британской Индии решался вопрос о независимости, низам начал наращивать военную мощь в своем княжестве. Было очевидно, что Индия стоит на пороге важного решения, от которого зависит дальнейшая судьба княжеств, в том числе и Хайдарабада.

В июне 1945 г. был обнародован конституционный проект вице-короля лорда Уэйвелла («План Уэйвелла»), в соответствии с которым

английская сторона подтверждала свое намерение предоставить Индии статус доминиона. В июне 1947 г. последний вице-король Индии представил план («план Маунтбэттена») о разделе Индии на два доминиона — Индийский Союз (ИС) и Пакистан. Помимо основных положений важным вопросом было решение судьбы многочисленных индийских княжеств. Для них существовали три варианта: присоединиться к Индийскому Союзу, войти в состав Пакистана или сохранить свою независимость. Такие крупные княжества, как Джамму и Кашмир, Джунагадх и Хайдарабад, во главе двух из которых находились мусульманские правители, выказали желание остаться независимыми. Низам Хайдарабада утверждал, что с географической точки зрения княжество не может войти в состав Пакистана, а в ИС оно не желает войти по идеологическим причинам, поэтому единственным правильным решением является предоставление Хайдарабаду независимости. Окруженный со всех сторон Индийским Союзом, Хайдарабад находился не в самом выгодном положении, поэтому Низам еще в 1946 г. просил англичан помочь ему приобрести порт Гоа. Кроме этого, для улучшения экономической ситуации княжества Осман Али Хан вновь поднял вопрос о передаче Хайдарабаду Берара. В ответ на это англичане сообщили, что Берар теперь является составной частью Индийского Союза, поэтому вопрос должен решаться между правительствами Хайдарабада и Индии ²².

Игнорируя три формальных варианта решения проблемы индийских княжеств, лорд Маунтбэттен обратился к князьям с речью, в которой уверял, что из-за специфики географического и экономического положения большинства княжеств им целесообразнее всего связать свою судьбу с Индийским Союзом ²³. 9 июля 1947 г. Осман Али Хан написал письмо лорду Маунтбэттену, в котором говорил о своем желании сохранить независимость княжества и просил поддержки в этом вопросе у британского короля. Лорд Маунтбэттен обещал лично передать это письмо королю, но, как он признался позднее, письмо это отослано не было ²⁴.

У Хайдарабада оставалась другая возможность — войти в состав Пакистана. На это Маунтбэттен ответил, что данная идея является совершенно нежизнеспособной и неконструктивной. Стоит отметить, что план создания мусульманского очага на Декане не был чем-то новым. В 1940 г. Чаудхури Рахмат Али, придумавший в 1933 г. название «Пакистан», выступил с предложением назвать предполагаемое мусульманское государство на Декане «Усманистан/Османистан» в честь Османа Али Хана ²⁵.

После образования доминионов ИС и Пакистана положение княжества Хайдарабад осложнилось. Княжества, географически находившиеся внутри Индийского Союза и рассчитывавшие на получение независимости, были присоединены к этому доминиону. Низам продолжал лелеять надежду получить статус доминиона в составе Британского содружества наций и рассчитывал в этом вопросе на поддержку со стороны британского правительства, несмотря на то, что британский король снял с себя все обязательства в отношении индийских княжеств, ликвидировав тем самым принцип верховенства. Позиция Маунтбэттена в этом вопросе была однозначной: Хайдарабад должен присоединиться к одному из доминионов, явно имея в виду Индийский Союз.

В августе 1947 г. началась разработка соглашения между правительствами Индийского Союза и Хайдарабада. Низам выдвинул сле-

дующие требования: в случае войны между Индией и Пакистаном Хайдарабад будет занимать нейтральную позицию; правительство низама оставляло за собой право назначать своего представителя²⁶ в Лондоне; в случае выхода ИС из состава Содружества низам мог пересмотреть свое мнение о дальнейшей судьбе Хайдарабада²⁷.

К октябрю 1947 г. было подготовлено соглашение о сохранении статус-кво (Stand-still agreement), которое оттягивало решение судьбы княжества на один год. В Дели отправились члены комиссии по ведению переговоров, которые согласились подписать условия вышеуказанного документа²⁸. Stand-still agreement содержал лишь пять пунктов: 1) вопросы, связанные с обороной, внешними отношениями и коммуникациями, переходили в ведение индийского правительства; 2) низам и правительство Индии соглашались назначить своих представителей в Дели и Хайдарабаде соответственно; 3) отношения между Индией и Хайдарабадом не будут строиться на основе принципа верховенства; 4) в случае возникновения споров относительно пунктов договора обе стороны обязывались назначить посредников для решения проблемы; 5) договор вступал в силу со дня его подписания сроком на один год.

Помимо основных пунктов договора Осман Али Хан предложил рассмотреть и другие важные темы, касающиеся судьбы Хайдарабада, но порой противоречившие положениям соглашения ноября 1947 года. Так, низам затронул вопрос о том, чтобы княжеству было разрешено иметь своих дипломатических и экономических представителей в других государствах. Осман Али считал нужным закупать вооружение, а также транспортные средства для княжества. Низам потребовал вывести воинские части индийской армии (которые находились в Хайдарабаде еще при британской власти) с территории княжества, однако в то же самое время Осман Али Хан настаивал на восстановлении военных лагерей хайдарабадской армии. Кроме этого, вновь обсуждалось сохранение местной денежной системы и почтовой службы²⁹.

Правительство Индии в лице Джавахарлала Неру считало, что Stand-still agreement позволит обеспечить мир между индусской и мусульманской общинами в княжестве еще на год, пока не будет подготовлена почва для безболезненной интеграции Хайдарабада в Индийский Союз. Маунтбэттен был полностью уверен в том, что низам, подобно большинству индийских князей, примет решение о включении своих владений в ИС. Однако Осман Али видел положение дел иначе. Для него заключение договора с Дели всего лишь давало отсрочку, которая была необходима для наращивания военной мощи Хайдарабада. Подписание данного договора гарантировало вывод индийских войск с территории княжества, и в то же самое время позволило низаму предпринять необходимые шаги для осуществления своей мечты — создать независимое мусульманское государство на Декане. Именно с этой целью Осман Али Хан увеличил закупку вооружения, прежде всего из Пакистана. В ответ на это в июле 1948 г. правительство Индии было вынуждено предпринять ряд мер против низама: оно заморозило его ценные бумаги в индийских банках, поскольку тот стал переправлять их в Пакистан; запретило вывоз золота и валюты из Индии в княжество и отказалось снабжать бензином авиатранспортную компанию, самолеты которой связывали Хайдарабад с внешним миром³⁰.

Фактически, Индия объявила Хайдарабаду экономическую блокаду. Правительство низама, крайне возмущенное ее действиями, в

августе 1948 г. обратилось за помощью к ООН. До этого, в июне того же года, Осман Али Хан написал письма королю Георгу VI, премьер-министру Великобритании Клементу Эттли и президенту США Гарри Трумэну. Жалуясь на агрессивное поведение со стороны Индии, которая была готова напасть на Хайдарабад при любом удобном случае, низам попросил помощи и заступничества. С точно такой же просьбой обратился Мир Лаик Али ³¹ к Уинстону Черчиллю, который на тот момент возглавлял оппозицию британскому правительству. Представители государств, к которым обратился Осман Али Хан, выказали глубокую озабоченность и сочувствие положению Хайдарабада, однако ответ был однозначным: вмешательство третьей стороны в сложившихся обстоятельствах представляется неуместным, поскольку Индия и Хайдарабад связаны положениями Stand-still agreement, на основании которого княжество передало свои внешние сношения Индии на год, начиная с 29 ноября 1947 года ³². «Самый преданный союзник Британской империи» оказался один на один с делийским правительством. В сентябре 1948 г. индийская армия вступила на территорию Хайдарабада, не встретив серьезного сопротивления. В ходе так называемой Сточасовой войны Хайдарабад был присоединен к Индийскому Союзу, став новым штатом. Со стороны Лондона никаких возражений против действий индийского правительства не последовало.

Таким образом, почти двухсотлетняя история англо-хайдарабдских отношений пережила несколько этапов, при этом сам характер отношений менялся:

1. Середина XVIII — середина XIX века. Англичане укрепили свое положение на Декане. Представители ОИК начали активно вмешиваться во внутренние дела Хайдарабада, сажая на трон своих ставленников.

2. Середина XIX — начало XX века. Установились тесные контакты между низамами и колониальной администрацией. Хайдарабаду была предоставлена широкая автономия во внутренних делах.

3. Начало — 40-е гг. XX века. В этот период происходило политическое и экономическое укрепление Хайдарабада. Доброжелательное отношение британского монарха к низаму побудило последнего требовать особого статуса для Хайдарабада, и позднее эти идеи переросли в борьбу за независимость княжества.

Правители Хайдарабада были полностью уверены в том, что их отношения с британской колониальной администрацией отличаются от таковых с другими индийскими князьями. Последний низам оказался во власти иллюзии, что национально-освободительное движение никоим образом не затронет его владений, и был убежден, что британский король поддержит своего «самого преданного союзника» в борьбе за сохранение независимости Хайдарабада.

События, происходившие в княжестве в 1947—1948 гг., имели огромные последствия для Хайдарабада. Процесс интеграции в Индию был очень болезненным и по факту проходил с 1948 по 1956 год. В 1956 г. территория бывшего княжества Хайдарабад была разделена между тремя соседними штатами, а низам, который в 1948—1956 гг. выполнял формальную роль губернатора штата Хайдарабад, лишился даже своей номинальной власти. Еще одним важнейшим последствием интеграции стало обострение межобщинных отношений в Хайдарабаде, который со второй половины XX в. превратился в один из крупнейших центров коммунизма в современной Индии.

Примечания

1. Данный район был очень важен в экономическом отношении, ввиду того что он славился своими хлопковыми плантациями. В 1850-е гг. низам был вынужден отдать в аренду британцам эту область в счет долга. Вопрос о Бераре станет ключевым пунктом в отношениях между Великобританией и Хайдарабадом на протяжении первой половины XX в. вплоть до ухода англичан из Индии.
2. Войско европейской Ост-Индской Компании, которое она «сдавала в аренду» правителю индийского княжества за выплату субсидии (деньгами или — чаще — в виде налогов с части территории княжества).
3. Название регулярных войск Хайдарабада.
4. Урдуговорящие афганцы, исторически проживавшие в Рохилкханде (современный северный Уттар-Прадеш).
5. Пятничная проповедь.
6. ZUBRZYCKI J. *The Last Nizam*. Delhi. 2006, p. 81—87.
7. *Ibid.*, p. 94—95.
8. Imperial Service Troops — войска князей, объединенные для выполнения отдельных задач.
9. Hyderabad. *The Dominions of His Exalted Highness the Nizam*. Secunderabad. 1939, p. 5.
10. Высшее духовное лицо у мусульман.
11. PERNAU-REIFELD M. *Reaping the Whirlwind: Nizam and the Khilafat Movement*. — *Economic and Political Weekly*. Vol. 34, No. 38, 18—24.IX.1999, p. 2746.
12. Правители Хайдарабада считали себя законными преемниками Великих Моголов, указывая на культурную преемственность, размеры своего княжества, его ресурсы, а также на авторитет низамов в глазах англичан.
13. Это движение впоследствии сильно повлияет на судьбу Хайдарабада, поскольку именно с этого времени низам начал весьма тяготиться британского владычества и вынашивал идеи о своей суверенности.
14. В основном, территории вокруг города Хайдарабад.
15. KOOIMAN D. *The Nizam's Last Victory: Hyderabad on Eve of Second World War*. — *Economic and Political Weekly*. Vol. 33, No. 12, 21—27.III.1998, p. 648.
16. Так называемая реформа Монтегю-Челмсфорда.
17. ZUBRZYCKI J. *Op. cit.*, p. 122—124.
18. LEONARD K. *Reassessing Indirect Rule in Hyderabad: Rule, Ruler, or Sons-in-Law of the State?* — *Modern Asian Studies*. Vol. 37, No. 2, May, 2003, p. 369—370.
19. ZUBRZYCKI J. *Op. cit.*, p. 166.
20. SMITH W.C. *Hyderabad: Muslim Tragedy*. — *Middle East Journal*. Vol. 4, No. 1, Jan., 1950, p. 34.
21. BARTON W. *The Indian Princes and Politics*. — *Pacific Affairs*. Vol. 17, No. 2, Jun., 1944, p. 189.
22. MENON V.P. *The Story of the Integration of the Indian States*. London. 1956, p. 45.
23. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ В.Я., МОСКАЛЕНКО В.Н. *История Пакистана*. XX в. М. 2008, с. 78.
24. ALI M.L. *Tragedy of Hyderabad*. Karachi. 1962, p. V.
25. COPLAND I. *The Princely States, the Muslim League and the Partition of India in 1947*. — *The International History Review*. Vol. 13, No. 1, Feb., 1991, p. 41.
26. Так называемый «agent-general», который представлял интересы доминиона в метрополии.
27. MENON V.P. *Op. cit.*, p. 220—221.
28. TALBOT P. *Kashmir and Hyderabad*. — *World Politics*. Vol. 1, No. 3, Apr., 1949, p. 325.
29. MENON V.P. *Op. cit.*, p. 230.
30. ДЕВЯТКИНА Т.Ф. *Ликвидация княжеств в современной Индии*. М. 1961, с. 72.
31. Последний глава правительства низама.
32. ALI M.L. *Op. cit.*, p. 242.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 63.3(0)4

Об одном малоизвестном князе в истории Северской земли Киевской Руси конца XII — начала XIII в.

Ч.Х. Чой

Аннотация. В работе рассматривается проблема идентификации малоизвестного по летописным сведениям князя в истории Северской земли Киевской Руси во времена феодальной раздробленности, а также анализируется историко-политическая конъюнктура в период княжеских войн конца XII — начала XIII века.

Ключевые слова: Северская земля, Черниговское княжество, Олег Святославич курский.

Abstract. We study the problem of the identification of two little-known princes through the records and pages of chronicle at the history of Severskoy zemli of Kievan Rus“ in the period of feudal division and analyze the historic-political conjunction in the time of princely war at the ending of 12th and the beginning of 13th centuries.

Key words: Severskaya zemlya, Chernigov principedom, Oleg Svyatoslavich Kurbsky.

Среди небольшого количества письменных источников, непосредственно связанных с историей Северской земли, до нас дошли лишь «следы» записей в той или иной летописи, касающиеся отдельных князей Черниговского княжества, в частности, фрагменты летописания, которое велось в течение второй половины XII в., и Галицко-Волынской летописи первой половины XIII века¹. Среди лиц, упоминающихся в этих источниках, можно выделить имена малоизвестных князей, связанных с историей Северской земли и Смоленского княжества. Одним из них является Олег курский (XI колена от Рюрика). В данной работе рассматриваются летописные сведения об этом малоизвестном князе, а также предпринимается попытка определить ход политических событий начала XIII в., к которым он был причастен.

Существуют различные мнения относительно идентификации личности Олега курского. Некоторые исследователи считают его Олегом Игоревичем, сыном Игоря Святославича, героя «Слова о полку

Чой Чжун-Хюн — кандидат филологических наук, доцент Университета Сонгюнган. Сеул. Республика Корея. E-mail: slovo@skku.edu.

Choi Jung-Hyun — PhD in literature, associate professor at the Sungkyunkwan University. Seoul. Korea. E-mail: slovo@skku.edu.

Игоре»². При этом Олег Игоревич (X колена от Рюрика) приходился бы Михаилу Всеволодовичу (XI колена) дядей. Другие полагают, что речь идет об Олеге Святославиче. В этом случае имеются в виду два разных персонажа: одна версия представляет Олега Святославича как сына Святослава Ольговича, князя рьльского (ум. 1186 г.)³, а другая гипотеза делает свой выбор в пользу Олега Святославича, сына Святослава Игоревича, князя перемышльского (ум. 1212 г.)⁴. Оба Олега Святославича, находившиеся в XI колена от Рюрика, приходились Михаилу младшими двоюродными братьями.

На наш взгляд, выбор фигуры Олега Игоревича не выдерживает критики, так как отсутствуют аргументированные доводы. Кроме того, упускается из виду сообщение поздней летописи о смерти Олега Игоревича под 1205 годом. Запись Густынской летописи начинается известием: «Преставися Олгъ Игоревич и Володымеръ Юрьевич»⁵. О смерти Владимира Юрьевича, муромского князя, сообщает и Лаврентьевская летопись под тем же годом: «той ж зимы бишас Олговици с Литвою. [Т]ого ж лѣта преставися Володимиръ Гургевич Муромский княз»⁶. О смерти Олега Игоревича древнейшая летопись хранит молчание, зато в ней говорится о войне Ольговичей с Литвою, которую организовал, по другим летописям, тогдашний черниговский князь Олег Святославич, сын Святослава Всеволодовича⁷.

Некоторые летописи говорят, что Олег Святославич умер в 1204 году⁸. При этом другие летописи сообщают, что его сын умер вместе с отцом⁹. Одновременная гибель отца и сына позволят предположить, что они погибли в чрезвычайной обстановке, например, на войне. Поскольку в том же году Ольговичи совершили удачный поход на Литву, этот успех, по мнению М. Димника, мог привести к вторичному походу на Литву, где отец и сын погибли. Об этом поражении летописец не упоминает¹⁰.

Если верить подобным догадкам, то, возможно, в ходе этого похода кроме Олега Святославича погиб и Олег Игоревич, хотя источники не утверждают этого. О.М. Рапов приводит сообщение о смерти Олега Игоревича, содержащееся в Густынской летописи под 1205 г., говоря о рассматриваемом нами Олеге, сыне Игоря Святославича¹¹.

Поневоле возникает вопрос — был ли жив Олег Игоревич в начале XIII века? Как известно, в 1206 г. прочерниговски настроенные галицкие бояре и часть горожан призвали к себе Игоревичей управлять своей землей. В Юго-Западной Руси внуки Ярослава Владимировича по матери получили в держание галицкие города¹². Но в этом эпизоде мы не находим имени Олега Игоревича. При вторичном занятии Игоревичами галицкой земли в 1210 г. даже Изяслав, сын Владимира, старшего из Игоревичей, племянник Олега Игоревича получил удел для себя в галицкой земле, а его младший брат Всеволод был послан отцом к венгерскому королю с дарами¹³, чтобы заранее успокоить волновавшегося короля, постоянного соперника за Галич. По мнению Димника, если в то время Олег Игоревич был жив, то он должен был получить свою долю в галицкой земле¹⁴.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в начале XIII в., когда Игоревичи заняли галицкую землю, Олега Игоревича не оказалось среди братьев в Западной Руси. Он также не продолжал управлять освобожденным Новгородом-Северским¹⁵. Сведений о нем нет,

следовательно, искать его нужно либо в монастыре, либо в синодике среди умерших князей. По-видимому, к тому времени Олега Игоревича уже не было в живых¹⁶, и это служит доводом против бытующего убеждения, что в 1226 г. именно Олег Игоревич курский создал напряженную обстановку, предъявив Михаилу претензии на Чернигов.

Что касается версии относительно Олега Святославича как Олега курского, то в первой трети XIII в. мы встречаем двух Олегов Святославичей: один — сын Святослава Олеговича рыльского (ум. 1186 г.), внук Олега Святославича новгород-северского (ум. 1180 г.). Это мнение принадлежит Н.А. Баумгартену и Димнику. Другой — сын Святослава Игоревича перемышльского (ум. 1212 г.), внука Игоря Святославича, князя новгород-северского и черниговского (ум. 1202 г.), героя «Слова о полку Игореве» — так считают Р.В. Зотов и А.В. Экземплярский.

Зотов принимает этого персонажа за Олега Святославича, сына перемышльского князя Святослава Олеговича (ум. 1212 г.), отождествляя Олега курского, сражавшегося на р. Калке в 1223 г., с одноименным князем, упомянутым под 1226 годом¹⁷. Согласно ему, Олег Святославич, родившийся, по всей вероятности, около 1197 г.¹⁸, в 1223 г., в возрасте около 25 лет, скорее мог быть «крепко бившимся»¹⁹, чем Олег Игоревич, родившийся в 1175 г.²⁰, которому тогда исполнилось без малого 50 лет²¹.

Это предположение кажется вероятным с учетом того, что в описании битвы на р. Калке рядом с Олегом курским был указан Даниил Романович, двадцатидвухлетний галицкий князь, также храбро отражавший атаки татар: «Татаром же бѣгающимъ Данилови же избивающе ихъ своимъ полкомъ и Олгови Курьскому крѣпко бившимся»²². Поскольку в источнике Даниил Романович был отмечен как воин, отличавшийся своей молодостью и доблестью на поле брани, то с ним более адекватно сочетается еще один молодой и смелый князь-воин, другой «Буй-Тур», нежели «опытный» и зрелый князь. В этом смысле предположение Зотова имеет под собой основание. К его мнению примыкает и позиция О.М. Рапова²³. Кроме того, Зотов идентифицирует рассматриваемого Олега курского как Олега новгород-северского, упомянутого в источнике под 1228 г., когда он выдал свою дочь за племянника Юрия Всеволодовича Всеволода Константиновича²⁴.

Русский историк, эмигрировавший за границу в начале XX в., Н.А. Баумгартен, соглашаясь с Зотовым в том, что в источнике упомянут Олег Святославич, а не Игоревич, при этом считает Олега Святославича сыном другого Святослава, то есть не Святослава Игоревича, а Святослава Ольговича, князя рыльского (ум. 1186)²⁵. Развивая точку зрения Баумгартена, Димник наиболее обстоятельно аргументирует последний вариант²⁶.

Димник в основном принимает аргументы Зотова. Он полагает, что в ряде событий 20-х гг. XIII в. фигурирует один князь — Олег Святославич — но только сын другого Святослава, как полагает и Баумгартен. Обращая внимание на описание битвы на р. Калке, Димник указывает, что в Ипатьевской летописи в перечне принявших участие в сражении с татарами выделены войска из городов черниговской земли, то есть Курска, Трубчевска и Путивля, принадлежавших исключительно младшей ветви Ольговичей: «А куряне и трубчане и путивлицы, и киждо со своим князьями придоша коньми»²⁷.

Летописец сообщает, что Курск вместе с Рьльском принадлежал Святославу Ольговичу (ум. 1186 г.; X колено), старшему сыну Олега Святославича (ум. 1180 г.; IX колено)²⁸. На страницах летописи не видно, что эти города перешли какому-нибудь другому князю, так что с определенной долей уверенности можно предположить, что потомки Святослава Ольговича рьльского могли унаследовать эти волости. В последующие годы у первенца Святослава Ольговича, Олега Святославича, оказался Курск, а младшему сыну Мстиславу достался Рьльск²⁹. На вопрос, почему старший сын Святослава Ольговича, Олег Святославич, занял Курск, а не Рьльск, Димник отвечает, что в то время Курск уже превышал Рьльск по значимости, как ранее полагал и Зайцев³⁰.

Таким образом, по мнению Димника, в качестве старшего брата всей младшей ветви Ольговичей Олег Святославич был выделен в летописной повести о битве на р. Калке 1224 года³¹. Этот принцип, на наш взгляд, существует и в представлении князей — участников войны. В летописи упомянуты три князя из черниговской земли. Первым был Мстислав Святославич козельский и черниговский, как один из «старших» всех русских князей наряду с другими двумя Мстиславами, то есть Мстиславом Романовичем киевским и Мстиславом Мстиславичем «Удалым» галицким, а в ряд младших князей был зачислен Михаил Всеволодович, видимо, в то время новгород-северский, вместе с Даниилом Романовичем галицким и Всеволодом Мстиславичем киевским³².

Кроме этих двух черниговских князей интересующий нас Олег Святославич, курский князь, сын Святослава Ольговича рьльского, был отмечен как старший в роде младшей ветви всех Ольговичей, чье место, представленное летописцем в описании сражения, вполне соответствует его статусу как законному претенденту на стольный город новгород-северской земли — Новгород-Северский. Что касается Олега Святославича, упомянутого под 1228 г., то здесь мы видим более или менее устойчивое согласие. Ряд летописей дает отчество «Святославича» князю Олегу, выдавшему дочь за племянника Юрия Владимиро-суздальского Всеволода Константиновича³³. В вышеуказанной «Родословной» Филарета Олег Святославич, сын Святослава Ольговича рьльского отмечен под 1228 г., несомненно, указывающим на свадьбу дочери данного князя, Олега «северского»³⁴. Татищев дает, по наблюдению Димника, единственное сообщение о бракосочетании дочери Олега Святославича, князя северского, правда, с разными отчествами, в первой редакции — «Святославичем»³⁵, а во второй — «Всеволодовичем»³⁶.

Относительно отождествления этого Олега Святославича с Олегом северским Димник обращает внимание на события после 1226 года. Ипатьевская летопись сообщает, что в 1228 г. Владимир Рюрикovich киевский в союзе с Михаилом Всеволодовичем черниговским напал на Даниила Романовича галицкого. В этом походе Михаила сопровождали «все» князья черниговской земли: «а Михаилъ съ всьми князи»³⁷. Под «вьсьми князи» летописец в первую очередь подразумевал Олега Святославича, главу младшей ветви Ольговичей. Как полагает историк, удовлетворенный результатом договора 1226 г. Олег курский, поднявшийся против Михаила, мог присоединиться к походу Михаила на соперника. Это для Олега Святославича означало уступку ему Михаилом Новгород-Северского. По всей вероятности, Михаил согласился с этим требованием Олега в 1226 г., и тот сделал-

ся новгород-северским князем вскоре после своего «восстания»³⁸. Быстрое согласие Олега с Михаилом — косвенный, но явный намек на данное соображение. Нам кажется, что сам Михаил осознавал чрезмерность своих амбиций получить одновременно и Чернигов, и Новгород-Северский. По крайней мере, после гибели Мстислава Святославича на р. Калке в 1224 г., когда Чернигов достался ему, Михаил должен был отдать Новгород-Северский именно Олегу Святославичу — совершенно легитимному наследнику³⁹.

Логично, что к сделавшемуся князем новгород-северским после 1226 г. летописец обращался именно так, а не как к курскому, поскольку стольный город имеет больше значения, чем рядовой город данного княжества. Очевидно, что обе стороны хотели закрепить союз путем столь традиционного для средневековья способа подтверждения мира, как бракосочетание своих детей⁴⁰. Нет сомнений, что именно поэтому в 1228 г. Олег курский, уже называвшийся в источниках новгород-северским, выдал свою дочь за племянника Юрия владимиро-суздальского, Всеволода Константиновича⁴¹. Однако это известие не подтверждено летописями, следовательно, признать его полностью достоверным нельзя, хотя трудно возражать против логики Димника.

Канадский историк, в свою очередь, уделяет недостаточное внимание физическому состоянию Олега Святославича, «крѣпко бившимся» на калкской битве в 1224 г., который в том же году приблизился к рубежу 40 лет⁴², и помещение которого в тексте рядом с молодым Даниилом Романовичем, выглядело бы странно. Можно вспомнить, что Всеволод Святославич «Буй-Тур», славившийся своей отвагой на поле брани, мужественно сражался с половцами в Игоревом походе. По всей видимости, он был на два или три года младше своего брата Игоря Святославича, родившегося 2 апреля 1151 года⁴³. В момент похода Игоря в 1185 г. Всеволоду «Буй-Туру» было чуть больше 30 лет, что позволяло ему быть в полной силе и бороться с «погаными». Нам кажется, что сорокалетний военный вождь, в данном случае Олег Святославич, сын Святослава Ольговича рьльского, воевал бы менее активно.

Что касается версии Олега Игоревича, то с учетом всех плюсов и минусов мнений разных исследователей, самое вероятное предположение, с нашей точки зрения, состоит в том, что в данном случае речь идет об Олеге Святославиче, сыне Святослава Ольговича, князя рьльского, как считают Баумгартен и Димник, хотя это предположение и остается пока на уровне рабочей гипотезы, не будучи подтверждено летописями. Однако в любом случае мы убеждены, что Олег не может быть Олегом Игоревичем, сыном Игоря Святославича.

В свете исторических характеристик межкняжеских отношений черниговской земли мы видим еще один аргумент против варианта с Олегом Игоревичем. Сторонники данной версии говорят, что Олег Игоревич, дядя Михаила, предъявил претензии из-за Чернигова, своего законного владения. Однако, после столкновения с Олегом Михаил все-таки сумел оставить Чернигов за собой, а Олег Игоревич довольствовался Новгородом-Северским. Значит, до 1226 г. и после проявления совершенно правомерного неудовольствия в 1226 г. Олег Игоревич никак не мог сидеть в Чернигове, терпя обиду от братьев или же племянника. В подобной ситуации он вряд ли мог принять участие в походе под руководством своего племянника, пренебрегшего

им совсем недавно ⁴⁴, или породниться с одним из своих врагов, то есть Юрием Всеволодовичем, помогавшим Михаилу в распри с ним.

Если, как полагает П.В. Голубовский, Олег Игоревич, пресыщенный «пустым тщеславием», не придавая большего значения Чернигову, добровольно отказался от него, то мы наблюдаем уникальный случай в истории Черниговщины. Будучи старшим в роду, князь не мог занять гарантированное ему законом владение. Зато он вынужден был согласиться с неким «эклехтическим» предложением пропустить вперед племянника, а самому сесть в городе меньшей значимости. Вряд ли он мог согласиться с таким компромиссом в 1226 г., когда объявил войну наглому и властолюбивому племяннику ⁴⁵. Выказывание это, на наш взгляд, смотрится весьма странно с учетом того, что, по мнению целого ряда историков и исследователей, идея родового старшинства как руководящее правило Ольговичей во все время их исторического существования была обусловлена их стремлением на киевский и галицкий столы и «перманентной» войной по этой причине с Мономаховичами.

В итоге можно сделать вывод, что в ряде проанализированных событий первой трети XIII в. фигурировал один и тот же Олег курский — Олег Святославич, сын Святослава Ольговича рыльского (ум. 1186 г.), находившийся в XI поколении от Рюрика и приходившийся Михаилу младшим двоюродным братом. В 1226 г. он выступил против Михаила Всеволодовича черниговского, требуя отдачи Новгород-Северского, на который он имел полное право после смерти Мстислава Святославича на р. Калке два года назад.

Что касается самой распри 1226 г., благодаря немедленному постороннему вмешательству дело до войны не дошло, хотя напряженность была весьма велика. По всей видимости, Михаил уступил Олегу Святославичу курскому Новгород-Северский, и тот с этого момента получил новое, столь желанное звание — князь новгород-северский.

После занятия Игоревичами галицкой земли братья разделили между собой города. Но вскоре согласию между братьями, в частности старшим братом Владимиром и младшим Святославом, пришел конец. В итоге оба князя начали войну между собой ⁴⁶. Святослав в союзе с венгерским и польским правителями разбил войско Владимира, и тот бежал в свою вотчину Путивль. Причины войны летописец не называет, но братья столкнулись, вероятнее всего, из-за волостей. Фактически Владимир первым был приглашен галичанами, и после него владения получили остальные братья. Святослав начал войну против Владимира, причем находясь в «чужой» земле. В отличие от распри между Михаилом и Олегом в 1226 г., в этот раз между братьями происходила настоящая война.

Таким образом, на фоне напряженных событий мы попытались отследить судьбу одного князя — Олега Святославича курского ⁴⁷.

Примечания

1. Из многочисленных работ отметим: ЧУГАЕВА И. Черниговское летописание в Киевском летописном своде: обзор историографии. Інститут історії України. Т. X. Київ. 2011, с. 158—165.

2. ГОЛУБОВСКИЙ П.В. История северской земли до половины XIV столетия. Киев. 1881, с. 97—99; ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Історія України — Руси. Т. II (XI—XIII вік). Виданне друге, розширене. Львів. 1905. с. 326; ПРЕСНЯКОВ А.Е. Княжеское право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М. 1993, с. 107, прим. 263; МАВРОДИН В.В. Очерки истории левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV века. СПб. 2002 (первое издание — 1940 г.), с. 353; ЗАЙЦЕВ А.В. Черниговское княжество. В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М. 1975, с. 114.
3. BAUMGARTEN N. de. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle (Orientalia Christiana)*, vol. 9, no. 35. Rome. 1927, p. 19; DIMNIK M. *Russian Princes and their Identities in the First Half of the Thirteenth Century*. — *Mediaeval Studies*, vol. 40 (1978), p. 164—165.
4. БАГАЛЕЙ Д.И. История северской земли до половины XIV столетия. Киев. 1882, с. 263; ЗОТОВ Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб. 1892, с. 100—101; ЭКЗЕМПЛЯСКИЙ А.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб. 1892, с. 253.
5. Полное Собрание Русских Летописей (ПСРЛ). Густынская летопись. Т. 40. М. 2003, с. 110.
6. Там же. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М. 2001, с. 421.
7. Там же, с. 421; ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV в. Т. 25. М. 2005, с. 101 под 1204 г.; т. 40, с. 109 под 1204 г.
8. ПСРЛ. Рогожский летописец. Тверской сборник. М. 2000, с. 300—301; Там же. Львовская летопись. Т. 20. М. 2005, с. 144; Там же, т. 25, с. 104.
9. ПСРЛ. Симеоновская летопись. Т. 18. М. 1913, с. 39; Там же. Владимирский летописец Новгородская II (Архивская летопись). Т. 30. М. 1965, с. 80.
10. DIMNIK M. *The Dynasty of Chernigov 1146—1246*. Cambridge. 2003, p. 249.
11. РАПОВ О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. 1977, с. 120. Кстати, Р.В. Зотов не зафиксировал смерть Олега Игоревича в генеалогической таблице черниговских князей в своей книге. М. Димник считает ошибкой известие о смерти Олега Игоревича в Густынской летописи под 1205 г. См.: DIMNIK M. *Russian Princes and their Identities in the First Half of the Thirteenth Century*, vol. 40 (1978), p. 160, прим. 8. Ссылаясь на другие летописи, он полагает, что сообщение о смерти Олега Игоревича в указанной летописи ошибочно излагает сведения о смерти Олега Святославича, сына Святослава Всеволодовича (ум. 1194 г.), умершего черниговским князем в 1204 г. со своим сыном, неизвестным по имени в летописях, в походе на Литву. См.: ПСРЛ, т. 10, с. 37 под 6712 (1204) г.; т. 15, с. 300—301; т. 20, с. 144; т. 23. М. 1910, с. 60, под 6712 г.; т. 25, с. 104 под 6712 г.
12. ПСРЛ, т. 1, с. 427; т. 2, с. 718.
13. Там же, т. 2, с. 723.
14. DIMNIK M. *Russian Princes and their Identities...*, vol. 40 (1978), p. 159—160. Отсутствие его имени среди Игоревичей и полное умолчание в источниках об Олеге Игоревиче, кроме известия о его рождении в 1175 г. в Ипатьевской летописи, приводят Димника к выводу, что вскоре после рождения Олег Игоревич, вероятно, умер. Курский Олег сделался новгород-северским князем, по всей видимости, в результате выступлений против Михаила в том же году.
15. Следует отметить, что источники не упоминают имени владельцев Новгород-Северского в течение 30 лет с момента переезда Игоря Святославича в Чернигов в 1198 г. и до 1228 г., когда сообщается о бракосочетании дочери Олега новгород-северского у В.Н. Татищева. Предполагается, что этот Олег новгород-северский является Олегом курским, боровшимся с татарами на р. Калке в 1223 г. и поднявшимся против Михаила Всеволодовича в 1226 году. Мы не можем подтвердить или опровергнуть это известие, поскольку ни одна летопись не утверждает этого.
16. Зотов не фиксирует сообщение о смерти Олега Игоревича в Густынской летописи под 1205 г., но сообщает, что Олег Игоревич был упомянут в летописи под 1183 г., правда, без ссылки на источник. Мы не нашли соответствующего известия в летописях, но вряд ли эта запись имела бы какое-нибудь серьезное значение, так как в том году Олегу было лишь 8 лет.

17. Эту точку зрения разделяют исследователи, считающие Олега Игоревича в 1226 г. Олегом курским. Они полагают, в основном, что после калкской битвы он, пользуясь смутным временем, занял Чернигов. Со смертью Мстислава Святославича все члены старшей ветви X колена сошли со сцены истории, а оставшийся старшим в роду Олег Игоревич курский, наконец, «отнял» Чернигов у Михаила Всеволодовича, уехавшего в Новгород по поручению своего шурина Юрия Всеволодовича владими́ро-суздальского.
18. Отец его, Святослав-Адриан Игоревич, родился в 1177 году. См.: ПСРЛ, т. 2, с. 604.
19. Там же, с. 744.
20. Там же, с. 600.
21. ЗОТОВ Р.В. О черниговских князьях... СПб. 1892, с. 100.
22. ПСРЛ, т. 2, с. 744.
23. РАПОВ О.В. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. 1977, с. 125.
24. По этому вопросу сторонники атрибуции Олега Игоревича комментариев не дают.
25. BAUMGARTEN N. de. *Op. cit.*, vol. 9, no. 35, p. 19, table 4:59.
26. DIMNIK M. *Op. cit.*, p. 158—165.
27. ПСРЛ, т. 2, с. 741—742.
28. Олег Святославич (ум. 1180 г.; IX колена) получил Курск в держание от отца в 1161 году. ПСРЛ, т. 2, с. 513.
29. Лаврентьевская летопись сообщает о гибели Мстислава Святославича рыльского от рук татар в 1241 году. См.: ПСРЛ, т. 1, с. 470. «Родословная» черниговских князей, составленная Филаретом XIX в., характерна, по словам Р.В. Зотова, тем, что там «выводится происхождение курских и рыльских князей», Мстислав Святославич, убитый татарами в 1241 г., назван младшим братом Олега. См.: ЗОТОВ Р.В. Ук. соч., с. 247.
30. Не сомневаясь в том, что анализируемый Олег курский является Олегом Игоревичем в X колена, А.К. Зайцев утверждает, что Курск превышал по значимости даже Новгород-Северский и постепенно обособлялся от него. См. ЗАЙЦЕВ А.В. Черниговское княжество. В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М. 1975, с. 114.
31. DIMNIK M. *Russian Princes and their Identities...*, vol. 40, p. 162—163.
32. ПСРЛ, т. 2, с. 741.
33. Там же, т. 10, с. 94; т. 15, с. 347; т. 23, с. 72; т. 25, с. 122.
34. ЗОТОВ Р.В. Ук. соч., с. 247.
35. ТАТИЩЕВ В.Н. История российской в семи томах. Т. IV. 1964, с. 366 под 6735 г.
36. Там же. Т. III. 1964, с. 221 под 6735 г.
37. ПСРЛ, т. 2, с. 753, вариант 16.
38. DIMNIK M. *Russian Princes and their Identities...*, vol. 40, p. 164.
39. Михаил Всеволодович, по всей видимости, сам управлял Новгород-Северским после смерти черниговского князя Глеба Святославича. Когда его младший брат Мстислав Святославич занял Чернигов, он передал Новгород-Северский Михаилу, своему племяннику. Это случилось в 1215—1219 гг., так как, предположительно, в указанном промежутке времени умер Глеб Святославич. Димник полагает, что, когда смерть Мстислава Святославича открыла Михаилу путь из Новгорода-Северского в Чернигов, он попытался посадить в освобождающемся городе своего сына Ростислава. Это вызвало недовольство и протесты со стороны Олега в 1226 году. См.: DIMNIK M. *The Dynasty of Chernigov...*, p. 304. На деле, мы не раз видим подобные попытки у Михаила. Например, он был вторично приглашен в Новгород Великий своим шурином Юрием владимирским в 1229 г., чтобы разрядить мятежную ситуацию в городе, вызванную политикой Ярослава Всеволодовича. После того, как он успешно успокоил возмущившихся крестьян, Михаил поторопился вернуться в Чернигов, оставив там своего сына Ростислава посадником с явным намерением сделать его новгородским князем. ПСРЛ, т. 3, с. 274—275.
40. Лаврентьевская летопись сообщает, что 12 февраля 1228 г. Михаил выдал свою дочь за племянника Юрия — Василька Константиновича (ПСРЛ, т. 1, с. 450). Согласно другим летописям, эта свадьба предшествовала сватовству Олега с Юрием (ПСРЛ, т. 10, с. 94; т. 15, с. 347; т. 23, с. 72; т. 25, с. 122). «Того же лета князь велики Юрьи Всеволодичь жени братанича своего князя Василка Константиновичя Ро-

- стовскаго у шурина у своего у князя Михаила Всеволодича Черниговскаго. Того же лета женися Всеволодь Константиновичь, братаничь великаго князя Юрья Всеволодича, поять Ольгову дщерь Святославича» (ПСРЛ, т. 10, с. 94). «Тоя же зыми женися Василко Ростовский Константиновичь у князя Михаила у Черниговскаго ... Того же лета женися Всеволодь Константиновичь въ Переяслави Рускомъ, поять Ольгову дщерь Святославича». ПСРЛ, т. 15, с. 347.
41. DIMNIK M. *Russian Princes and their Identities...*, p. 164—165.
 42. Его отец, Святослав Ольгович, родился в 1167 г., во время войны его деда Олега со Святославом Всеволодовичем за выморочную волость Давыдовичей. ПСРЛ, т. 2, с. 526.
 43. ПСРЛ, т. 2, с. 422.
 44. Если Михаил силой принудил Олега стать членом похода, зачем тогда ему нужно было звать на помощь Юрия и киевского князя Владимира два года назад?
 45. Все это происходило в Черниговской земле, история которой показывала «полнейшее единодушие всех князей Северской земли и даже особенно дружеские между ними отношения», по характеристике П.В. Голубовского, именно «после 1176 года». См.: ГОЛУБОВСКИЙ П.В. Ук. соч., с. 500.
 46. ПСРЛ, т. 2, с. 719—720.
 47. Завершая исследование, позволим себе привести очень любопытное слово, которое читается под 1226 г. у В.Н. Татищева. Слово было произнесено киевским митрополитом, посланным Владимиром Рюриковичем. Очень характерно, что в нем звучит упрек в адрес Михаила и даже Юрия, что, на наш взгляд, лишний раз подтверждает неправоту Михаила в деле Новгорода-Северского. Как пишет П.В. - Голубовский про Михаила, «князь вполне походивший на своих предшественников по энергии и ловкости, качествам, которые были необходимы в данный период», такой князь Михаил, как нам кажется, ради «несвоего» города не пожертвовал бы более ошутимой поддержкой младшей ветви в деле конкуренции с другими княжествами. Поэтому-то он немедленно хотел уладить ситуацию. В.Н. Татищев пишет: «Князь великий Юрий Всеволодович со сыновцы своими Всеволодом и Васильком ходи в помощь шурина своему князю Михаилу черниговскому на князя Ольга Курского. О сем уведав князь великий Владимир Юриевич (а не Рюрикович? — Ч.Ч.) киевский, посла к ним Кирилла митрополита. Митрополит же пришед, рек: “Княже, веси добре, яко отцы и деды ваши распасли и размножили землю Рускую любовию межи себе и страшни быша на вся противныя, и егда сонявшеся воеваху, никто противу има стати можаше. А егда сами на ся, брат на брата ратоваху, ото ж языцы пришед, ово ляхи и угре, ово половцы и болгаре, землю Рускую разоряху и повсюду умаляху, зане един не дуж никий оборониться. Се же час не по тому, видиши бо, какову беду отселе татара нанесоша, а ономо литва и немцы край руския губят, а ты внутрь, ач ти годе братию охраняти и обороняти, сам неряд всчинаеши, не помняще словесе книжна, аще царство на ся разделится, не может стояти. И вы дотоле будете друг на друга, которующеся о волост, ратовати, аж, пришед, языцы иноплеменнии всеми обладают и себе поработят. А иж в любви и мире поживете и сонявшеся купно о добре земнем постараетеся, никто ж дуж вамо зло кое учинити. Ныне же князь курский многи люди на рати с татары изгуби, а Михаил не по делу на нь котору всчиняет и тебе поводит. Яз прошу тя и молю, остави вражду и поживи в мире”. И много рекий от писания и едва умоли их не пролияти крове, и введе я в любовь. Они же умиришася». См.: ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. IV, с. 365. Это слово, уцелевшее у Татищева, очень сильно напоминает весьма напряженное политическое положение начала XIII века. Во второй редакции виден результат всесторонних усилий по примирению: «Олег уступил Михаилу Чернигов, взяв другие города, как при отце его было». См.: Там же, т. III, с. 220.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ББК 63.3(2)523/УДК 94(47)083

Неизвестный летописец русской гвардии В.С. Савонько

К.Б. Назаренко, М.А. Смирнова

Аннотация. Владимир Степанович Савонько (1877—1937) до недавнего времени был известен, прежде всего, как выдающийся коллекционер экслибрисов в 20—30-е гг. XX века. Он был гвардейским офицером, командиром Красной армии, военным историографом и публицистом. В 2012 г. Отделом рукописей РНБ были приобретены его дневники за 1899—1909 гг. объемом свыше 1250 машинописных страниц. Этот дневник — едва ли не единственный пример дневника русского офицера первых 15 лет XX в., созданный в мирное время. В данной работе рассматривается биография Савонько: служба в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде, учеба в Археологическом институте, участие в первой мировой войне, служба в Красной армии, коллекционерская деятельность. Подробно анализируется дневник Савонько как уникальный исторический источник.

Ключевые слова: В.С. Савонько, дневник, русская гвардия, лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада, Археологический институт, Первая российская революция.

Abstract. Vladimir Stepanovich Savonko (1877—1937) until recently was known primarily as an outstanding collector of bookplates in the 1920—1930s. He was an officer of the Guards, the commander of the Red Army, a military historian and publicist. In 2012 the Manuscript department of National Library of Russia acquired his diaries for the years 1899—1909 of more than 1,250 typed pages. This diary perhaps is the only example of a diary of Russian officer of the first 15 years of the XX century, created in peacetime. The work discusses the biography of Savonko: service in the life-guards 1st Artillery Brigade, study at the Archaeological Institute, participation in the World War I, service in the Red Army, collectioners activities. Savonko's diary is analyzed as a unique historical source.

Key words: V.S. Savonko, diary, Russian Guard, Life-Guards 1st Artillery Brigade, Archaeological Institute, the First Russian Revolution.

Владимир Степанович Савонько (1877—1937) до недавнего времени был известен прежде всего как выдающийся коллекционер экслибри-

Назаренко Кирилл Борисович — доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ. E-mail: k.nazarenko@spbu.ru; *Смирнова Мария Александровна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург. E-mail: smirnmar@gmail.com.

Nazarenko Kirill B. — doctor of historical sciences, professor at the St. Petersburg State University. E-mail: k.nazarenko@spbu.ru; *Smirnova Maria A.* — PhD in History, researcher of the Manuscript department, National Library of Russia. St. Petersburg. E-mail: smirnmar@gmail.com.

сов в 20—30-е гг. XX века. Он был гвардейским офицером, командиром Красной армии, военным историографом и публицистом. Его биография настолько плохо изучена, что в литературе можно было встретить несколько вариантов даты его смерти: 1936, 1937, 1939 годы.

После приобретения Отделом рукописей РНБ в 2012 г. у частного лица дневников Савонько, появилась возможность ввести их в научный оборот. До этого времени о существовании его дневников не было известно. Автор озаглавил их «Черная книга». В них описаны события за 1899—1909 годы¹. Следует подчеркнуть, что дневники Савонько — едва ли не единственный пример дневника русского офицера первых 15 лет XX в., созданного в мирное время.

Рукопись представляет собой авторизованную машинопись. В ОР РНБ поступили три таких книги — за 1899—1903, 1904—1906 и 1907—1909 гг. объемом более 1250 страниц. «Книги», по словам автора, представляют собой «точную копию всего того, что занесено на страницы моих записных книжек»². Дневники напечатаны на пишущей машинке американского производства «Munson», которые выпускались в Чикаго в 1890—1898 годах. Савонько специально приобрел пишущую машинку для перепечатывания чистовиков дневника. Ее особенностью было отсутствие рычагов с литерами, вместо которых использовался барабан с выпуклыми литерами, к которым прижималась бумага. Такой барабан мог быть легко заменен, таким образом машинка могла использоваться для любого шрифта и отличалась портативностью³.

Обладая литературным талантом и будучи наблюдательным и аккуратным человеком, Савонько на протяжении многих лет вел записи. В автобиографии 1919 г. он отметил: «С 1 января 1899 г. по сей день (12 января 1919 г.) веду изо дня подробнейший дневник. Особенно подробно и обстоятельно вел дневник во все время войны (первой мировой. — *К.Н., М.С.*). Кроме того, подробные дневники (записки) моих заграничных путешествий, юбилейных торжеств, приемов, парадов, обходов и т.п. До 1919 г. все дневники перепечатаны на пишущей машине и проредактированы»⁴. Неизвестно, сохранились ли рукописные записные книжки Савонько, как и машинописные тома дневников за 1910—1918 гг., поэтому машинописные «Черные книги» имеют самостоятельное значение и, за отсутствием оригиналов записных книжек, должны быть признаны основным текстом⁵.

По собственному заявлению мемуариста, записи дневника не предполагались для публикации: «буду писать то, что вижу, что слышу, что есть на самом деле, без прикрас, так как у меня один только свидетель и слушатель — это моя совесть»⁶. Вместе с тем написание дневников Савонько было широко известно его сослуживцам. Более того, его считали неофициальным историографом лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Об оценке исторических занятий Савонько сослуживцами и начальством говорит тот факт, что в апреле 1911 г. он был откомандирован для выбора места установки на Бородинском поле памятника лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде⁷. Сам Савонько в высшей степени ответственно подходил к своей роли летописца бригады. 4 марта 1907 г. он записал: «Мне, как “летописцу”, приходится осторожно и тщательно наводить все справки. Хотелось бы не писать до окончательного выяснения вопроса, но

боюсь забыть или неверно передать жгучую новость, которая через 2—3 дня может смениться другою новостью, способной отодвинуть на второй план, или совсем затушевать первую»⁸.

Савонько достаточно глубоко понимал роль дневника как исторического источника и предварил чистовой экземпляр такой фразой: «Если бы ближайшие люди к Отрепьеву писали тогда свои записки! Вышло бы ей-богу недурно! Летописец наш, пиша свой “труд, завещанный от Бога”, вносил только “важные” события... А вот если бы он вносил и всякие “неважные” события, то в настоящее время — он (если б мог воскреснуть) увидел бы, что эти неважные “тогда” события, может быть, перевернули бы весь взгляд на “начало” русской истории, и сам Нестор ужаснулся бы — какие горизонты открылись бы нам, сопоставляя опять таки все эти неважные события»⁹. Иногда Савонько рассуждал на страницах дневника о своих задачах: «Мою же летопись вернее назвать: “Автобиография Вл. Ст. Савонько” — автобиография, составленная по очень широкой программе и отвечающая скорее историческому труду под названием: “Император такой-то и его двор”»¹⁰.

Прежде чем говорить о самих дневниках, остановимся на биографии их автора. Владимир Степанович Савонько родился 18 сентября 1877 г. в Гатчине. Выбор жизненного пути был во многом продиктован семейными традициями. Дед, Георгий (Егор) Фёдорович Савонько, происходил из Черниговской губернии, как указал сам Савонько, «из казаков»¹¹. Г.Ф. Савонько был участником всех войн России первой половины XIX в., включая Отечественную войну 1812 года. В 1824 г. он был пожалован чином прапорщика, в отставку уволен в чине поручика, благодаря этому с 1824 г. род Савонько причислен к потомственному дворянству¹². Учитывая, что производство в офицеры нижнего чина из рекрутов было в дореформенное время редким явлением, нельзя исключать, что дед Савонько был солдатским сыном и военным кантонистом.

Отец, Степан Георгиевич Савонько (1835—1905) был генерал-майором артиллерии. В 1853 г. он окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, затем — Дворянский полк, участвовал в героической обороне Севастополя в Крымскую войну и в русско-турецкой войне 1877—1878 годов¹³.

Мать Савонько — урожденная Гришина, дочь помещика Тамбовской губернии, потомственная дворянка, скончалась между 1887 и 1899 гг. — она упомянута как живая в послужном списке С.Г. Савонько 1887 г.¹⁴, но в дневниках сына, которые он начал вести с 1899 г., о ней говорится как о покойной. В них упоминается брат, похороненный вместе с матерью в фамильном склепе Александроневской лавры¹⁵.

Двоюродным братом Савонько по матери был известный деятель Белого движения А.Н. Гришин-Алмазов (1880—1919), который, как и его брат, окончил Михайловское артиллерийское училище (в 1902 г.). Впрочем, судя по дневникам Савонько, с семьей дяди по матери, в том числе с двоюродным братом, он практически не общался.

Савонько получил первоначальное домашнее образование. В дневниках он отметил, что наиболее сильное влияние на него оказал гувернер-педагог П.Д. Пальтель: «я обязан ему за то, что он вдохнул

в меня частицу своей любви к “свету знаний”, к “правде” и “труду”»¹⁶. Благодаря занятиям с гувернерами — немцами и французами — Савонько свободно владел этими языками.

В 1888—1895 гг. юноша обучался в престижном учебном заведении — 1-ом Кадетском корпусе, который закончил с 12 баллами по всем предметам — лучшим в выпуске¹⁷. Решив продолжить семейное дело и связать судьбу с артиллерией, в 1895 г. он поступил в Михайловское артиллерийское училище. Благодаря прилежности и склонности к наукам, он окончил училище в 1898 г. третьим по баллам¹⁸.

По окончании училища Владимир был принят в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду¹⁹. Это воинское подразделение имело долгую и славную историю. Бригада ведет свое начало с 1683 года. Именно она стала преемницей знаменитой Бомбардирской роты, учрежденной Петром I. Первый российский император навечно был зачислен в списки бригады. В качестве самостоятельной части (Артиллерийский батальон) она существовала с 1796 года. Бригада участвовала в наполеоновских войнах, Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе, в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., подавлении польского восстания 1830—1831 гг., русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и в первой мировой войне. За Отечественную войну бригада была награждена серебряными трубами — высшей боевой наградой для артиллерийской части, которой знамена не полагались²⁰. Эта бригада была самой привилегированной частью русской артиллерии, всю свою историю она квартировала в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте. Память об этом хранят существующие до сих пор Артиллерийская улица и Артиллерийский переулок.

Почти вся дореволюционная служба Савонько прошла в рядах этой бригады. 6 августа 1898 г. он был произведен в подпоручики и прикомандирован к гвардии, через год переведен в гвардию, что означало повышение на один ранг, поскольку гвардейские обер-офицеры имели старшинство в один чин перед армейскими. 8 декабря 1902 г. Савонько был произведен в поручики гвардии, 6 декабря 1906 г. — в штабс-капитаны, 6 декабря 1911 г. — в капитаны, в этом же чине он пребывал на начало первой мировой войны. Такое движение по службе, по меркам того времени, было быстрым и успешным.

Савонько служил в 1-й батарее, которая имела «вечным» почетным шефом великого князя Михаила Павловича — младшего брата Александра I и Николая I. Одновременно шефом батареи был Николай II, поэтому она именовалась 1-ой Его Императорского Величества батареей. Савонько занимал должность командира взвода, хозяина офицерского собрания, квартирмейстера бригады, был начальником учебной команды²¹. В начале первой мировой войны он командовал 1-ой батареей, в 1915 г. был произведен в полковники и назначен командиром лейб-гвардии 3-й парковой артиллерийской бригады. В июле-августе 1915 г. Савонько вновь командовал 1-й батареей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, а после ранения — 6-й батареей лейб-гвардии 3-ей артиллерийской бригады.

Офицер заведовал историческим музеем лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, составил «Положение о музее»²² и его инвентарную научную опись (не опубликована). Наиболее известна его брошюра «Памятка “Бомбардира” об Отечественной войне. 1812—1912»²³. После рево-

люции коллекция музея бригады почти полностью поступила в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. В декабре 2015 — феврале 2016 г. в музее состоялась тематическая выставка «Из истории полковых музеев. Лейб-гвардии 1-я Артиллерийская бригада. К 125-летию создания музея». На экспозиции были представлены в том числе документы Савонько и его фотопортрет ²⁴.

Владимир Степанович заявил о себе и как публицист (литературный псевдоним В. Черниговский), помещавший на страницах профессиональной печати («Русский инвалид», «Разведчик», «Офицерская жизнь») статьи по наиболее обсуждаемым в офицерской среде вопросам ²⁵. Среди его публикаций: «Выборы в суд общества офицеров» ²⁶, «О новом письмоводстве» ²⁷, заметка о юбилее Отечественной войны 1812 года ²⁸.

До первой мировой войны Савонько был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени, медалью Красного Креста за содействие в помощи больным и раненым воинским чинам в русско-японскую войну, румынской медалью «Serviciu credincios» ²⁹ 2-го класса, светло-бронзовой медалью в память 200-летия юбилея Полтавской победы ³⁰. В ходе войны он заслужил орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, мечи к ордену Св. Станислава 2-й степени, мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й степени, орден Св. Анны 2-й степени с мечами. Другими словами, Савонько был награжден всеми орденами, которые мог получить штаб-офицер, кроме ордена Св. Георгия 4-й степени.

В августе 1915 г. в бою у посада Скала батарея Савонько огнем поддерживала действия Преображенского и Семеновского полков против имевшего подавляющее превосходство в силах противника. К утру положение батареи сделалось угрожающим: в непростреливаемой артиллерийским огнем ложине (мертвой зоне) накопились значительные массы австрийцев. Решение Савонько было единственно правильным в той ситуации. Орудия были стремительно выведены на открытую позицию и открыли ураганный огонь. Две роты австрийцев были практически уничтожены, жалкие остатки сдались в плен преображенцам. Этот боевой эпизод много говорит в пользу командира батареи. Только пользующийся беспрекословным авторитетом офицер мог вывести орудия с расчетами на гребень холма, несмотря на явную опасность убийственного ружейного огня ³¹.

В 1919 г. Савонько служил в РККА, состоял при штабе Южного фронта. В годы Гражданской войны не угасла публицистическая деятельность Савонько. С 9 октября 1918 г. по 29 декабря 1918 г. он вел военно-научную критику в газете «Вооруженный народ», поместив там свыше 40 статей ³². Его работы по военному делу и строительству вооруженных сил Советской республики были опубликованы в журналах «Аудитория военного дела», «Вестник милиционной армии», «Звезда» и др., газетах «Правда», «Пролетарская мысль» ³³. Был ответственным редактором журнала «Военно-революционная мысль» (вышло два номера). В основном, Савонько публиковал рецензии на книги для солдат, заметки по проблемам народного образования ³⁴, по артиллерийскому делу. В частности, в статье «Действительность артиллерийской стрельбы по площадям» обобщен опыт первой мировой войны ³⁵.

После окончания Гражданской войны он был демобилизован, но затем в 1925—1930 гг. вновь служил в РККА начальником Хозяйственной части Клинического военного госпиталя Военно-медицинской академии в Ленинграде ³⁶.

Еще одной стороной многогранной личности Владимира Степановича Савонько стало его увлечение экслибрисом. Пожалуй, сейчас его имя известно прежде всего в среде экслибрисистов. В 1915 г. он приобрел значительные коллекции И. Антошевского и В. Адарюкова, на тот момент его собрание было вторым по объему в Петрограде ³⁷. После его смерти коллекция экслибрисов в количестве 9994 знаков поступила в Отдел эстампов Государственной публичной библиотеки ³⁸. Он по праву считался экспертом в области художественного книжного знака, регулярно выступал в печати с библиографическими обзорами ³⁹. Всего Савонько опубликовал свыше 60 работ по истории экслибриса в журналах «Среди коллекционеров», «Казанский музейный вестник», «Книга и революция», «Новая книга». Являлся составителем всех 12 выпусков «Трудов Ленинградского общества экслибрисистов» ⁴⁰, где вел постоянную рубрику «Новые книжные знаки», составил предисловие к обзору выставки книжных знаков ⁴¹, до сих пор не утратил актуальности «Словарь подписей русских художников-экслибрисистов», выпущенный Савонько в 1929 году ⁴².

Савонько являлся одним из учредителей общества «Друзей книги». С 1920-х гг. принимал активное участие в работе Ленинградского общества экслибрисистов (ЛОЭ) — был его бессменным председателем в 1922—1929 гг., а после 1929 г., когда ЛОЭ влилось в Ленинградское общество библиофилов (ЛОБ), он продолжил работу в секции экслибриса. Также был почетным членом Московского общества любителей книжных знаков ⁴³.

Известно, что Савонько был женат ⁴⁴. По непроверенным данным, единственный его сын — Сергей Владимирович родился в 1917 г., участвовал в Великой Отечественной войне и в 1985 г. был еще жив.

Последние годы жизни Савонько тяжело болел и умер 31 июля 1937 года. В память о нем было проведено траурное заседание секции библиофилов и экслибрисистов Ленинградского общества коллекционеров 26 октября 1937 г., на котором выступали с докладами и воспоминаниями о своем коллеге такие известные книговеды, как М.Н. Куфаев, В.К. Лукомский и В.А. Бриллиант. В обществе была организована выставка памяти Савонько ⁴⁵.

Судьба Владимира Степановича сложилась благополучнее, чем у многих его ровесников. Далеко не всем выпадала удача служить в гвардии, сохранить жизнь в боях первой мировой войны и в бурных перипетиях войны Гражданской, а после найти свое место в Советской России и избежать репрессий. Действительно уникальной фигурой Савонько делает его дневник.

Хотя Савонько был, в первую очередь, офицером, его больше привлекала преподавательская и просветительская деятельность, чем строевая служба. 5 декабря 1899 г. в дневнике появляется запись: «В бригадной учебной команде я рассказывал нижним чинам о “введении христианства на Руси” (начало истории русского государства), причем было показано 35 туманных картин». 10 декабря того же года:

«Рассказывал (я) в учебной команде об “Александре Невском” с 19 туманными картинками. Эти лекции я связываю между собою, дабы получить непрерывную историю России “вкратце”». 23 февраля 1900 г. «Читал в учебной команде о “книгопечатании на Руси” с 27 туманными картинками»⁴⁶.

Савонько стремился пополнить свои знания в области истории. В 1904—1906 гг. — учился в Археологическом институте, а между 1910 и 1914 гг. — в Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения, по персидскому отделению⁴⁷.

Археологический институт был основан в 1877 г., в него принимались лица, уже имевшие высшее образование, срок обучения составлял два года, обучение было бесплатным. Слушателями в институте были, преимущественно, любители исторической науки, уже нашедшие свое место в жизни. Среди них было немало офицеров. Савонько учился в институте у известнейших российских ученых: академика Н.В. Покровского, Н.П. Лихачёва, С.Ф. Платонова, И.А. Шляпкина, Н.И. Веселовского, С.М. Середонина, В.В. Майкова. Все эти знаковые для отечественной науки фигуры получили от автора дневников весьма нетривиальные характеристики⁴⁸. Не умаляя научных заслуг профессоров, Савонько жестоко критикует их как лекторов. Например, известный историк и археолог Веселовский «не “понравился” он тем, что читает лекции свои в высшей степени “сонно”. Я не нахожу другого слова для характеристики его чтения. Сонно, или, если хотите, “снотворно”... самая манера его говорить — вялым, тихим голосом умирающего, с громадными паузами между словами, эта манера, повторяю, не может нравиться аудитории... для $\frac{9}{10}$ слушателей его лекция — пропащее время»⁴⁹. «Симпатичный» профессор Середонин «не только не обладает даром слова, но он почти косноязычен: он заикается и не выговаривает “р”. Начиная фразу, он никогда ее не заканчивает и неожиданно перескакивает на новую фразу, вставляя вводные замечания, к[о]торые зачастую разрастаются в самостоятельные и длинные периоды»⁵⁰.

Директор института, ректор Петербургской Духовной академии Покровский и вовсе «прежде всего тайный советник, чиновник министерства — и чиновник в самом худшем смысле этого слова... Как директору института равнешенько наплевать (извините за выражение!), кто и как у нас читает лекции, не манкируют ли профессора своими обязанностями, есть ли у нас все необходимые пособия, усваивают ли слушатели читаемый им курс, не “хромает” ли самая программа и постановка всего дела. Я не говорю уже о такой отдаленной и возвышенной цели, приносит ли Институт вообще ту пользу для науки, какую он должен приносить, как рассадник знаний по Археологии и Архивоведению»⁵¹.

Зато Платонов, по мнению Савонько, как лектор был «бесподобен. Его речь дышит необыкновенною ясностью мысли и изложения. Вы без труда следите за развертываемой перед вами картиной. Его доводы “убедительны”. Его “примеры” чрезвычайно ярки и рельефны. Он с необыкновенным мастерством выдвигает на первый план все самое существенное и главное, и впечатление от каждой его лекции, не говоря уже про весь курс, получается полное и вполне законченное»⁵².

Наконец, привыкшего к военной дисциплине Савонько угнетало отсутствие оной в институте: «сам директор Покровский обязательно опаздывает на полчаса, следовательно число его часов фактически следует разделить на два. Профессор Середонин вовсе не приходил все второе полугодие 1904 года. Профессор Майков уезжал за границу. Профессор Коринский начал читать лишь в конце академического года, Профессор Лихачев то же и т.д. Но ведь это не все. Это только безусловное манкирование по совершенно необъяснимым обстоятельствам. Но нужно принять во внимание, что каждый из профессоров пропустил по крайней мере пяток лекций под благовидным предлогом (по болезни, по необходимости быть на важном заседании и пр.). И, наконец, нужно принять во внимание уже сказанное мной безобразие, выражающееся в том, что Покровский отменяет лекции, пользуясь всяким удобным и неудобным случаем, т. е. празднуя все официальные, неофициальные и церковные праздники, назначая панихиды, молебны и заседания (ведь это же черт знает что такое!!!) в часы лекций и растягивая рождественские каникулы до безобразных размеров. Если к перечисленному прибавить совершенно произвольное начало академического года (непреренно с опаздыванием) и произвольное окончание академического года (непреренно страшно раннее), то вы получите поистине возмутительную картину чиновничьего произвола в таком святом деле, как “учебное дело”, получите ясное представление о возмутительных порядках, которые и низводят самый факт — “наличие прекрасных профессоров” — почти до нуля»⁵³.

Отдельная страница в биографии Савонько — его участие в работе многих обществ: он был действительным членом Общества ревнителей военных знаний, стоял у истоков Императорского русского военно-исторического общества. Текст дневника раскрывает неизвестные аспекты первых месяцев существования общества, сообщает о сложных обстоятельствах его появления, о вариантах его названия и о борьбе между А.З. Мышлаевским и М.К. Соколовским за руководство⁵⁴.

Идея создания и первые шаги к воплощению Общества военной старины принадлежали, по воспоминаниям Савонько, военному историку Соколовскому. Автор дневников записал 20 февраля 1907 г., что получил приглашение от Соколовского на первое заседание организуемого им Военно-исторического общества⁵⁵.

В записи от 24 февраля Савонько описал первое заседание общества, отметив, что председателем и «главным оратором» выступил генерал Мышлаевский, который назначил следующее заседание на 10 марта⁵⁶. Историк В.А. Дьяков отметил, что заседание 10 марта 1907 г. является малоизвестной страницей в истории общества и не упоминается в мемуарах его членов, в том числе и Г.С. Габаева⁵⁷. Тем ценнее сведения из дневников Савонько, который эмоционально описал все сложности, связанные с организацией нового общества. Разногласия между Соколовским и Мышлаевским «оказались роковыми для “единения” и “дружной работы” господ “учредителей”» и привели к расколу среди членов будущего общества. На страницах «Русского инвалида» и Соколовский, и Мышлаевский отстаивали свое право быть инициатором и учредителем общества, но последний быстро переманил к себе большинство участников первого заседания⁵⁸. Хотя Савонько был преданным сторонником Соколовского, с

началом постоянной деятельности общества он принимал активное участие в его работе ⁵⁹.

Повседневная жизнь гвардии играет всеми красками на страницах дневников Савонько. В апреле 1903 г. он записал: «Бригада наша выступила в лагерь... Хотя я и исполняю должность дивизионного адъютанта, но Герцог (М.Г. Мекленбург-Стрелицкий, командир бригады. — *К.Н., М.С.*) освободил меня от обязанности идти в строю, так как мне нужно было распорядиться устройством завтрака в Лигово. С этой целью я поехал в Лигово на поезде в 10 часов утра (после молебна, на котором я присутствовал) и приехал в Лигово в 10 часов 20 минут. Там в 7 минутах ходьбы от станции есть дача, где наша бригада уже несколько лет подряд останавливается для привала. Наш повар Александр и фургон нашей бригады с провизией и посудой был уже там. Столы на 30 кувертов были накрыты в садике дачи. На солнышке припекало, но по временам дул леденящий ветер и в общем было холодно. Около 12 часов дня к привалу подошли все 3 дивизиона (в том числе и стрелковый), и офицерам был предложен завтрак из 3-х горячих блюд с обильной закуской и винами» ⁶⁰.

Савонько чувствовал себя в придворной среде вполне свободно, не только потому, что был офицером гвардии, но также и потому, что учился в Михайловском артиллерийском училище вместе с великим князем Андреем Владимировичем. В дневнике во множестве встречаются описания великосветской жизни. «В 4 1/2 часа дня офицеры гвардии (старшие в каждом чине: в том числе и я, как старший в бригаде подпоручик) собрались во дворце Великого Князя Владимира Александровича для поздравления новобрачных: Великую Княгиню Елену Владимировну и Королевича Николая Греческого ⁶¹. В 5 часов пришла наша очередь. Мы сперва целовали руку Елены Владимировны (она была в русском открытом платье) и затем жали руку королевичу, который был в русской форме (Невского полка) и в перчатках (достаточно грязных) на обе руки. Елена Владимировна выглядела утомленной, хотя от этого не менее интересной. Она слегка пожимала руку» ⁶².

Участие в придворных церемониях не мешало Савонько фиксировать злые и зачастую неприличные анекдоты о высокопоставленных особах. Например: «28 ноября (1904 г. — *К.Н., М.С.*) — воскресенье. Анекдот, приписываемый, по обыкновению, Драгомирову ⁶³. “Почему Кирилл Владимирович (Великий Князь) не потонул при гибели “Петропавловска”?” 1) Первая версия: “Потому, что г... плавает”. 2) Вторая версия: “Где ему потонуть! Он с ранних лет проводит время в Аквариуме. Привык!!” (“Аквариум” — Петербургский кафе-концерт)» ⁶⁴. Или другой анекдот: «12 мая (1905 г. — *К.Н., М.С.*) четверг. — Какая разница между Владимиром (Великим Князем Владимиром Александровичем) и Ноем? У Ноя был один Хама, а у Владимира 2 Хама (Великие Князья Кирилл и Борис Владимировичи). (Слышал от А.А. Фриде)» ⁶⁵.

В дневниковых записях Савонько отразились и конфликтные ситуации в среде гвардейских офицеров столицы. Так, подробно описана скандальная история, связанная с возвращением в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду после окончания Михайловской артиллерийской академии известного в будущем артиллериста-изобретате-

ля Л.Н. Гобято и двух его товарищей. При этом они получили значительное служебное преимущество в виде досрочного производства в следующий чин. Это обстоятельство вызвало раскол среди офицеров бригады, большинство которых осудило «академиков» за «нетоварищеский поступок». По их мнению, «академикам» следовало перейти в другую часть. Дело дошло до вызовов на дуэль, обструкций во время товарищеских обедов, бойкота, отказа подавать руку и проч. Руководство гвардии и военный министр восприняли это как попытку затравить носителей военной науки. Характерно, что Савонько был одним из горячих противников «академиков». Много страниц его дневника посвящено обвинениям военного командования в подрыве традиций и сплоченности офицерства путем покровительства «дрейфусам», как именует их автор дневников (понимая этот термин в негативном смысле). Как справедливо отмечает А.И. Алексеев, в данном случае одной из причин негативного отношения к Гобято со стороны офицеров могло быть его новаторство в вопросах практики артиллерийских стрельб в сочетании с выдающимися лидерскими качествами⁶⁶. Таким образом, большинство офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады действительно показали себя достаточно негативно настроенными по отношению к высшему военному образованию.

Анализируя позицию мемуариста в этой конфликтной ситуации, нельзя считать его ограниченным человеком. Савонько был представителем сформировавшейся в конце XIX — начале XX в. группы офицеров, характерной прежде всего для гвардии. Наиболее ярким представителем этой группы был военный историк Г.С. Габаев. Эти офицеры глубоко интересовались проблемами военной истории вообще и историей своих частей в частности, они стремились к созданию особой атмосферы в вооруженных силах, проникнутой глубоким знанием истории своей части, внимательнейшим отношением к традициям, стремлением поддерживать, укреплять и развивать их. Поэтому выступление Савонько против «академиков» было продиктовано сложным комплексом причин. Видимо, важнейшей из них было убеждение в том, что Гобято и его товарищи нарушили неписанные традиции.

Этим же объясняется скрупулезная фиксация Савонько мельчайших подробностей военных церемоний и деталей военного этикета. Например, 8 февраля 1905 г. он отметил: «В сегодняшнем Инвалиде в официальном некрологе В[еликого] Князя Сергея Александровича, в числе войск, где покойный Вел[икий] Кн[язь] числился, КОНЕЧНО, была пропущена наша бригада, хотя в 1 Е[го] В[еличества] батарее нашей бригады он числился с рождения, т. е. с 29 апреля 1857 года. По моей инициативе редактору газеты “Русский Инвалид” послана бумага с уведомлением об этой оплошности редакции»⁶⁷.

Принадлежность к этому течению в офицерской среде прекрасно объясняет и факт обучения Савонько в Археологическом институте, и ведение им дневника, который фактически стал летописью бригады, и участие его в военно-исторических обществах, и критику им военного начальства, которое, как ему казалось, недостаточно внимания уделяло поддержанию традиций, и общественную позицию Савонько, который воспринимал себя как знатока, носителя и хранителя этих традиций.

Внутриполитические события крайне мало волновали автора дневника. Он описывает перипетии Кровавого воскресенья лишь потому,

что случайно оказался непосредственным свидетелем их кульминации. В тот день он был свободен от службы — артиллеристов вообще не привлекали к патрулированию улиц и борьбе с демонстрантами. Он подчеркивает агрессивное поведение «толпы», оскорбления войск со стороны студентов и рабочих, нападения на проходящих офицеров, а атаки на толпу кавалерии с обнаженными палашами и «хорошо выдержанный залп» пехоты описываются с полным хладнокровием. Характерно и то, что слово «человекоубийство» применительно к расстрелу демонстрантов, взято у Савонько в кавычки: «угол Александровского сада после кровавого урока уже не был занят толпой и Преображенцы, совершив “человекоубийство”, смеясь, прыгали на одной ноге и тузили друг друга, согреваясь этим домашним средством»⁶⁸. Позицию автора вполне проясняет фраза дневника о студенте, сидевшем «на дереве Александровского сада и кричавшем оттуда ругательства и, конечно, первый удравший при угрозе стрелять, оставив в первых рядах экзальтированных простаков-рабочих, думающих, что они идут за “правое” дело и не ведая, что за их спинами прикрываются “поддонки” общества, для которых не существуют ни честь, ни правда, ни родина»⁶⁹.

Как подавляющее большинство офицеров, Савонько был бессознательным монархистом, просто не задумываясь о политических, а тем более о социальных альтернативах привычному порядку вещей. В день издания Манифеста 17 октября 1905 г. он записал лишь одну фразу: «По случаю “крушения поезда”⁷⁰ (но отнюдь не по случаю “крушения самодержавия”) служили молебен в большом манеже. Я был»⁷¹. Выбор им службы в Красной армии во время Гражданской войны, при всей кажущейся парадоксальности, был достаточно типичным для кадрового офицера, приверженца идеи «сильной власти» в любом обличье.

Савонько был типичным выразителем тяги русского офицерства к гуманитарному знанию. Вообще образ идеального офицера в русской армии второй половины XIX — первой половины XX в. был связан с представлением об интеллигентности, то есть о широком кругозоре, гуманитарной образованности (прежде всего, по классической военной истории). При всей привлекательности этого образа, нельзя забывать, что гуманитарная образованность не равна глубоким специальным знаниям по военному делу и что широта кругозора могла идти в ущерб военно-профессиональной компетентности. На наш взгляд, такое положение было следствием недостатков культурного и экономического развития России, в которой офицерский корпус и в начале XX в. продолжал оставаться источником пополнения гражданского управленческого аппарата, научно-технических учреждений, сферы культуры. В своем дневнике Савонько не выказывал особого интереса к техническим или тактическим аспектам военной подготовки, фиксируя рутинное течение военной службы, тогда как проблемы изучения истории волновали его достаточно сильно, что нашло отражение в дневнике.

Дневник Савонько — бесценный источник по истории повседневной жизни гвардейского Петербурга. В нем отразились особенности мировоззрения гвардейских офицеров в последние годы существования царской России. Савонько сумел описать уклад службы и

быта «старой гвардии», которая являлась самой элитарной частью императорских вооруженных сил. На страницах дневника зафиксированы личные впечатления от учебных стрельб, высочайших смотров, огромное количество мелочей, составлявших повседневную жизнь гвардейской артиллерии. Дневник содержит и материалы для исследователей своеобразного офицерского фольклора, характерного для войск столичного гарнизона.

Савонько одновременно являлся и типичным и нетипичным представителем гвардейского офицерства. Он был типичен в своей погруженности в гвардейскую жизнь, которая не вызывала у него отторжения и не отторгала его самого. Служил Савонько «как все».

Вместе с тем, он явно выделялся из гвардейской среды более высоким уровнем исторического образования и интереса к истории. Он сам себя сделал одним из активных хранителей традиций гвардии. Пожалуй, символом его деятельности на этой почве была его статья в журнале «Разведчик» с предложением покрывать гроб умершего офицера не церковным покровом, а национальным военным флагом⁷².

Главным наследием Владимира Степановича Савонько остается его дневник — уникальный исторический источник. Очевидно, насколько важен поиск оставшейся части дневника, которая охватывает, по меньшей мере, 1910—1918 гг., а, возможно, и более поздний период. Быть может, со временем, и она будет найдена и введена в научный оборот.

Примечания

Статья выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 15-01-00133 «Дневники гвардейского офицера В.С. Савонько. 1899—1909 гг.».

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 1000, оп. 11, д. 86—88.
2. Там же, д. 86, л. 2.
3. Munson 1 in: Antique Typewriters. The Martin Howard Collection. URL: <http://www.antiquetypewriters.com/collection/detailed.asp?img=pic-munson03.jpg&typewritername=Munson%201#.WA0WGeWLRD>.
4. Рукописный отдел Института Русской литературы РАН (РО ИРЛИ), ф. 377, оп. 7, д. 3151.
5. БОГДАНОВ А.А. Неизвестные воспоминания о 9 января 1905 г. в Петербурге. В кн.: Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Рогулина. СПб. 2015, с. 59.
6. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 88, л. 168.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 1, д. 42 599, послужной список № 1—175.
8. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 15.
9. Там же, д. 86, л. 14об.—15.
10. Там же, д. 87, л. 22.
11. Российский государственный военный архив (РГВА), учетно-послужные карточки комсостава РККА, карточка № 236 255.
12. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 17. СПб. 1904, с. 43.
13. РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, д. 3151, л. 1; РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 2327, л. 19—26.
14. РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 2327, л. 19.
15. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 91.
16. Там же, л. 66об. — 67.
17. Там же, д. 86, л. 95об.

18. РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, д. 3151.
19. РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 29 717, л. 47.
20. САВОНЬКО В.С. Памятка «бомбардира» об Отечественной войне. 1812—1912. СПб. 1912, с. 21—22.
21. Общий список офицерским чинам русской императорской армии: Составлен по 1-е января 1909 года. СПб. 1909, стб. 155; Сост. по 1-е января 1910 года. СПб. 1910, стб. 157.
22. САВОНЬКО В.С. Исторический музей л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады; ЕГО ЖЕ. Положение об Историческом музее л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. СПб. 1912.
23. ЕГО ЖЕ. Памятка «Бомбардира» об Отечественной войне: 1812 — 1912.
24. О работе В.С. Савонько в музее лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады см.: СОКОЛОВСКИЙ М. Музей л. гв. Артиллерийской бригады. — Офицерская жизнь. 1909, 16/23 мая, № 169; ЖЕРВЕ В. Исторический музей л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады. — Русский инвалид. 1910, 24 марта, № 66; ЭНГЕЛЬГАРДТ Н. В первой бригаде. — Новое время. 1910, 27 марта, № 12 227.
25. См. разные номера журналов: Разведчик. 1907—1908; Офицерская жизнь. 1908—1911; Русский инвалид. 1913—1917.
26. Офицерская жизнь. 1908, 13 октября, № 139—140.
27. Там же. 1911, 22 декабря, № 299.
28. Там же. 1911, 29 апреля, № 266.
29. «За верную службу». Медаль учреждена в 1878 г. для награждения гражданских и военных чинов.
30. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 42 599, послужной список № 1175.
31. Выезд на открытую позицию батареи л.-гв. 1-ой артиллерийской бригады в бою у посада Скала (из донесений командиру Гвардейского корпуса). — Русский инвалид. 1915, 1 сентября, № 192.
32. См. различные номера журналов и газет за 1918 г.: «Известия народного комиссариата по военным делам», «Вооруженный народ», «Военное дело», «Красный офицер», «Аудитория военного дела».
33. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 341, оп. 1, д. 286, л. 4.
34. См. например: САВОНЬКО В.С. 2-й всероссийский съезд по всеобщему обучению. — Вооруженный народ. 1918, 29 декабря, № 4.
35. САВОНЬКО В.С. Действительность артиллерийской стрельбы по площадям. — Аудитория военного дела. 1918, 15 ноября, № 2 (5).
36. РГВА, учетно-послужные карточки комсостава РККА, карточка № 236 255.
37. РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, д. 3151.
38. Редкие русские книжные знаки. (Из коллекции В.С. Савонько): Каталог выставки. СПб. 1998.
39. МИНАЕВ Е.Н. Эклибрис. М. 1968, с. 85.
40. Труды Ленинградского общества эклибрисистов. Вып. 1—12. Л. 1924—1928.
41. Выставка русских книжных знаков: [Обозрение выставки]. [Предисл. В.С. Савонько], л. 1926.
42. Словарь подписей русских художников эклибрисистов. Сост. В.С. Савонько, л. 1929.
43. РГАЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 286, л. 4.
44. РГВА, учетно-послужные карточки комсостава РККА, карточка № 236 255.
45. ГЛЕЙЗЕР М.М. XX век: Любительская нумизматика в Петербурге-Петрограде-Ленинграде-Санкт-Петербурге. СПб. 2009, с. 35.
46. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 86, л. 13.
47. РГАЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 286, л. 4.
48. АЛЕКСЕЕВ А.И. Профессора Санкт-Петербургского археологического института глазами слушателя 1904—1906 гг. гвардейского офицера В.С. Савонько. В кн.: Каптеревские чтения: Сб. статей. Вып. 13. М. 2015, с. 340.
49. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 53об.
50. Там же, л. 54.
51. Там же, л. 54об.—55об.

52. Там же, л. 56об.—57.
53. Там же, л. 55об.—56.
54. Подробнее см.: СМИРНОВА М.А. Создание и начало работы Императорского Русского военно-исторического общества в дневниках В.С. Савонько. В кн.: Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Рогулина. СПб. 2015, с. 65—71.
55. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 88, л. 9.
56. Там же, л. 10.
57. ДЪЯКОВ В. А. О возникновении, составе и деятельности РВИО (1907—1917). В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М. 1971, с. 277.
58. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 88, л. 16—17.
59. Там же, л. 74об.
60. Там же, д. 86, л. 90.
61. Николай, принц Греческий и Датский (1872—1938) — третий сын греческого короля Георга I.
62. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 60—60об.
63. Генерал М.И. Драгомиров (1830—1905), известный военный педагог и теоретик, был знаменитым острословом своего времени.
64. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 36
65. Там же, л. 71об.
66. АЛЕКСЕЕВ А.И. Дуэльная история в лейб-гвардии 1-ой артиллерийской бригаде (штрихи к портрету выдающегося артиллериста Л.Н. Гобято). В кн.: Источниковедение в современных исторических исследованиях: К юбилею Николая Георгиевича Рогулина. СПб. 2015, с. 40.
67. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 48—48об.
68. Там же, л. 44.
69. Там же.
70. Имеется ввиду спасение царской семьи во время крушения поезда у станции Борки 17 октября (ст. ст.) 1888 года.
71. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 11, д. 87, л. 98об.
72. Разведчик. 1908, 2 сентября, № 932.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

УДК 94(470.342)

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Кировской области в годы Великой Отечественной войны

Н.В. Чернышёва

Аннотация. В работе анализируется санитарно-эпидемиологическая обстановка в тылу в годы Великой Отечественной войны. На основе статистических данных и архивных документов автор определяет причины заболеваемости (рост миграций, ухудшение жизни населения, увеличение физической нагрузки, плохое питание и пр.), масштабы (показатели заболеваемости, смертности по СССР, РСФСР, Кировской области и ее отдельным районам), факторы (экзогенные и эндогенные) и контингент лиц, подвергшийся заражению (дети, рабочие, эвакуированное население, работники транспорта). Особое внимание уделяется мерам и формам борьбы с эпидемиями, важности решения данной проблемы в условиях военного времени.

Ключевые слова: миграции населения, эпидемия, санитарное дело, Великая Отечественная война, Кировская область.

Abstract. The work analyzes the sanitary-epidemiological situation in the rear during the Great Patriotic War. On the basis of statistical data and archival documents, the author specifies the causes morbidity (migrations increase, the deterioration of living standards, an increase in physical activity, poor nutrition and etc), scale (incidence rates, mortality for the USSR, RSFSR, Kirov region and its individual districts), factors (exogenous and endogenous) and a contingent of persons exposed to infection (children, workers, evacuated population, transport workers). The researcher pays special attention to the measures and forms of struggle against epidemics, the importance of addressing of this problem in wartime conditions.

Key words: population migration, epidemic, healthiness dealing, The Great Patriotic War, Kirov region.

Современные исследователи определяют эпидемиологический переход как исторический процесс, суть которого заключается в эволюции структуры причин смертности (от доминирования экзогенных факторов к преобладанию эндогенных). Войны оказывают отрицательное влияние на физическое развитие населения, вызывая рост заболеваемости и смертности, обусловленный экзогенными факторами, осложняя тем самым данный переход.

В период Великой Отечественной войны от органов здравоохранения требовалась оперативность в решении задач государственной важности. Для этого

Чернышёва Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: natiche84@mail.ru.

Chernysheva Natalia V. — PhD in History, associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: natiche84@mail.ru.

было необходимо: организовать лечение раненых и больных воинов Красной армии (в полевых условиях и в развертываемых в тылу эвакуогоспиталях); обеспечить санитарно-эпидемическое благополучие фронта и тыла; поддержать здоровье гражданского населения¹.

Вопросы санитарного обслуживания населения являлись предметом рассмотрения на самом высоком уровне. Постановлением ГКО нарком здравоохранения Г.А. Митерев был назначен уполномоченным для координации всей работы санитарно-противоэпидемической службы СССР.

Еще в довоенный период Кировская область по такому показателю, как «уровень здравоохранения», сильно отставала от общесоюзного. На 10 тыс. населения области приходилось 2,8 врачебных единиц, в то время как по СССР — 7,2. Этот показатель был низким по сравнению с большинством регионов страны².

В первый год войны система санитарно-эпидемиологических учреждений Кировской области включала в себя: 18 клинико-санитарно-бактериологических лабораторий, 11 молочно-контрольных станций, 10 дезопунктов, 13 межрайонных эпидемиологических станций, 1 областную санитарно-эпидемиологическую станцию, 1 бактериологический институт, 1 санитарно-гигиеническую лабораторию, 1 областную малярийную станцию, 5 районных малярийных станций, 1 отдел дератизации и профессиональной дегазации, 1012 инфекционных коек. Функционировали 34 районные стационарные камеры, 146 подвижных камер, 26 душевых установок, 121 общественная баня³.

В связи с возросшими в несколько раз темпами миграции населения страны (особенно на первом этапе Великой Отечественной войны) одной из главных задач здравоохранения стало санитарно-эпидемическое благополучие фронта и тыла, организация противоэпидемических мероприятий. За период с начала эвакуации по январь 1942 г. в Кировской области были сняты с поездов 363 эвакуированных больных, а также 33 умерших, из них 20 детей. На Кировском эвакуопункте за период с 23 июля по начало октября 1941 г. было зафиксировано 240 случаев кори, 3 случая заболевания рожей, 2 — скарлатиной, 22 — колитом⁴. Заболеваемость сыпным и брюшным тифом носила массовый характер. В ноябре 1941 г. 45% эвакуированных в г. Киров уже болели тифом или болезнью носила инкубационный характер⁵.

Сложившаяся санитарная ситуация в области требовала принятия незамедлительных решений. В середине ноября 1941 г. Исполком Облсовета принял решение № 1477 «О противоэпидемических мероприятиях на 1941 г.»⁶. Предусматривалось проведение следующих мероприятий: доукомплектовать сельские участки и детские учреждения; восстановить лечебные штаты; выделить к 25 ноября 1941 г. места для инфекционных коек там, где их не было; обеспечить перевозку инфекционных больных; организовать обязательную санобработку эвакуированных; проверить состояние коммунальных бань; развернуть строительство дезокамер-землянок в районах области.

Одним из главных направлений противоэпидемической деятельности являлось расширение сети санитарно-эпидемиологических станций, а также увеличение в них коечных мест. В 1941 г. было утверждено Положение о районной, межрайонной и городской станциях. В 1942 г. межрайонные станции были расформированы и переведены в статус районных. Большинство из них не имело необходимого лабораторного оборудования и действовало номинально⁷. Сеть станций по Кировской области выросла с 6 в 1940 г. до 63 в 1945 году⁸. Острой оставалась и кадровая проблема. Число врачебного персонала с каждым годом сокращалось. К началу 1942 г. в области требовалось 35 врачей инфекционистов, а работало всего 16⁹. В 1943 г. на санитарных станциях трудились 85 врачей, к 1 января 1945 г. их количество сократилось до 38 специалистов¹⁰, в то время как количество занятых врачебных должно-

стей санитарно-эпидемиологических станций по стране возросло в 2 раза, а медицинского персонала — на $\frac{2}{3}$.

Была расширена сеть санпропускников, введено сопровождение пассажирских поездов дальнего следования медицинскими работниками, на крупных железнодорожных узлах организованы санитарно-контрольные пункты, в задачу которых входили осмотры пассажиров, изоляция больных, санобработка и т.д. В 1944 г. на станциях по РСФСР функционировало 313 санитарно-контрольных пунктов. Важное значение имела работа комнаты матери и ребенка на вокзалах, пристанях, организация через них питания детей, особенно эвакуированных, а затем реэвакуированных. В начале 1942 г. Наркомат здравоохранения СССР принял ряд актов, направленных на борьбу с эпидемиями (распоряжение СНК СССР № 617-р «О мероприятиях по предупреждению вспышек эпидемических заболеваний» от 14 января 1942 г. и приказ НКЗ СССР «О мерах по предупреждению вспышек эпидемических заболеваний» от 17 января 1942 г.). Предусматривалось проведение соответствующих мероприятий, организация отрядов противоэпидемической и дезинфекционной работ. 2 февраля было принято постановление ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии», которое стало программным документом совместной работы органов здравоохранения и Главного военно-санитарного управления Красной армии по предупреждению эпидемических заболеваний¹¹. Перед отправкой команд предписывалось проводить проверку медико-санитарного состояния военнообязанных, которая заключалась в изучении санитарно-эпидемического состояния района, проведении приписки и сборов военнообязанных, осуществлении медицинских осмотров, дезинфекции вещей военнообязанных; обязательными были стрижка и пропуск через баню мобилизованных, делались прививки и т.д.

В связи с эвакуацией детского населения Наркоматом здравоохранения были разработаны подробные указания для местных органов здравоохранения. В пути следования детей необходимо было обеспечить медицинским обслуживанием, что практически невозможно было осуществить в связи с недостатком врачебных кадров. В местах расселения детей усиливались мероприятия по лечебно-профилактическому обслуживанию, предотвращению распространения детских инфекций.

В октябре 1942 г. в РСФСР было созвано 3 кустовых межобластных совещания, посвященных анализу санитарно-эпидемиологической ситуации в регионах. Они проходили в Москве, Казани (принимали участие представители Кировской области) и Новосибирске¹².

Непосредственную работу с регионами осуществляло Противоэпидемическое управление РСФСР, возглавляемое М.И. Хазановым. Только в 1942 г. работники Управления совершили 241 командировку в регионы, в том числе 6 — в Кировскую область¹³. В том же году в аппарате Управления был создан Отдел особо опасных инфекций. Все Противоэпидемические управления на местах возглавляли квалифицированные эпидемиологи. Полностью были замещены должности директоров 21 бакинституты, хотя часть директоров по различным причинам подлежала замене (Кировская, Тамбовская, Архангельская области и пр.).

Чтобы обеспечить санитарное и эпидемическое благополучие, не допустить распространения инфекционных заболеваний в центре и на местах, создавались чрезвычайные противоэпидемические комиссии. Ими была проделана большая работа, к которой привлекались работники лечебных учреждений. 22 мая 1942 г. НКЗ СССР издал приказ «О противоэпидемической работе городских поликлиник и амбулаторий и укреплении участковой территориальной системы медицинского обслуживания городского населения». Во исполне-

ние этого приказа медицинские работники каждого участка периодически совершали подворные обходы с целью выявления подозрительных на заразные болезни и их немедленной госпитализации с последующей санобработкой очагов и наблюдением за ними. За лето 1942 г. были проведены 2 санитарных обхода по всей области, в результате которых выявлены 8 больных брюшным тифом, 4 сыпным тифом и 59 363 завшивленных пациентов ¹⁴.

В 1942—1943 гг. Областной Чрезвычайной Противоэпидемической комиссией во главе с А.Г. Калуговой было проведено 50 совещаний, рассмотрено 102 вопроса. На таких совещаниях заслушивали доклады о санитарном состоянии области и деятельности медицинских учреждений, обсуждали насущные проблемы здравоохранения, а также делились опытом работы.

Перед органами здравоохранения стояла задача всеми способами обеспечить снижение заболеваемости. Еще в начале 1940-х гг. медицинская наука разработала новые эффективные медицинские препараты, а также методы диагностики и лечения, вакцины против холеры, брюшного, сыпного тифа и паратифа. В 1941 г. в стране существовали 54 бактериологических института. За годы войны в них освоили 23 препарата ¹⁵. В 1942 г. в Киров был эвакуирован Институт Советской армии. В это время уже велись работы над созданием пеницилина, а в 1944 г. была выпущена первая партия антибиотика. За разработку промышленной технологии получения пеницилина начальник НИИ микробиологии А. Копылов, заместитель по науке М. Файбич и ведущий научный сотрудник Н. Гинзбург были удостоены Сталинской премии. Уже в конце войны сделанные в Кирове препараты появились во фронтовых госпиталях.

К решению санитарных проблем привлекалась общественность. Необходимо было организовать широкую санитарно-просветительскую работу среди населения (особенно в местной печати). Кировское отделение Красного Креста в годы войны осуществляло разнообразную работу: участвовало в разгрузке и погрузке военно-санитарных поездов, помогало госпиталям, занималось подготовкой медсестер и сандружинниц, организацией санпостов и пр. Уже в 1941 г. в области действовало 60 сандружин, оказывавших помощь медицинским работникам в санитарных обходах и профилактике эпидемических заболеваний ¹⁶. До конца 1941 г. планировалось подготовить 40 групп медсестер по линии Красного Креста. В 1942 г. нужно было сформировать 293 сандружины и подготовить в них 6605 сандружинниц. В итоге сформировали 66 сандружин и подготовили 1691 медсестру. Из окончивших курсы медсестер и сандружинниц 361 чел. уже работал в маршрутных санитарных поездах, 13 чел. — в санитарных батальонах войсковых частей и 25 чел. постоянно находились в составе госпиталей ¹⁷. За период с 21 июня 1941 г. по 1 января 1944 г. Обществом было подготовлено: медсестер запаса 1699 чел. (3,5-месячные курсы), 2008 чел. (7-месячные курсы), сандружинниц 3519 чел., значкистов ГСО 192 660 чел., значкистов БГСО 45 263, организовано кадровых сандружин 1260. На 1 января 1944 г. в области действовали 2849 санитарных постов ¹⁸.

Огромное внимание уделялось организации санобработки и санитарному надзору. Инспекцией по Кировской области во главе с профессором Военно-морской медицинской академии Горбовицким систематически обследовались вокзалы, заводские территории, общежития, столовые, бани и т.д. ¹⁹ В Кирове бани не справлялись с потоком прибывавшего населения. Санобработкой занимались 2 городские бани: центральная осуществляла обработку воинских частей, а южная — заключенных и эвакуированных. В результате люди дожидались своей очереди несколько суток.

В 1942—1943 гг. был впервые повсеместно применен метод одновременной сплошной весенней очистки, включавший в себя уборку общественных

мест, ликвидацию незаконных свалок и дезинфекцию²⁰. Население массово привлекалось к уборке в порядке трудовой повинности.

В соответствии с решением, принятым 27 февраля 1942 г. Кировским областным исполнительным комитетом «О проведении санитарно-профилактических мероприятий по Кировской области», всеобщая иммунизация против брюшного тифа и паратифа проводилась в населенных пунктах, неблагоприятных по заболеваемости, а также повсеместно: прививали граждан, призываемых на фронт, рабочих оборонных заводов, служащих железной дороги, водопроводной сети, канализации, очистных сооружений, переселенцев, учащихся системы государственных трудовых резервов, а также занятых на лесозаготовках и торфозаготовках²¹.

При крупных предприятиях стали создаваться медико-санитарные части, основные задачи которых сводились к регулярной проверке соблюдения санитарных норм, своевременному выявлению заболевших и общему медицинскому обслуживанию работников. Если в 1940 г. в стране насчитывалось 60 медико-санитарных частей, то к концу войны их стало 400. В частях у многих рабочих фиксировали истощение и дистрофию, причем дистрофия носила массовый характер. В марте 1943 г. на заводе № 234 из 307 прошедших медицинское освидетельствование 171 чел. был поставлен подобный диагноз²². Ослабленные люди продолжали работать на заводах, часто обессиленных работников уносили с рабочего места, а некоторых уже не могли спасти. На предприятиях частыми были случаи массовых отравлений, особенно в весенне-летний период. Так, в августе 1944 г. на заводе № 266 (им. Лепсе) 300 рабочих поступили в больницу с диагнозом «желудочно-кишечное отравление»²³.

Изменения коснулись и санитарно-пищевых норм, которые носили временный характер (разрешено использовать в пищу финнозную говядину, свинину и другие продукты за счет проварки, засолки или заморозки; допущена перевозка солонины и свинокоченостей без тары и т.д.)²⁴.

С каждым месяцем войны эпидемическое состояние области ухудшалось.

Эпидемии способствовали резкому увеличению показателей смертности. Почти 40% родившихся детей в Кировской области в 1942 г. не дожили до 1 года²⁵. Коэффициент смертности населения в регионе колебался от 25 до 37%²⁶. Смертность в Кировской области в первый год войны увеличилась в 1,9 раза, преобладая в городах (пик пришелся на 1942 г. и составил 50,6%). Среди причин смертности преобладали туберкулез, воспаление легких, менингит, брюшной тиф и дизентерия.

Наибольшее распространение эпидемические заболевания получили в населенных пунктах, расположенных при железнодорожных линиях (Киров, Котельничский, Зуевский районы), на трактах (Вятскополянский, Свечинский, Слободской районы), а также в районах массового поселения эвакуированных (все вышеперечисленные и Кикнурский, Омутнинский, Просницкий, Шабалинский)²⁷. Таким образом, на начальном этапе войны рост заболеваемости был связан с рядом факторов экзогенного происхождения: интенсивные миграции, военная мобилизация медицинского персонала, резкое ухудшение бытовых условий населения.

Эти факторы подтверждаются данными статистики. Пик распространения инфекций пришелся на осень 1941 — зиму 1942 г., главным образом за счет эвакуации детей. По сообщениям Противозэпидемического управления, «весьма тяжелая эпидемическая обстановка сложилась на отдельных участках прифронтовой полосы, особенно в зоне эвакуации населения». Заболеваемость в Кировской области сыпным тифом в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 1447,9%, цингой — на 1478,3%, брюшным тифом и паратифом — на 180,8%²⁸.

Уже в апреле 1942 г. заболеваемость сыпным тифом была зафиксирована в 53 районах области, в более чем половине из них ее не могли ликвидировать в течение 4—6 месяцев. Число заболевших в Вятскополянском, Зуевском, Котельничском, Свечинском, Слободском районах и г. Кирове за 11 месяцев 1942 г. составило 65,6%, в том числе по Кирову — 21,6%. Крупными очагами сыпного тифа являлись ст. Киров-1, Кировская тюрьма, завод № 38 ²⁹.

В 1943 г. отмечалось широкое распространение очагов сыпного тифа в освобожденных районах и рост заболеваемости, особенно в крупных населенных пунктах, брюшным тифом, дизентерией, туляремией, малярией. Исходя из сложившейся ситуации, главными задачами противоэпидемических служб были: ликвидация очагов заболеваемости в освобожденных районах; снижение заболеваемости сыпным тифом и недопущение развития его очагов в тыловых районах; снижение заболеваемости кишечной инфекцией и малярией; ликвидация очагов туляремии; снижение заболеваемости бруцеллезом и усиление комплексных мероприятий по его профилактике.

Предпринятые меры позволили снизить в 3 раза уровень заболеваемости сыпным тифом, при этом на освобожденные территории РСФСР пришлось 65,3%. Наиболее неблагоприятная ситуация отмечалась в Курской, Смоленской и Орловской областях. Весьма тяжелая обстановка складывалась в Дагестанской АССР, Алтайском крае, Новосибирской, Томской, Омской и Кировской областях. Кроме того, в Свердловской и Молотовской областях отмечался вновь рост заболевших тифом.

Наибольшее распространение брюшного тифа отмечалось в областных центрах (Киров, Новосибирск и Саратов). Главная причина — отсутствие систематической очистки городов, недостаточное снабжение водой, неудовлетворительное санитарное состояние. Нарушение санитарного режима вызывало вспышки заболеваемости на предприятиях Кирова и Коврова ³⁰.

В 1944 г. отмечался новый рост заболеваемости сыпным тифом (в южных и глубинных районах области). Сложная ситуация в регионе обсуждалась СНК СССР, который 28 июля 1944 г. принял постановление «О мерах ликвидации заболеваемости сыпным тифом в Кировской области» ³¹. В нем отмечалось, что Кировский областной отдел здравоохранения в этом направлении работает неудовлетворительно. Предлагались следующие меры: провести мероприятия по выявлению и ликвидации очагов сыпного тифа в районах области, тщательную и неоднократную санобработку; организовать массовые санитарные обходы; наладить бесперебойную работу бань и прачечных.

Основными разносчиками эпидемических заболеваний являлось местное население (68,8%), а также жители, прибывшие из других районов (12%), и работники железной дороги (7,1%). Эвакуированные, военнослужащие и вернувшиеся со строительства оборонительных рубежей в совокупности составляли 8,2% всего количества «разносчиков» инфекций ³². Коэффициент заболеваемости сыпным тифом в 1942 г. составил 51,5% (на 10 тыс. чел.), то есть 1 из 200 жителей области болел тифом. Несмотря на предпринимавшиеся профилактические меры, давшие снижение случаев сыпного тифа в 1943 г., на следующий год эпидемией были охвачены южные и глубинные районы области (Арбажский, Тужинский, Советский, Пижанский).

Частичное снижение заболеваемости по некоторым видам инфекций в 1944 г. (брюшной тиф — на 55,4%, паратиф — на 27,4, дизентерия — на 62,3%, дифтерия — на 46,7%) было явлением временным. 1 сентября 1944 г. НКЗ СССР издал приказ «О медико-санитарном обслуживании реэвакуированного населения и переселенцев», в котором предусматривалось: проводить тщательный медико-санитарный осмотр; не допускать отправку больных и лиц, контактировавших с ними; запретить выезд из очагов сыпного тифа; организовать

специальные помещения для обработки реэвакуированных; обеспечить медицинское сопровождение в пути ³³.

Несмотря на принимаемые меры, демобилизация и реэвакуация способствовали новому росту числа инфекционных заболеваний.

За годы войны в списке инфекционных появлялись новые виды заболеваний. Некачественные продукты, отсутствие в рационе питания белков и витаминов способствовали массовому распространению цинги. В 1942 г. были зарегистрированы вспышки туляремии и лептоспироза в Кировской, Ленинградской и Смоленской областях. В Кировской области случаи туляремии были отмечены в Зуевском, Арбажском и Тужинском районах ³⁴. Для борьбы с туляремией проводилось систематическое истребление грызунов, контролировались складские помещения, была запрещена охота на лис, хорьков, ласок и других хищников, уничтожающих грызунов ³⁵. В Кировскую, Ленинградскую, Смоленскую, Калининскую и другие области были отправлены бригады врачей и зоологов из Москвы ³⁶. В последующие годы случаи заболевания туляремией по-прежнему были, но их число значительно сократилось.

Несмотря на предлагаемые меры в начале 1945 г. на заседании СНК РСФСР также отмечалось, что Кировский Облздравотдел запустил санитарно-эпидемиологическую ситуацию, и требуются срочные меры для ее улучшения ³⁷.

Таким образом, интенсивные миграции, резкое ухудшение жилищно-бытовых условий, тяжелые условия труда вызвали рост числа эпидемических заболеваний в 1941—1942 годах. В последующие годы санитарно-эпидемиологическая обстановка определялась уровнем развития здравоохранения в регионе (числом медицинских учреждений, количеством койко-мест, наличием необходимых специалистов, медикаментов, оборудования) и другими социально-экономическими причинами (условиями труда, жилищными и продовольственными возможностями).

Чтобы не допустить эпидемий, государство и местные органы власти использовали различные методы: очистка территорий, обязательная санитарная обработка мигрантов, пропаганда, организация санитарных дружин, медико-санитарных частей, вакцинация, расширение аптечной сети и др. К решению проблемы привлекались не только медицинские работники, но и руководство области, общественность, научные кадры. К концу войны показатели эпидемических заболеваний в Кировской области хотя и оставались высокими, приобрели стабильный характер.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук, номер проекта МК-6607.2016.6.

1. ТРОФИМОВ В. В. Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет. М. 1967, с. 50.
2. Здравоохранение в СССР: статистический сборник. М. 1960, с. 108.
3. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. Р-2169, оп. 1, д. 613, л. 28.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. П-1291, оп. 1, д. 9, л. 58—59.
5. ГА КО, ф. Р-897, оп. 3, д. 396, л. 32.
6. Там же, ф. Р-2169, оп. 1, д. 551, л. 21—22.
7. УВАРОВ М.М. Санитарно-эпидемические станции, их кадры в годы Отечественной войны и их задача. — Гигиена и санитария. 1944, № 9, с. 33—34.
8. ГА КО, ф. Р-2344, оп. 1б, д. 12, л. 29.
9. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 8, д. 71, л. 79об.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-8009, оп. 3, д. 261, л. 1—2об.
11. Там же, л. 1.
12. Там же, л. 4.
13. Там же, л. 18.
14. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 8, д. 103, л. 116об.
15. ШАЛАК А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940—1950 гг.). Иркутск. 2000, с. 250.
16. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 7, д. 292, л. 20—21.
17. Там же, оп. 8, д. 45, л. 11.
18. Там же, оп. 10, д. 65, л. 1.
19. Там же, ф. П-1291, оп. 1, д. 15, л. 112.
20. ЧЕТВЕРИКОВ В.С. Санитарное дело в СССР за время первых двух лет войны. — Гигиена и санитария. 1944, № 1—2, с. 29—30.
21. ГА КО, ф. Р-2169, оп. 1, д. 634, л. 72.
22. ГАСПИ КО, ф. П-1291, оп. 1, д. 34, л. 211.
23. Там же, д. 69, л. 20.
24. ШТЕНБЕРГ. Временные изменения, внесенные в санитарно-пищевое законодательство в период ВОВ. — Гигиена и санитария. 1944, № 10—11, с. 24—25.
25. Подсчитано по: ГЕЛЬФАНД В.С. Население СССР за 50 лет (1941—1990 гг.): статистический справочник. Пермь. 1992, с. 251; ГА КО, ф. Р-2344, оп. 1, д. 2975, л. 2об., 4об.; оп. 2, д. 464, л. 6, 7об.; д. 860, л. 4, 5об.; д. 1226, л. 4; д. 1273, л. 5—5об., 41об.; д. 1697, л. 2—43об.
26. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М. 1992, с. 24; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: статистический сборник. Киров. 1996, с. 26; ГА КО, ф. Р-2344, оп. 1, д. 2975, л. 4об.; оп. 2, д. 464, л. 6, 16об.; д. 860, л. 4, 14—14об.; д. 1226, л. 4, 46об.; д. 1273, л. 56об.; д. 1275, л. 2; д. 1683, л. 1—1об.; д. 1697, л. 2—43об.; ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 12, д. 39а, л. 1; ф. П-1291, оп. 1, д. 7, л. 3—3об., 10; оп. 1, д. 17, л. 79.
27. ГА КО, ф. Р-2169, оп. 1, д. 684, л. 128об.
28. Там же, ф. Р-2344, оп. 2, д. 472, л. 11.
29. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 8, д. 71, л. 112.
30. ГА РФ, ф. Р-8009, оп. 3, д. 304, л. 3—4об.
31. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 10, д. 89, л. 109.
32. Там же, оп. 10, д. 103, л. 163.
33. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: сб. документов и материалов. М. 1977, с. 447.
34. ГА КО, ф. Р-2169, оп. 1, д. 1067, л. 18—18об.
35. ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 8, д. 103, л. 130—130об.
36. ГА РФ, ф. Р-8009, оп. 3, д. 261, л. 8об.
37. ГА КО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 166, л. 4.

Советская модернизация в Дагестане в 1917—1940 гг.

Х.Г. Магомедсалихов

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы советской модернизации в Дагестане в 20—40-х гг. XX века. Гражданская война, коллективизация и политические репрессии показаны через призму социальных конфликтов. Предлагаются новые подходы в интерпретации модернизационных процессов по сравнению с периодом социалистического строительства.

Ключевые слова: Дагестан, социальные конфликты, революция 1917 г., гражданская война, советская модернизация, коллективизация, репрессии.

Abstract. The work devoted to the process of the soviet modernization in Daghestan in 1920—1940. The Civil War, collectivization as well as the political repressions that took place in Daghestan during this period, analyzes through new view on social conflicts in local society. In this article we give the new approach and methods to the interpretations of the processes of modernization, than it were before in the soviet historiography.

Key words: Daghestan, social conflicts, revolution of 1917th, civil war, soviet modernization, collectivization, repressions.

До сих пор в сознании части дагестанского общества, в том числе исследователей, доминируют стереотипы коммунистической эпохи и методологические принципы исследования, основанные на формационных, идеологических, классовых подходах¹. И это в то время, когда в разработках исследователей в других регионах давно преобладают цивилизационные методологические принципы и подходы.

Известно, что исторические факты и события не меняются, меняется их интерпретация, и соответственно осмысление и оценка фактов и событий касательно модернизационных процессов в советское время должны отличаться от подобных в постсоветский период. Тем более что многие факты и документальные материалы, относящиеся к этим событиям, давно стали доступными для широкого круга читателей и исследователей. Этим во многом обусловлена научная новизна предлагаемой темы.

Магомедсалихов Хайбула Гамзатович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Махачкала. E-mail: haibula45@mail.ru.

Magomedsalikhov Khaibula G.— doctor of history, leading researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Center of the RAS. Makhachkala. E-mail: haibula45@mail.ru.

В предложенном исследователем М.Ю. Зеленковым материале отмечается, что «Социальный конфликт — это особый вид социальных отношений, возникающий при столкновении конфликтующих сторон по разным основаниям, и принимающих насильственные формы, крайние из которых: бунт, революция, самоубийство, суицид, терроризм, война»².

Однако данное определение не может охватить все аспекты интересующей нас проблемы, и потому предметом внимания наряду с обозначенными, стали конфликтогенные условия и факторы в дагестанском обществе в период советской модернизации.

Любой социальный конфликт представляет собой комплекс конструктивно-деструктивных функций, что обеспечивает социальный прогресс и общественную динамику через противоречие. В этой связи примечательным представляется определение социального конфликта по А.Г. Здравомыслову: «Конфликт есть нормальное явление общественной жизни; выявление и развитие конфликта в целом — полезное и нужное дело. Не надо вводить людей в заблуждение с помощью мифа о всеобщей гармонии интересов. Общество, властные структуры и отдельные граждане будут достигать более эффективных результатов в своих действиях, если они не будут закрывать глаза на конфликты...»³ С учетом этого, приоритетной целью науки является познание законов общественного прогресса, который развивается через социальные конфликты.

Являясь масштабным социальным конфликтом, революция содержит значительный деструктивно-конструктивный потенциал. Она рушит веками устоявшуюся конструкцию в виде социально-экономического строя и политической системы, одновременно создавая новую социально-экономическую модель и соответствующую политическую надстройку. Переход к новым социальным отношениям связан со сложными и порой драматическими событиями, обусловленными, в том числе, ломкой устоявшихся морально-этических стереотипов, на что требуется период, равный смене как минимум одного поколения.

Эрой советской модернизации в Дагестане, как и по всей России, явилась Октябрьская революция 1917 г. и последующая за ней Гражданская война. Однако, несмотря на значительный объем литературы, написанной в период доминирования коммунистической идеологии, революции в Дагестане не было, хотя бы потому что здесь отсутствовали необходимые для этого социально-экономические условия и, в первую очередь, классовый антагонизм. В горах основным социальным сословием были уздени и совсем отсутствовала эксплуатация. У равнинных народов имела место социальная стратификация, но и здесь в социальных отношениях не было классового антагонизма.

О противоречиях в дореволюционном Дагестане написано и издано много литературы, но ни одного исследования острого социального конфликта на почве классовой вражды на практике не встречается. Из публикации в публикации кочуют сообщения, якобы имевшие место, о незаконных порубках деревьев в «княжеском» лесу, потравах лугов или нарушении межевой границы. Но они не имеют отношения к классовому антагонизму и обусловленности революции, а затем и Гражданской войны. Забегая немного вперед, надо отметить, что ни в источниках, ни в литературе не встречается ни одного серьезного прецедента социального конфликта. И, напротив, в период Гражданской войны и советской модернизации (коллективизация, индустриализация, культурная революция), проведенной якобы с целью установления социальной справедливости, в Дагестане в политических репрессиях погибло столько людей, что масштабы бедствия не подсчитаны и вряд ли это когда-нибудь будет сделано. Подобный вывод является, на наш взгляд, принципиальным.

Население Дагестана, особенно в его горной части, октябрьскую революцию не почувствовало. Большевиков называли «большуками», а имущество в виде драгоценностей (если они были) закапывали в землю на кладбищах — в святых местах, где кражи исключены. В сознании основной части горцев революция (не без помощи местного духовенства) ассоциировалась с покушением на мусульманскую религию.

То, что в Дагестане и, особенно в его горных районах, не созрели социально-экономические условия для революции, и психологически горцы не были готовы к социальным трансформациям, предопределило затяжной и болезненный характер Гражданской войны. В источниках и литературе отсутствуют цифры о людских потерях в Дагестанской области в этот период. Однако и имеющихся данных достаточно, чтобы понять масштабы ущерба. Так, общий убыток, нанесенный интервенцией и Гражданской войной Дагестану, составил 26 008 059 рублей ⁴.

В период Гражданской войны политические противоречия в Дагестане трансформировались в острые и масштабные социальные конфликты, которые заключали в себе значительный деструктивный потенциал.

Горцы были доведены до отчаяния, в области были нарушены хозяйственно-экономические связи, наблюдалась политическая нестабильность, идеологическая вражда, и все это в совокупности представляло собой глубокий общественно-экономический кризис со значительным конфликтным потенциалом. С введением политики «военного коммунизма» «...кулаки и другие классовые элементы, чтобы не сдать государству определенную часть животных, продуктов и т.д., стали резать, сушить, разбазаривать, продавать... Они это делали так лишь потому, чтобы государству не платить налоги» ⁵.

Экономические проблемы в период и после Гражданской войны дополнялись природно-климатическими; неурожайное лето и холодная зима 1920—1921 гг. усугубляли социальные противоречия в обществе. Об этом, например, свидетельствует выдержка из доклада председателя исполкома Батлукского участка 4 апреля 1923 г.: «...В Батлукском участке много людей голодают. От голода бежали люди из сел. Заната в Закавказский округ 60 человек, из коих от голода умерло 30 чел. Из сел. Накитль от голода бежали в Чечню и там заселились 50 чел., из коих умерло от голода несколько человек. Так как из сел. Датун бежали от голода в Закатальский округ много дымов из коих умерло от голода несколько человек. Оставшиеся здесь жители Батлукского участка очень голодают и ходят босиком. Они не имеют продовольствия и мануфактуры даже на саван, покупать возможности не имеют, многие люди жалуются и плачут, что они голодают» ⁶.

Следствием социальных катаклизмов, обусловленных Гражданской войной в области, стало восстание в Западном Дагестане в 1920—1921 гг., которое было не «авантюрой кучки царских офицеров и духовенства» или следствием действий «фанатично настроенного горского населения», как его интерпретировали в советской историографии, а явилось массовым антисоветским выступлением, которое охватило почти половину Дагестана.

Анализ источников и литературы позволяет судить о том, что восстание было обусловлено непродуманными экономическими мероприятиями органов Советской власти в республике. Горцы были доведены до отчаяния, что стало основной причиной и мотивом восстания. Этот тезис подтверждает, например, следующее сообщение ДагРевкома в сентябре 1920 г. в Москву: «Трехлетняя гражданская борьба до того истощила Дагестан, что горская беднота питается травой, продает своих детей, разводится с женами. Полное отсутствие мануфактуры вынуждает горцев одеваться в шкуры, а женщины почти голые сидят дома. На этой почве развиваются болезни, массовые смер-

тельные случаи, самоубийства и недовольства. Голод угрожает и будущему году, так как вспаханные поля остаются незасеянными вследствие отсутствия семян»⁷.

Наряду с причинами экономического характера, существовали также факторы политические. Едва ли не основной из них — «...бесчинства отдельных частей Красной Армии, участвовавших в разрушении тысячи домов, действовавших методами военного коммунизма, а по существу грабивших горцев...»⁸ Жестокие методы обращения с местным населением, унаследованные от царского колониального режима, использовались как в период Гражданской войны, так и при подавлении антисоветского восстания горцев Дагестана. Таков, например, следующий одиозный случай: «...Одна из февральских ночей 1921 г. для многих геничутлинцев оказалась последней. Группе людей Н. Гоцинского, пришедших со стороны Тануси, без особого шума удалось уничтожить караул красных, а один из караульных спасся бегством в крепость». Получив известие о нападении на пост, А. Тодорский приказал «стереть с лица земли село, уничтожить... его жителей». По воспоминаниям очевидца этих событий Магомеда Испагаева, жителя Геничутля, за два дня в ауле были перебиты 68 стариков, женщин и детей, а на третий день, оставшихся в живых, благодаря вмешательству Муслима Атаева, выслали из села. Брать с собой ничего не разрешалось, а их дома были отданы на разграбление солдатам. Приказ Тодорского исполнял Н. Самурский⁹.

Не менее показательный случай имел место в с. Сиух Гумбетовского района 11 марта 1921 года. Отряды Красной армии под командованием Тодорского во время пятничного намаза осадили мечеть и на выходе арестовали 27 молодых и крепких мужчин, которых взяли в заложники, и предъявили заведомо невыполнимые требования: выдать 500 винтовок, 300 пистолетов и тех, кто воевал против Красной армии на стороне Гоцинского. Пытавшегося объяснить ситуацию старшину села Абакар-дибира Шуайбова расстреляли. Прямо на годекане были расстреляны 24 заложника, а один, по имени Магомедсултан, который чудом уцелел, увидев как убивают односельчан, бросился к сараю, взял припрятанную там винтовку, убил командира и еще пятерых красноармейцев, но сам был убит шквальным пулеметным огнем. Командованием отряда было принято решение в течение двух часов расстреливать обнаруженных сивухцев. Красноармейцами было убито 132 чел., в том числе женщины, дети, старики. На следующий день из выживших мужчин-сивухцев отобрали 28 чел. и заставили их нести на себе в с. Ботлих тела семи красноармейцев. А тела расстрелянных сиухцев еще две недели продолжали лежать на годекане, так как не было сил, чтобы выкопать 132 могилы¹⁰. Таким образом восстание в Западном Дагестане было закономерным продолжением Гражданской войны, осложненной как тяжелым экономическим положением, так и карательными действиями частей Красной армии.

Социальным потрясениям в дагестанском обществе 1920-х—1930-х гг. сопутствовал политический бандитизм. Он также был вызван социально-экономическими и политическими мероприятиями, проводимыми Советской властью. Масштабы политического бандитизма по республике были значительны и соответствовали социальным катаклизмам в обществе. О его масштабах свидетельствуют многие факты. Так, после Гражданской войны на территории Анцухо-Капучинского участка Гунибского округа действовала банда, численностью 670 чел., под руководством шейха Ибрагим-Хаджи. В Хасавюртовском округе орудовала шайка Алишапи, в Махачкалинском участке и Дербентском округе население терроризировали банды Бабы и Джангира, в Аварском округе разбой и грабежи совершали банды Гамзат-

Турка и Гоцатль Джамала, в Самурском округе действовала банда Рамзана Эфендиева.

Этими и другими группировками было совершено множество дерзких преступлений, разбои и убийства нескольких советских и партийных работников — начальников Губденской и Даргинской милиции Курбанова и Шапиева, председателя Андийского исполкома Ш. Салихова, руководителя одного из отрядов по борьбе с бандитизмом Г. Каранаева, председателя Кюринского исполкома Т. Раджабова, уполномоченного Наркомата путей сообщения РСФСР В.Д. Маркова с женой и многие другие ¹¹. Политический бандитизм в Дагестане был обусловлен социальными катаклизмами, вызванными октябрьской революцией 1917 г. и последующей Гражданской войной.

Модернизационные процессы в промышленности и сельском хозяйстве республики в 20-х—30-х гг. XX в. были сопряжены с социальными конфликтами между обществом и политической системой. Отмена частной собственности, ее экспроприация и искусственное перераспределение в пользу неимущих и малоимущих негативно отразилась на социальных отношениях. Перераспределение собственности осуществлялось на принципах большевистской идеологии, базирующейся на классовом антагонизме, и стало основным катализатором социальной напряженности. Тем самым закладывалась основа для массовых преследований и репрессий по имущественному цензу и идеологическим (политическим) мотивам. На основе конфискации собственности у зажиточных представителей в пользу неимущих в обществе началось всеобщее равенство в бедности.

Значительная часть населения республики к модернизационным процессам в сельском хозяйстве отнеслась негативно. Сплошная коллективизация в Дагестане на почве конфискации собственности в пользу колхозов вызывала ожесточенное сопротивление со стороны значительной части населения республики. Особенно упорное сопротивление наблюдалось в горных Цумадинском районе и Дидоевском участке, где жители, доведенные до отчаяния, в массовом порядке выступили против коллективизации и клялись на Коране не вступать в колхоз.

В записке органов Советской власти о беспорядках в Цумадинском районе ДАССР от 12 марта 1930 г. отмечается: «В аулах Хуторок, Шаитль, Шаури на собраниях под давлением арабистов и кулаков вынесены постановления, предлагающие коммунистам, совработникам удалиться из Дидоевских аулов и больше не появляться: “Дайте нам жить, как жили при Николае”» ¹². Как следует из документа, население выступало не просто против колхозов, а против Советской власти вообще и считало, что при царском режиме жилось лучше, чем при советском. Население Цумадинского района и Дидоевского участка было настроено решительно против колхозов и «500 человек дали клятву бороться до последнего под флагом шариата» ¹³. Повстанцы захватили ряд аулов: Кидеро, Шаури, Тлясута, Шаитль, Генух, Мокок, Цибари, Ицрак и прилегающие к ним хутора с центром в селении Шаури.

Насильственная коллективизация сопровождалась репрессиями в адрес зажиточной части сельхозпроизводителей и лишала их предпринимательской активности. Как правило, в числе так называемых «кулаков» оказывались наиболее деятельные и инициативные крестьяне, которых репрессировали только потому, что они были предприимчивыми и состоятельными.

В целях активизации колхозного производства Советской властью были введены новые методы стимулирования в виде социалистических соревнований, стахановских движений, досок почета и т.д. Однако такие меры были основаны на энтузиазме, а не на объективных законах социально-экономического развития и соответственно могли принести лишь временные успехи. Эти

нововведения подменяли и имитировали такие естественные рыночные механизмы, как конкурентная борьба за качество и количество и т.д. В условиях отчуждения права на собственность личный интерес производителя к результатам труда снижался.

Коллективизация, как и любая другая новая система, в начале имела определенные успехи. Она подняла, хотя и на некоторое время, моральный дух значительного числа горцев, вдохнула веру и надежду на торжество социальной справедливости. Однако последующий ход истории показал, что через экспроприацию собственности, политические репрессии и уравнивание всех в бедности социальная справедливость не достигается.

Процессы модернизации социально-экономической структуры в Дагестане, как и по всей стране, происходили в условиях искусственно созданного идеологического противостояния, что предусматривало насилие и антагонизм по отношению к политическим противникам, ко всем зажиточным и богатым представителям общества. Все проводимые мероприятия объяснялись интересами трудового народа, для чего была провозглашена диктатура пролетариата, которая по существу представляла собой партийную диктатуру по отношению к идеологическому инакомыслию.

Социальная дифференциация во все времена — явление нормальное, и в каждом обществе бедная часть населения испытывает неприятие к зажиточной части. Этим пользовалась Советская власть, мотивируя классовый антагонизм. Все неудачи по социалистической модернизации списывались на «контрреволюцию» и «врагов народа», в числе которых оказались почти все зажиточные хозяева и служители культа. Борьбой с «врагами народа» объяснялись политические репрессии в период советской модернизации. Духу политической обстановки соответствовала терминология того времени, которой пронизаны официальные документы 1930-х гг.: «очковтирательство», «мелкобуржуазная нерешительность», «политическая слепота и близорукость», «Иуда», «враг народа», «двурушник», «пролетарская ненависть» и т.д. Все эти экспрессивные эпитеты находили в обществе практическое воплощение, что нагнетало психоэмоциональную напряженность.

Невосполнимыми были потери в результате репрессий среди научной и творческой интеллигенции республики. Слово «интеллигент» обрело негативный смысловой оттенок, почти противоположный «пролетариату». На этой почве практически поголовно была истреблена едва зародившаяся после революции национальная интеллигенция, а те, кто выжил, вынуждены были мыслить категориями партийных, идеологических установок и действовать в рамках этих штампов. Жестокие методы, а также широкие масштабы репрессий обусловили быстрые темпы трансформации общественного сознания народов Дагестана, как и других народ СССР, в русле преданности пролетарской идеологии.

Пытки в застенках НКВД в период репрессий в Дагестане были самые изощренные, являясь прямым отражением морально-психологической атмосферы, созданной в обществе политическим руководством страны. Внесудебные «тройки» были созданы специально для проведения массовых репрессий. В Дагестане под произвол «троек» за полтора года (1937—1938 гг.) попали 5 тыс. чел. — 2 тыс. погибших и 3 тыс. приговоренных к различным срокам заключения. Приговоры подписывал лично нарком внутренних дел Ломоносов¹⁴.

Партийная номенклатура посредством идеологической пропаганды параллельно с репрессиями создавала в обществе иллюзию социально-экономического благополучия, для чего государство железным кордоном было закрыто от внешнего мира, а успехи и достижения измерялись относительно экономических показателей России в 1913 году.

В годы модернизации Советская власть сделала все возможное, чтобы искоренить мусульманскую религию, так как религиозная вера препятствовала переориентировать общественное сознание на социализм и коммунизм. Борьбу с религией в республике власти увязывали с классовой борьбой и борьбой с духовенством. Экспроприация собственности у мечетей с целью ее перераспределения также была сопряжена с социальными конфликтами в обществе. Представители духовенства, недовольные мероприятиями Советской власти, устраивали преследования комсомольцев и коммунистов, а официальная идеология интерпретировала это как классовый антагонизм с соответствующими последствиями.

В 30-х гг. XX в. в Дагестане вышло из употребления слово «уздень», потеряли свою актуальность и деформировались веками устоявшиеся морально-этические приоритеты. Отныне в обществе надолго стала доминировать морально-психологическая атмосфера, обусловленная раскулачиванием, репрессиями, доносами, подозрительностью и недоверием друг к другу. На смену привычному выражению «уздень» пришло политическое — «товарищ», а в обиходе популярной стала терминология с выраженным политическим оттенком, типа: «бедняк», «середняк», «буржуазия», «пролетариат», «социализм», «колхоз», «коммунизм», и т.д., в соответствии с которой происходила дальнейшая трансформация общественного сознания и быта горцев. После масштабных репрессий 1930-х гг. в общественном сознании стали доминировать страх и подозрительность; горская ментальность подверглась серьезной трансформации в том плане, что традиционно присущие горцам личное достоинство, прямоту и другие моральные качества подверглись девальвации. Их место заняли большевистская терминология и партийное мышление, обусловленные господствующей идеологией.

В период социалистической модернизации произошла трансформация общественного сознания горцев Дагестана — от традиционного к социалистическому. Человеческая личность стала рассматриваться и оцениваться исходя из конъюнктурных соображений, через призму политических событий и процессов. Критерием стало умение приспособлять свои мысли и подгонять образ жизни под политику партии и официальную идеологию. Те, кто претворял в жизнь такую политику, вряд ли задумывались о правильности проводимого партией курса, и поэтому многие искренне верили в торжество социальной справедливости через перераспределение собственности и переориентацию сознания. Общество трудилось, не покладая рук, ради торжества «светлого» коммунистического будущего.

Безусловно, не все преобразования Советской власти имели негативный смысл, и в этом отношении мероприятия по ликвидации безграмотности, а также по культурному подъему оказали благотворное влияние на народы Дагестана. Однако оценку эпохе предпочтительно давать, исходя из глобальных последствий, с учетом которых многие народы и целые страны в 70—80-х гг. XX в. оказались в социально-экономической и политической стагнации. В основе этих деструктивных последствий лежала советская социально-экономическая и политическая модернизация.

Примечания

1. История Дагестана. Т. 2. Махачкала. 2005.
2. ЗЕЛЕНКОВ М.Ю. Социальная конфликтология в тестах. М. 2005, с. 155.
3. ЗДРАВОМЫСЛОВ А.Г. Социология конфликтов. М. 1996, с. 9.
4. ДАНИЯЛОВ Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1921—1941 гг.). Махачкала. 1960, с. 259.

5. Воспоминания К. Андийского «Моя революционная борьба в подполье. 1905—1917 гг.». Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН), ф. 2, оп. 1, д. 1470, л. 51.
6. Военный комиссариат горного Дагестана (1920—1921 гг.). Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. Р-230, оп.1, д. 1, л. 80.
7. Военный комиссариат горного Дагестана (1920—1925 гг.). ЦГА РД, ф. Р-4, оп. 2, д. 54, л. 194.
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I. Махачкала. 2004, с. 78.
9. Молодежь Дагестана. 30.V.2003.
10. ТАХНАЕВА П.И. Аргвани. Мир ушедших столетий. Исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана. М. 2012, с. 376—377.
11. ПИРБУДАГОВ Н.П. История становления и развития дагестанской милиции в 20-е годы XX века. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала. 1998, л. 149.
12. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927—1940 гг.). Документы и материалы. Махачкала. 2007, с.146.
13. Дагестанский отдел объединенного государственного Политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР. ЦГА РД, ф. Р-800, оп. 2, д. 20, л. 164.
14. ОСМАНОВ А.И., КАКАГАСАНОВ Г.И. Репрессии 30-х годов в Дагестане: истоки и практика (вместо введения). Репрессии 30-х годов в Дагестане (Документы и материалы). Махачкала. 1997, с. 39.

Уральские заводы в условиях санкций (опыт Нижнетагильского округа Демидовых начала XIX в.)

Л.А. Дашкевич

Аннотация. В работе анализируется деятельность Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в сложный для отечественной промышленности период. После войны 1805—1807 гг. Россия вынуждена была присоединиться к континентальной блокаде Англии, что значительно ухудшило условия развития в стране металлургии, ориентированной преимущественно на внешний рынок. В выигрышном положении оказались заводчики, поспешившие структурно перестроить производство в своих горнозаводских имениях. К их числу можно отнести владельца Нижнетагильского округа Николая Никитича Демидова. В публикации показано, что кризисное состояние Нижнетагильских заводов начала XIX в. ускорило их преобразование. Эта политика помогла Демидову не только расплатиться по долгам и займам, но и существенно увеличить свое состояние.

Ключевые слова: история России XIX в., промышленность, металлургия, санкции, инновации, Урал.

Abstract. The work analyzes activities of the Demidovs' mining district of the Nizhny Tagil during a difficult period for the domestic industry. After the war of 1805—1807, Russia was forced to join the continental blockade of England, which significantly worsened the conditions of development of the country's steel industry focused mainly on the foreign market. In the most favourable position were the breeders who immediately launched the process of restructuration of the production in their plants. These include the owner of the Nizhny Tagil District Nikolai Nikitich Demidov. The work shows that the critical condition of Nizhnetagilskij plants in the beginning of XIX century accelerated their transformation. Timely reaction to the new prospects of development of the district which stimulated the development of the copper industry enabled N.N. Demidov not only to pay off his debts and loans, but also to significantly increase his fortune.

Key words: history of Russia of the XIX century, industry, metallurgy, sanctions, innovation, Ural.

Уральская металлургическая промышленность на протяжении своей более чем трехсотлетней истории не раз испытывала кризисные явления, связанные с внешнеполитическими событиями. Серьезным испытанием для владельцев местных заводов, в частности, стала континентальная блокада Англии, к которой

Дашкевич Людмила Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: ldash54@mail.ru.

Dashkevich Liudmila A. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ldash54@mail.ru.

вынуждена была присоединиться Россия после неудачной войны 1805—1807 годов. Положение металлургической промышленности осложнялось тем, что она ориентировалась в основном на экспорт: российские железодельные заводы конца XVIII в. продавали за границу более 52% своей продукции, и главным импортером была именно Англия¹. После 1807 г. торговые сделки и операции заводладельцев с английскими купцами и промышленниками практически полностью прекратились. Это привело к уменьшению спроса на русское железо и падению цен на мировом рынке. Исследователь И.Ф. Ушаков, ссылаясь на записку уральских заводчиков, приводит следующие данные: в 1801—1803 гг. из России вывозилось ежегодно, не считая изделий, по 2 511 645 пудов железа разных сортов, которое продавалось, в среднем, по 1 руб. 30,4 коп. серебром за пуд; а в 1807—1809 гг., после присоединения России к континентальной блокаде, соответственно — по 1 195 405 пудов по цене 70,6 коп. серебром за пуд². Из-за затруднений во внешней торговле в стране стали скапливаться большие массы непроданного железа, промышленники терпели колоссальные убытки. Чтобы не попасть в число банкротов, многие из них стали сокращать выпуск металла. По подсчетам А.В. Шилова, в 1801 г. выплавка чугуна на уральских заводах составляла 8 380 814 пуд., в 1807 г. она упала до 7 333 636 пуд., а к окончанию войны с Наполеоном в 1813 г. — до 6 566 191 пудов³.

Пытаясь выйти из кризиса, уральские заводы стали менять свою работу, приспособляясь к возможностям реализации продукции на внутреннем рынке. Вместо производства простого необработанного полосового железа, уходившего на внешний рынок, промышленники расширяли выпуск сортового железа, переключали производственные мощности на выпуск другой, более прибыльной продукции (меди, изделий из металла и пр.). В наиболее выгодном положении при этом оказались заводчики, поспешившие структурно перестроить производство в своих горнозаводских имениях. К их числу можно отнести владельца Нижнетагильского округа Николая Никитича Демидова.

Планы преобразования горнозаводского имения появились у молодого владельца заводов еще в конце XVIII века. В 1797 г., после снятия опеки, 18-летний Николай Демидов отправил в Тагил «для устройства заводов» управляющего Московской конторой Демидовых Г.Е. Матвеева. По итогам этой поездки заводчик составил для своих приказчиков особую инструкцию, установившую новый порядок управления имением. Между заводскими служащими он ввел своего рода «разделение труда», возложив на каждого из них ответственность за определенную часть горнозаводского хозяйства. Исследователь уральского предпринимательства Е.Г. Неклюдов справедливо полагает, что подобный порядок, отвечавший мануфактурной природе горнозаводской промышленности, усилил мобильность и оперативность управления Нижнетагильскими заводами⁴. Введенный принцип, однако, не был безупречным, так как между приказчиками возникали различные «раздоры и скрытые мщения». Арбитрами в этих спорах и информаторами владельца по делам заводоуправления выступали особые комиссары — люди, не подвластные заводской администрации.

В начале XIX в. в этом качестве в Тагил отправился Михайла Данилович Данилов — служащий, ставший благодаря своим незаурядным способностям ближайшим помощником и доверенным лицом Демидова. По происхождению Данилов был крепостным, вероятно, из подмосковных вотчин Демидовых. В конце XVIII в. он оказался в Московской домовой конторе, где был определен к переписке дел. Здесь, по-видимому, и произошло его личное знакомство с хозяином, во многом определившее дальнейшую судьбу крепостного. Когда в 1800 г. Николай Никитич Демидов отправился путешествовать в Европу, в сопровождающие он взял именно Михайлу Данилова. В короткое время Дани-

лов «весьма изрядно» выучился по-французски и был назначен секретарем Демидова для ведения сначала русской, а затем и французской переписки.

Вместе с хозяином Данилов посетил крупнейшие предприятия Европы, побывал в Англии, Франции, Саксонии и других странах. Михаил Данилович наблюдал за работой заводских устройств и механизмов, собственноручно снимал чертежи некоторых из них и сумел на практике достаточно хорошо разобраться в сложностях металлургической техники и технологии, хотя не получил никакого специального образования. «Вы никогда не учились ни в горных корпусах, ни им подобных местах, да теперь в заводских машинах знаете не меньше друга», — писал Н.Н. Демидов в 1814 году⁵. За усердную службу Данилов получил свободу от крепостной зависимости и приписался к купечеству. Во Франции он связал себя семейными узами с парижанкой, принявшей в замужестве русское имя Елизавета Осиповна. Ее отец, старик Соро, постоянно поддерживал переписку с Даниловым и получал от него деньги на содержание.

Михайла Данилов и Николай Демидов были почти ровесники (в 1817 г. Данилов писал, что он живет на свете сорок с лишним лет, Демидову в это время было 44 года). Судя по письмам, заводчик испытывал большое уважение к своему бывшему крепостному и часто прислушивался к его советам. Совместно (и это неоднократно подчеркивал Демидов) они разработали «проекты» преобразования Нижнетагильских заводов, внедрения новых производств, чего, как уже говорилось, требовала ухудшившаяся конъюнктура внешнего рынка и падение экспорта российского металла. В 1802—1807 гг. производство чугуна на демидовских Нижнетагильских заводах сократилось с 800 до 550 тыс. пудов, а железа — с 540 до 300 тыс. пудов⁶. Долги самого Демидова, вызванные в основном недостатком оборотного капитала, составили к 1812 г. 2 122 851 руб. и 225 925 франков⁷.

Планы заводовладельца по выходу из кризиса предполагали освоение техники и технологии изготовления новых сортов железа, стали, меди, усовершенствование производства чугуна. Французский уполномоченный Демидова Анри Вейер предложил использовать для этого опыт и знания Жана Клода Ферри, бывшего «экзаменатором при Политехнической школе в Париже и главным профессором Инженерной и Артиллерийской школы». Михайла Данилов поддержал эту рекомендацию и, как пишет сам Демидов, «уговорил» хозяина заключить с французским ученым контракт⁸. В 1806 г., после заграничной поездки, Демидов отправил Данилова на Урал для того, чтобы подготовить приезд на заводы самого владельца. Николай Демидов прибыл в Тагил 27 сентября 1806 г. и пробыл здесь два месяца. Исследователи отмечают, что за это время он сумел достаточно глубоко вникнуть в нужды и потребности заводского хозяйства, осмотрел все заводы, познакомился с конторской документацией и оставил приказчикам более сотни различных инструкций и «повелений». По мнению Е.Г. Неклюдова, многие из них оказались весьма важными и перспективными⁹. В частности, для подготовки заводских квалифицированных кадров было утверждено открытое накануне приезда заводчика в Тагил Выйское училище (впоследствии оно стало одним из лучших технических учебных заведений Урала)¹⁰. Началось строительство каменного Нижнетагильского госпиталя, церкви, новой рыночной площади. В целях экономии на закупках провианта внутри горнозаводского имения стали распространяться хлебопашество и картофелеводство, для чего были организованы новые сельскохозяйственные поселения.

В ноябре 1806 г. Демидов покинул заводы и больше здесь не появлялся. Большую часть оставшейся жизни он провел за границей, однако внимания к заводам не ослабил. Исследователь истории Нижнетагильского округа Т.К. Гуськова утверждает, что заграничные «советы и повеления, которыми наполнена обширная переписка Демидова с конторами, приказчиками и отдельными

служащими, направляли весь ход заводских дел, касались ли они устройства новых производств, торговой конъюнктуры или постройки каменных домов в заводском поселке»¹¹. «Первоприсутствующим» в Нижнетагильской заводской конторе Демидов назначил Михайлу Данилова. В мае 1807 г. заводчик приказал именовать Данилова директором заводов. «На Вашем отчете, — писал он, — должно быть защищение прав моих перед правительством, устройство машин, новых заведений, действие оных и чтоб не были они бесполезны, благоустройство, порядок во всем»¹².

Владелец заводов высоко ценил роль Данилова в трудный для своих предприятий период. Он постоянно интересовался судьбой своего протеже. По предложению заводчика, Данилов подал прошение о выходе из купеческого звания и, получив гражданский чин, записался в служащие казенной палаты. В 1810 г., с помощью пермского губернатора К.Ф. Модераха, он перешел под ведение начальника Гороблагодатских заводов Дерябина и получил чин горного офицера, а вместе с ним и права потомственного дворянина. Должность комиссионера по закупке провианта для Гороблагодатских заводов, однако, как и предыдущая канцелярская, были для Данилова лишь формальными. Основным местом его службы и предметом заботы был Нижнетагильский горнозаводской округ.

Претворение в жизнь «проектов» преобразования округа оказалось делом достаточно сложным. В силу множества причин на Урале не сложилась деятельность Ж.К. Ферри. Очевидно, профессору, как и многим другим иностранным специалистам, помешал недостаток времени. Работа с уральскими рудами и флюсами, специфическими по своим свойствам, требовала большой практики. Металлургия начала XIX в. была, как известно, чисто эмпирическим искусством. Первый опыт работы «воздушной печи», возведенной под руководством Ферри на Верхнесалдинском заводе, оказался неудачным: металл застыл и не вытек в подготовленные формы. Исправлять положение пришлось опытным плотинным и доменным мастерам Степану Макарову, Юде Лобову и «прочим, выдавшим подобное действие»¹³. К устройству паровых машин Ферри даже не приступил. Впрочем, подобной практики он, очевидно, не имел и во Франции¹⁴. Данилов не торопил ученого. Он писал Демидову, что вопрос о паровых машинах требует продолжительного, всестороннего размышления, что постройку их нельзя доверить никому, кто бы «опытом не доказал непременно здесь, в Сибири, своего искусства»¹⁵. Осторожность директора понятна: новые двигатели требовали высокого расхода древесного угля — основного вида топлива уральской металлургии, их работа была довольно затратной. К тому же в начале XIX в. Урал знал лишь первые, во многом неудачные опыты строительства паровых машин.

Не вызвал доверия Ферри и у заводских жителей. Данилову с большим трудом удалось заставить их работать под руководством профессора над созданием машины для разбивки старых чугунных припасов. По поселку пронесся слух, что Ферри — французский шпион, специально уничтожающий русские пушки. В 1809 г. контракт с французским ученым был расторгнут. Данилов лично возглавил работы по техническому переустройству заводов. Николай Демидов писал директору из Парижа: «Никогда я не винил вас в рассуждении профессора... начет вашей ошибки. Это правда, что о профессоре много здесь говорят, но только называя его теоретиком, но не практиком»¹⁶.

Основные силы и внимание Данилов направил на расширение производства в округе сортового железа. В 1809 г., реально оценив перспективы рыночного спроса, директор заводов предложил Демидову план усиленного производства листового, кубового и прочего «раскатного» (то есть отделанного) железа. Эту идею ему пришлось отстаивать и перед заводовладельцем, и перед управляющими Петербургской конторы, которые часто принимали короткие периоды повышения спроса на полосовое железо за долгосрочный процесс. В

1810 г. Данилов писал Демидову: «Ваше превосходительство, желая иметь ныне полосное железо, подымаете против себя то же самое орудие, которое вовлекло Вас в отяготительные долги, по сие время Вас беспокоящие... С тех пор, как готовится на заводах Ваших железо разных сортов и изделия, не видно уже, чтоб что-нибудь валялось без продажи»¹⁷.

В начале XIX в. на Нижнетагильских заводах начались опыты листового проката железа. «Горный журнал» приписывает честь устройства первых листопрокатных машин на Нижнетагильских заводах Абраму Шептаеву¹⁸. Это утверждение, однако, вызывает сомнение. Ни одно из деловых писем Демидова не содержит подобных поручений в адрес Шептаева, хотя, конечно, в организации листокатального производства он участвовал. В 1806 г. Демидов назначил Шептаева третьим приказчиком главной Нижнетагильской конторы, ответственным за техническое состояние заводов. Долго на этой должности, однако, Шептаев не продержался: судя по содержанию одного из писем, он пристрастился к спиртному, был переведен на Висимо-Уткинский завод, где и умер в 1814 году¹⁹. На наш взгляд, главную роль в становлении листового проката у Демидовых сыграл директор заводов Данилов, ведь именно он сопровождал заводовладельца в поездке по металлургическим предприятиям Европы, на его имя присылались в Тагил чертежи, рисунки и модели листокатальных машин. «До делания листового железа [мы] доходили около двадцати лет», — писал Демидов Данилову в 1810 году²⁰. Технология прокатного производства была новым словом в развитии металлургии. Ее внедрение свидетельствовало о начале индустриальной революции в уральской горнозаводской промышленности. Нижнетагильские заводы использовали опыт в основном английских заводов. «Машины листовые, сколько англичане ни содержали в секрете, но временем и трудом мы у них переняли», — писал Демидов²¹. Помимо листокатальных машин, на нижнетагильских предприятиях использовалось и другое оборудование, производившее сортовой металл. В 1814 г., судя по донесению, направленному министру внутренних дел О.Г. Козодавлеву, в округе работали 13 «плющильных» машин, которые изготавливали до 100 тыс. пудов «раскатного» железа²².

Внедрялись в производство и другие новшества. В сентябре 1813 г. планы расширения и улучшения работы на заводах изложил в своей докладной записке Демидову приказчик Матвей Рябов. Записка была отправлена заводчику с замечаниями и дополнениями директора заводов Данилова. Приказчики предлагали построить в округе новую домну и новую плотину на Висимо-Уткинском заводе, увеличить выпуск кос и проволоки, соорудить большую гавань у Усть-Уткинской пристани для судов, перевозивших железо, проложить летнюю дорогу от Нижнетагильского до Висимо-Уткинского завода, которая сократит путь между ними с 70 до 44 верст²³.

Матвей Рябов сыграл большую роль в развитии Выйского завода Демидовых. В начале XIX в. это было небольшое железодельное и медеплавильное предприятие. Его судьбу решила случайная находка. В 1813 г. доменный надзиратель Нижнетагильского завода Клюкинской обнаружил на своем огороде, у подножия горы Высокой, признаки месторождения медной руды. Об этом открытии он донес заводскому приказчику Рябову, а тот — хозяину заводов Демидову. За успешную разработку рудника завододелец пообещал приказчику вольную, а всем отличившимся в работе — хорошее вознаграждение. Матвей Рябов посоветовал заключить контракт на разработку рудника с екатеринбургским специалистом П.И. Дубровиным. Начались долгие переговоры с техником об условиях оплаты. Понимая богатство открытого месторождения (Данилов писал, что Дубровин «называл здешнее место Перу»), екатеринбургский техник пытался за разработку рудника обеспечить себе выплату около 5 тыс. руб. в год. Демидов на эти условия не соглашался, так как годовое

жалование директора Нижнетагильских заводов составляло всего 1 200 рублей. В конце концов, стороны достигли компромисса. Данилов воспользовался сложным положением техника, о котором в одном из писем указывалось: «... человек был богатой и первой гильдии купец, но по превратности счастья и по рыску в торговле своей, а более в разработке разных рудников истощил все свое имение, сделался напоследок банкротом и попал по причине долгов под конкурс»²⁴. Данилов уговорил Дубровина на приемлемую для владельца заводов сумму, и в феврале 1814 г. тот начал изыскательные работы. Данилов характеризовал Дубровина как человека очень усердного — «мы с ним всегда выпачканы грязью». Владелец заводов впоследствии признал большие заслуги екатеринбургского техника в освоении нового месторождения. В 1824 г. он писал: «Ежели бы не Дубровин, то, конечно бы, не знали, что делать с медным рудником»²⁵.

При работавшем на прииске Дубровине постоянно находились четверо учеников старшего класса Выйской школы, которые обучались горному искусству. Их навыки заводовладельцу очень скоро пригодились. Меднорудянский рудник стал интенсивно разрабатываться, что обеспечило резкий подъем выплавки меди. В 1761 г. ее максимальное производство на Выйском заводе составило 2 567 пудов, в 1814 г. — 3 559, в 1815 г. — 30 218, а в 1816 г. — 67 511 пудов²⁶. Заслуги Матвея Рябова были вознаграждены: в 1816 г. он получил вольную и записался в екатеринбургские купцы. После смерти Михайлы Данилова Рябов стал управляющим заводами²⁷.

Анализируя решения Демидова, можно согласиться с утверждением Е. Г. Неклюдова о том, что заводовладелец оперативно и тактически верно реагировал на новые перспективы развития Нижнетагильского округа. Это приносило ему все новые прибыли. Тактически верным, в частности, было утверждение в политике заводчика патерналистского курса по отношению к горнозаводскому населению. «Хотя [попечительские] расходы серьезно обременяли заводской бюджет и повышали себестоимость заводской продукции, последствия его, по мнению Демидова, оказывались более весомыми»²⁸. Хорошо понимая необходимость повышения производительности крепостного труда, Демидов начал активно вводить на Нижнетагильских заводах сдельную и сдельно-прогрессивную оплату труда. Кричные рабочие за производство железа сверх 100-пудовой недельной нормы стали получать двойную плату и так называемые «похвальные» рубли. Директор заводов Данилов писал владельцу: «Сим средством, поверите ли, ваше превосходительство, до того дошли кричные ремесленники, что некоторые, хотя и очень редко, выковывали в неделю до 265 пудов болванки для раскатного железа, а по 200 пудов довольно часто»²⁹.

Подводя итоги, можно отметить, что кризисное состояние Нижнетагильских заводов начала XIX в. ускорило их преобразование. Владелец округа усовершенствовал механизм управления своим огромным горнозаводским имением, расширил ассортимент выпускавшейся там продукции, учитывая требования внутреннего рынка, начал индустриальное преобразование заводов за счет внедрения новой техники и технологий. Оперативно среагировав на новые перспективы развития округа, Демидов стимулировал развитие медной промышленности, что принесло ему впоследствии огромные прибыли, позволило расплатиться по долгам и займам и к концу жизни удвоить свое состояние.

Примечания

1. УШАКОВ И. Ф. К вопросу о развитии черной металлургии Урала в первой половине XIX века. — Исторические науки. 1961, № 3, с. 61.
2. Там же, с. 62.

3. ШИЛОВ А. В. К вопросу о влиянии войн начала XIX века на положение горнозаводской промышленности Урала. — Вопросы истории Урала. Пермь. 1966, с. 90.
4. НЕКЛЮДОВ Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил. 2004, с. 91.
5. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 643, оп. 1, д. 447, л. 137.
6. СМЕТАНИН С.И. Феодалные и капиталистические резервы горнозаводского хозяйства первой половины XIX века (Экономический анализ). — История СССР. 1977, № 1, с. 133.
7. КАФЕНГАУЗ Б.Б. Война 1812 года и ее влияние на социально-экономическую жизнь России (по материалам предприятий Н. Демидова). — Вопросы истории. 1962, № 7, с. 70.
8. ГА СО, ф. 643, оп.1, д. 391, л. 114.
9. НЕКЛЮДОВ Е.Г. Приезд Н.Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 году. В кн.: Тагильский край в панораме веков. Сборник мат-лов краеведческой конференции, посвященной 160-летию Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. Нижний Тагил. 2001, с. 202—209.
10. ЧЕРНОУХОВ Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург. 2011, с. 87—100.
11. ГУСЬКОВА Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск. 1995, с. 31.
12. ГА СО, ф. 643, оп.1, д. 409, л. 74об.
13. Там же, д. 391, л. 223об.
14. ВИРГИНСКИЙ В.С. Фотий Ильич Швецов. М. 1977, с. 30.
15. ЕГО ЖЕ. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М. 1986, с. 67.
16. ГА СО, ф. 643, оп. 1, д. 409, л. 30об.
17. Там же, д. 412, л. 143.
18. КОЛТОВСКИЙ Г. Листокатальное производство в Нижнетагильском заводе г. Демидовых. — Горный журнал. 1844, ч. 3, кн. 9, с. 305.
19. ГА СО, ф. 643, оп. 1, д. 334, л. 197.
20. Там же, д. 412, л. 233об.
21. Там же, д. 409, л. 263.
22. Там же, д. 447, л. 439об.
23. КАФЕНГАУЗ Б.Б. Ук. соч., с. 77.
24. ГА СО, ф. 643, оп. 1, д. 534, л. 109.
25. Там же, л. 109об.
26. Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург. 2001, с. 165.
27. ГА СО, ф. 643, оп. 1, д. 528, л. 38.
28. НЕКЛЮДОВ Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века..., с. 98.
29. ГА СО, ф. 643, оп. 1, д. 447, л. 87.

Образ высшей власти и Московии в музыкально- гимнографическом творчестве царя Ивана IV Грозного

Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева

Аннотация. Образ первого русского царя Ивана IV Грозного — один из наиболее востребованных в художественном творчестве и научном поиске. Национальная идентичность, «русскость» образа царя базируется на таких архетипических основаниях как его верность Православной вере, оживление при нем мессианских идеологем «Москва — Новый Иерусалим» и «Москва-Третий Рим», обожествление царской власти и легитимизация ее права на жестокое насилие по отношению к внешним и внутренним врагам. В литературно-публицистических произведениях, посланиях, переписке Грозного ярко проявляется осознание им роли власти самодержца, который «воцарихомся Божиим велением», что вполне соответствует модели царства, которая сформировалась в соответствии с основными принципами византийского православного учения об императорской власти. В работе на основе комплекса рукописных источников впервые исследуется проблема воплощения образа высшей власти в музыкально-гимнографическом творчестве царя.

Ключевые слова: древнерусское музыкально-гимнографическое искусство, авторское творчество, образ высшей власти, образ Российского царства.

Abstract. The image of the first Russian Tsar Ivan IV the Terrible is one of the most sought-after in artistic creation and scientific research. National identity, «Russianness» of the tsar's image is based on such archetypal basis as his commitment to the Orthodox faith, the revival of messianic ideas of Muscovy as the Third Rome and the New Jerusalem during his reign, the deification of tsar's power and its legitimization of brutal violence against external and internal enemies. In the writings of Ivan IV the Terrible, letters, correspondence it is brightly shown his understanding of the role of the power of the autocrat, who "began to reign by God's will". It is consistent with the model of the state (tsardom), which was formed in accordance with the basic principles of the Orthodox Byzantine imperial power doctrine. Based on extensive written sources, the authors of this work have for the first time examined the problem of realization of the supreme power image in the Ivan the Terrible musical hymnographic creativity.

Key words: Old Russian church-chanting art, creativity of authorship, the image of the supreme autocratic power, the image of the Muscovy Tsardom.

Парфентьев Николай Павлович — доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет). Челябинск. E-mail: parfentevnp@susu.ru; *Парфентьева Наталья Владимировна* — доктор искусствоведения, профессор Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет). Челябинск. E-mail: parfentevanv@susu.ru.

Parfentiev Nikolai P. — doctor of historical sciences, doctor of art, professor of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: parfentevnp@susu.ru; *Parfentieva Natalia V.* — doctor of art, professor of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: parfentevanv@susu.ru.

«Муж чюдного разсужения, в науке книжняго почитания доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель,... воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше. Таков бе царь Иван...» — писал в начале XVII в. князь Иван Катырев-Ростовский.

Образ высшей власти в понимании первого русского царя Ивана Грозного проступает в целом ряде его литературно-публицистических произведений, его посланиях, переписке ¹. В творениях Грозного ярко проявляется осознание им роли самодержца, который «воцарихомся Божиим велением». Согласно его представлениям, «Российское царствие» унаследовало «искру благочестия» от византийского «царя» Константина ². Теоретическое обоснование положений «Москва — новый град Константина», «Москва — третий Рим», происхождения русских государей от «сродника Августа-кесаря» легендарного Пруса в дальнейшем активно разрабатывалось.

Период правления царя Ивана IV отмечен особым подъемом церковно-певческого искусства. Олицетворяя высшую власть в «Российском царствии», унаследовавшем «благочестие» от Византии, он избирает примером для подражания не только политику византийских императоров по укреплению власти государя, но и сферу их духовной деятельности. Известно, что византийские василевсы нередко создавали церковно-певческие произведения, что являлось в империи важнейшим видом профессионального музицирования. Иногда они выступали в роли не только авторов поэтических текстов и музыки (Лев VI Мудрый), но и в качестве исполнителей своих песнопений (Феофил). В IX—X вв. завершился процесс формирования богослужебного обряда, обильно сопровождавшегося хорovým пением. Приняв на себя миссию хранителя истинного Православия, Московское царство должно было следовать и этим традициям.

Первый русский царь активно выступал в роли писателя-публициста, гимнографа, редактора официальной летописи, любителя книжности ³. Как государственный деятель царь Иван должен был заботиться и о церковном пении, его содержании и состоянии: в те времена оно являлось действенным средством идеологического воздействия и нравственного воспитания. Особое значение в его духовной жизни стало приобретать и музыкальное творчество. Именно с его правлением связаны первые документальные свидетельства о возрождении традиций византийских василевсов по созданию песнопений. Ему приписываются отдельные песнопения к двум праздничным певческим циклам: к службе в честь митрополита всея Руси Петра и службе в честь иконы Владимирской Богородицы ⁴. Специальное исследование показало, что с наибольшей вероятностью царю Ивану принадлежит только знаменная версия приписываемых ему стихир. Создавая свои циклы стихир, державный гимнограф воплотил в них древнейшие традиции древнерусского певческого искусства XI—XII вв., идущие из Византии.

При рассмотрении данной темы особое внимание привлекает третья стихира его певческого цикла, посвященного Владимирской чудотворной иконе Богородицы. Этот цикл был включен в церковную службу в честь перенесения из Владимира и «сретения» этой иконы в Москве 23 июня 1480 г. в преддверии нашествия татарского хана Ахмата. Цикл состоит из трех стихир на подобен-образец 1-го гласа «О дивное чудо»: «О великое милосердие», «Дивное твое милосердие» и «Твое славяте заступление» ⁵.

Обращение государя к подобну «О дивное чудо» обусловлено древнерусской традицией ⁶. По этому образцу были созданы циклы стихир на Успение, Покров, Рождество, Введение и Благовещение Богородицы, широко бытовавшие в рукописях на протяжении многих веков. Во времена, предшествующие годам жизни и деятельности Грозного, существовали и иные циклы стихир, распетые на данный подобен. Державный гимнограф воспринял ряд словесно-

музыкальных формул, прежде всего, из самого подобна, из богородичных стихир Успению и Покрову, а также из святительских стихир Петру и Алексию, деятельность которых была направлена на укрепление Московского царства. Отбор источников для создания своих стихир царь осуществлял с большой тщательностью. Очевидно, не последнюю роль в этом играли интересы государственного значения. Так, активное привлечение материала из службы Покрова Богородицы, а значит нахождение в этом празднике аналогии Сретению Владимирской иконы, имело свою логику. Оба праздника близки в смысловом отношении, так как отражают чудесное спасение православных христиан от нашествий (чудо явления Богородицы с омофором в Константинополе и чудеса Владимирской иконы на Руси), когда враги действительно отступали от осажденных городов. Привлекая текст из песнопений особо почитаемого на Руси праздника Покрова, царь подчеркнул и равновеликое значение двух праздников — Покрова и Сретения Владимирской иконы Богородицы — для Русского государства.

Наиболее полно образ высшей власти, а также места ее нахождения — Московии как Нового Иерусалима — раскрыт в третьей стихире цикла, представляющей собой одиннадцатистроичную музыкальную композицию.

1. Твое славяте *заступление*.
2. *Архиереи и священницы, царие и князи.*
3. *Инокы же и причетницы, и всенародное множество.*
4. *Со женами и младенцы.*
5. *О святеи иконе твоєи хвалящєся.*
6. Припадаюте *велможы.*
7. *С воинствы русскими зовуще.*
8. Обрадованная радуися.
9. С тобою Господь.
10. Подаяи *намо.*
11. Тобою велию милость ⁷.

Это песнопение в целом основано на третьей стихире Успению Богородицы (ставшей образцом-подобном) при незначительном использовании стихир митрополитам Петру и Алексию, а также Покрову ⁸. Такое «уподобление» песнопений неслучайно: праздник Успения Богородицы — престольный праздник главного собора Московского царства — Успенского, который был домом Владимирской иконы (как ранее Владимирский Успенский собор). Таким образом царь еще раз подчеркнул высокий государственно-религиозный статус русского богородичного праздника Сретения чудотворной иконы Богородицы.

Свою земную иерархическую структуру русского общества царь выстраивает как проекцию небесной иерархии (восходящей к ее описанию Дионисием Ареопагитом) из третьей стихире Успению Богородицы.

1. Твое славяте *успение.*
2. *Власти и престоли, начала и господства.*
3. *Силы и херувимы, и страшная серафимы.*
4. *Веселятеся земени*
5. *О божественеи ти славе кращєся.*
6. Припадаете *царие*
7. *Со архаггелы и аггелы поюще*
8. Обрадованная радуися,
9. С тобою Господе.
10. Подаяи *мирови*
11. Тобою велию милость.

Царь сопоставляет с небесными чинами слои русского общества. Тем самым на основе древней традиции им разрешается сложный вопрос о земной иерархии. Ясно, что это мог себе позволить человек, обладавший верховной властью над этим обществом.

Его песнопение начинается строкой «Твое славяте заступление». Если в первых двух стихирах цикла державный гимнограф воспевал милосердие Богородицы, то в третьей славит заступление. Оно произошло чудесным образом. В этом состоит главное значение, итог моления. Далее в духе средневековой иерархии перечислены все русские люди, «хвалящиеся» о святой иконе. Два слова «архиереи» и «князи» взяты из стихир митр. Петру, но между ними царем вставлены слова «священницы, царие», которых нет ни в одном источнике. Грозный ввел их самостоятельно. Таким образом, на вершине общества им располагаются служители церкви — «архиереи и священницы», занимающие положение, сопоставимое с «властями и престолами» горнего мира, которые поддерживают престол Господа, а земные «царие и князи» сопоставлены с «началами» и «господствами» (вторые строки стихир). «Иноки и причетницы» соотносятся с многочисленными «силами, херувимами и серафимами» (третьи строки). Проводя такие параллели возвышенного и земного, царь духовно поднимает Россию. Вся его иерархическая система завершается обобщением: «И всенародное множество / Со женами и младенцы» (строки 3—4). Оно взято из стихир митр. Петру («и всенародныме множеством»), но царь добавил от себя 4-ю строку: «Со женами и младенцы». Он включил в свое молитвенное песнопение самых беззащитных, чтобы Богородица не оставила и их своим «заступлением».

Во второй части его третьей стихире, в 6-й и 7-й строках, царь особо выделяет среди молящихся вельмож и воинов. Он вновь возвращается к успенской стихире. Вельможи (военачальники) в земной жизни заняли место святых (библейских) царей, русское воинство — архангелов и ангелов. Почти зрительно выстраивается удивительная религиозно-символическая картина действительно всенародного моления, воплотившаяся в ряде богородичных икон (Покров, Сретение Владимирской иконы).

Свидетельством того, что царь неслучайно сопоставляет небесные и земные чины в представленном здесь порядке, является, например, соотнесение архангелов и ангелов с русскими воинами. Наиболее ярко эта ассоциация находит аналогии в известной иконе времени Ивана Грозного «Благословенно воинство небесного царя», располагавшейся некогда рядом с Царским местом в Успенском соборе Московского Кремля. Общепризнанным является истолкование ее сюжета как изображения возвращения русского войска в Москву после победного Казанского похода 1552 года. Известно, что накануне этого похода (13 июля) митрополит Макарий обратился ко всем его участникам. Он возвестил, что воины, оставшиеся в живых, получают от Бога отпущение грехов, а также здоровье и долголетие. Те же воины, которые погибнут, «очистят свою душу от грех и восприимут от Господа Бога... вхождение вышняго града Иерусалима в наследие... с мученики и со ангелы»⁹. Таким образом, изображенные на иконе конные и пешие воины без нимбов — это оставшиеся в живых участники похода, воины с нимбами — те, кто сложил головы в сражениях и удостоился венца мученика, ангельского чина¹⁰. Как видим, царь неслучайно поставил в своей стихире русское воинство на то место, которое в подобие (стихире Успению) занимают архангелы и ангелы (строка 7).

Учеными издавна отмечалось, что в своих посланиях Грозный постоянно играет какую-либо роль, в соответствии с чем изменяется и стиль его текстов. Чувствуя себя человеком высокого государственного предназначения — самодержцем всея Руси, которому Богом «Российское самодержавство» передано «от прародителей», который волен «своих холопей» и «жаловати», и «казнити»¹¹ — он с уверенностью определяет им место в социальной иерархии. Как и в некоторых других произведениях, здесь он прибегает к сопоставлению библейских персонажей с современными ему. Так в представленной им конструкции в рассмотренном нами гимнографическом произведении отражается понимание

царем своей самодержавной власти государя как особой верховной власти, данной свыше над всеми слоями общества в государстве. Как в небесах Господь Бог окружен различными бесплотными силами и предстоятелями (подобную картину Грозный воспроизводит и в своем первом послании к А. Курбскому¹²), так и царь-самодержец в своем царстве окружен различными предстоящими «разного чина» у его престола.

Таким образом, несмотря на жесткие канонические рамки создания стихир на подобен, Иван Грозный проявил значительную степень свободы творчества в раскрытии образов. Как бы незримо здесь присутствует и образ верховной власти в понимании самого царя. Автору присущи глубокое осмысление исходных источников, художественность их обработки, образованность, выраженная в знании традиций и в творческом их претворении. По сравнению с предыдущими стихирами царь в новых исторических условиях, выполнив сложную работу над источниками и сплавив их части воедино обновленными смысловыми модуляциями, придает своим произведениям государственное звучание. На основе фундаментального принципа подобия он переносит небесную иерархию Нового Иерусалима на жителей Москвы, создавая сложную проекцию небесного и земного, уподобляя столицу Московии Святому граду. Благодаря мастерству автора стихир стали прекрасным образцом сотворения новых смыслов на основе традиций.

Примечания

Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление №211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011.

1. См.: ПАНЧЕНКО А.М., УСПЕНСКИЙ Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. М. 2002, с. 457—478; ЛУРЬЕ Я.С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана Грозного. В кн.: Послания Ивана Грозного. СПб. 2005; ВАЛЬДЕНБЕРГ В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М. 2006, с. 273—289.
2. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. 1979, с.12.
3. См.: ШМИДТ С.О. Российское государство в середине XVI в. М. 1984; ЛИХАЧЁВ Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л. 1986, с. 361—377; РАМАЗАНОВА Н.В. Тропарь и кондак «князю Михаилу Черниговскому: Творение Иоанна, богомудраго царя, самодержца российского». Литература Древней Руси: Источниковедение: сб. научных трудов. Л. 1988, с. 107—116; АМОСОВ А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М. 1998.
4. АРСЕНИЙ, иер. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Т. 2. М. 1878, с. 146; ЛЕОНИД, архим. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота Российского. По рукописи Троице-Сергиевой лавры № 428. СПб. 1886.
5. Сергиев-Посадский музей-заповедник (СПМЗ), № 274, л. 278об.—279.
6. В древности это песнопение включалось в службу Успению Богородицы как первая в цикле стихир «на хвалите». Две следующие за ним стихиры имели ремарку «подобен», что означало, что они созданы по ее подобию (РГБ, ф. 113, № 3, л. 212). В дальнейшем подобным стали обозначать модель-образец.
7. Курсивом выделен авторский текст царя Ивана Грозного.
8. Для сравнения привлекались стихиры, с которыми царь был знаком и использовал как источники в своем творчестве, напр.: митр. Алексею (РГБ, ф. 304, № 414, л. 528); Покрову Богородицы (л. 357); митр. Петру (л. 581); Успению Богородицы (л. 572—572об.).
9. Полное собрание русских летописей. Т. 29. М. 1965, с. 89—90.
10. КОЧЕТКОВ И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного царя»). Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. 38. Л. 1985, с. 185—209.
11. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 26.
12. Там же, с. 55.

Переселенческая политика Арабского Халифата в Азербайджане

Р.Э. Агаев

Аннотация. В середине VII в. Азербайджан подвергся арабскому завоеванию. Лишь после 100-летней борьбы завоевателям удалось включить Азербайджан в состав Арабского Халифата. Правящие круги Арабского Халифата вели в Азербайджане политику арабизации, но она не увенчалась успехом. Напротив, арабы позже ассимилировались с местным населением и восприняли его культуру. Сохранившиеся до сих пор арабские названия ряда сел Азербайджана свидетельствуют о том, что в этих местах некогда существовали поселения арабских колонистов. Однако арабское завоевание и переселенческая политика правящих кругов Халифата оставили глубокие следы в социально-экономической, политической, религиозно-идеологической, культурной, этнической жизни Азербайджана и привели к ряду этнокультурных последствий.

Ключевые слова: Азербайджан, Арабский Халифат, Ислам, переселенческая политика, этнокультурные последствия, источники.

Abstract. In the mid of VII century Azerbaijan was exposed to the Arab invasion. Conquerors managed to conquer Azerbaijan only after 100 years. Azerbaijan was amalgamated to the Arab Caliphate. The ruling circles of the Arab Caliphate were pursuing policy of Arabization in Azerbaijan, but it failed. On the contrary, later the Arabs were assimilated with the local population and adopted its culture. Arab names of some villages of Azerbaijan that have remained up to the present show that in these places once existed the settlement of the Arab colonists. However, the Arab conquest and resettlement policy of the ruling circles of the Caliphate left deep traces in socio-economic, political, religious-ideological, cultural, ethnic life of Azerbaijan and led to a number of consequences.

Key words: Azerbaijan, Arab Caliphate, Islam, resettlement policy, ethno-cultural consequences, sources.

Пестроту этнического состава населения современного Азербайджана можно объяснить как геополитическим положением страны, так и переселенческой политикой различных империй, существовавших на Ближнем и Среднем Востоке в различные периоды истории. Например, в III—VII вв. Азербайджан входил в

Агаев Рамил Эйюб оглы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: Ramilmahir@gmail.com.

Agayev Ramil Eyyub oglu — doktor of philosophy on history, leading researcher of the Institute of History named after A.A. Bakikhanov. National Academy of Sciences of Azerbaijan. E-mail: Ramilmahir@gmail.com.

состав империи Сасанидов, и правители этой державы переселяли сюда массы ираноязычного населения, а со второй половины VII столетия Азербайджан находился в составе Арабского Халифата и халифы направляли в страну арабов.

Первый этап арабской оккупации стран Ближнего и Среднего Востока, в частности территории Азербайджана, завершился во второй половине VII века. Однако после первых завоеваний арабы не смогли окончательно укрепиться в оккупированных странах. Почти в течение всего VIII столетия продолжались арабо-хазарские войны за овладение Азербайджаном, которые шли с переменным успехом.

Включение Азербайджана в состав Арабского Халифата привело к определенным изменениям в этнополитической картине страны. Как Сасанидские шаханшахи, так и арабские халифы высоко ценили благоприятное геостратегическое положение Азербайджана, поэтому для защиты и укрепления своих позиций в регионе они вели активную переселенческую политику. Правящие круги Арабского Халифата разместили здесь арабские гарнизоны и приступили к созданию арабских поселений.

Переселенческая политика арабской администрации преследовала несколько целей: постепенная исламизация местного населения, усиление этнической позиции на завоеванных территориях, защита границ новой империи и поддержание порядка в завоеванных странах.

В арабоязычных письменных источниках нет никаких конкретных сведений о целенаправленном, планомерном переселении определенных арабских родов и племен на территорию Азербайджана в период первых арабских завоеваний¹. Однако более внимательное исследование источников показывает, что уже с момента первых завоеваний арабы не покинули оккупированные территории, намереваясь остаться там надолго. Следует отметить, что многие арабские воины брали в походы свои семьи.

Тем не менее, переселение многочисленных арабских родов и племен на территорию Азербайджана и распространение арабского языка в период существования Арабского Халифата не привели к арабизации населения страны. Основными причинами этого явления были следующие:

- 1) несмотря на ширококомасштабный характер переселений, местных жителей было намного больше пришлого арабского населения;
- 2) основную массу арабских переселенцев составляли воины, которые погибали в войнах с хазарами;
- 3) по сравнению с арабами местное население находилось на более высоком уровне развития хозяйства, социальной жизни, политики и культуры.

Однако арабские завоевания и переселенческая политика правящих кругов Халифата оставили глубокий след в социально-экономической, политической, религиозно-идеологической, культурной, этнической жизни Азербайджана и привели к ряду последствий: различные этносы (тюрки, ираноязычные и кавказоязычные) приняли новую религию Ислам, которая приобщила их к единой мусульманской общине (уммат); в духовном мировоззрении местного населения стали формироваться мусульманская культура и образ жизни мусульман; произошли некоторые изменения в этническом составе — арабы, являющиеся представителями новой, семитской, семьи языков, начали занимать определенное место на этнической карте страны; в социальном составе населения Азербайджана произошел ряд изменений, появились новые термины социального содержания, а в лексиконе значительно усилилось влияние элементов арабского языка.

Исследования свидетельствуют о том, что как накануне арабских завоеваний, так и в начальный период утверждения Арабского Халифата местное население Азербайджана, независимо от этнической принадлежности, относилось к

различным религиозным верованиям. Абсолютное большинство арабоязычных авторов отмечает, что в это время в Азербайджане и в сопредельных странах жили народы, которые в основном следовали пяти религиозным верованиям: огнепоклонничество; христианство; иудаизм; сабитство; многобожеское идолопоклонство. Арабы-мусульмане признавали только христиан и иудаистов «ахл ал-китаб» («имеющими священную книгу»).

Отношение арабов, опирающихся на аяты Священного Корана к другим религиям было однозначным: они считали, что последняя монотеистическая религия — Ислам — должна распространяться во всемирном масштабе, а приверженцы христианства и иудаизма, живущие на территориях завоеванных ими стран, должны или принять Ислам, или же оставаться верными своим религиям, выплачивая «джизью» (подушный налог). Остальные религиозные верования на территории Арабского Халифата должны были быть запрещены.

Но сделать это быстро, навязав Ислам местному населению завоеванных стран насильно, было сложно². Процесс устранения старых религиозных верований и утверждения Ислама в северной и южной частях Азербайджана оказался длительным.

Исследования свидетельствуют о том, что во второй половине VII в. Ислам приняла часть населения Азербайджана, а во второй половине VIII столетия — большинство населения страны. Следует отметить и то, что жители некоторых городов страны приняло новую религию еще в годы первых арабских завоеваний. Например, ал-Балазури отмечает, что уже в период правления халифа Али (656—661) часть населения Азербайджана приняла Ислам и читала священную книгу Коран³. Это обстоятельство относилось как к тюркам, так и другим этносам Азербайджана.

По мнению большинства исследователей, распространение Ислама происходило двумя путями: силой оружия (анватан) и заключением мирных договоров (сулхан).

Заметный перелом в процессе массового принятия Ислама на территории Арабского Халифата наступил только после правления династии Омейядов (661—750). Омейяды создали благоприятные условия для распространения Ислама, а в период правления династии Аббасидов этот процесс ускорился. В.Р. Розен, обративший внимание на эту проблему, в качестве примера приводит следующие слова арабского мюнаджима (астролога, звездочета) X в. Ибн Абу Тахира: «Власть перешла от Омейядов к Аббасидам, и исчезло поклонение дехган магамчародеям и в период правления Абу Муслима они приняли Ислам»⁴.

Гуманистические идеи исламской религии, небольшой объем налогов, взимаемых арабами с покоренных народов, лояльное отношение арабских властей к обычаям и традициям других этносов и племен, попытки определенных кругов, слоев и сословий воспользоваться арабами, владеющими политической властью, и некоторые другие факторы повышали симпатии к Исламу и привели к принятию этой религии местным населением.

Официальные круги Арабского Халифата были убеждены в том, что «исламскую религию следует распространить по всему миру». Однако арабы старались внедрять Ислам мирным путем. «Даже грузины признаются в том, что в период правления арабов христианство было распространено в Грузии больше»⁵. В отношениях с христианами и иудаистами арабы-мусульмане соблюдали положение второй суры — «Бегере» — священного Корана: «Ла икраха фи-д-дин» («нет принуждения в религии») ⁶. Арабы-мусульмане, опирающиеся на ряд аятов «Корана», при завоевании определенной страны предоставляли местному населению время для размышлений, брали на себя обязательство защитить личную жизнь и собственность покоренного населения.

Исламская религия принесла в Азербайджан и сопредельные страны ряд новых понятий социального и религиозного содержания, превратившись в идеологическую силу, объединяющую народы. Следует отметить, что тюрки, принявшие Ислам, были в основном идолопоклонниками.

подавляющее большинство христиан Азербайджана не отсеклось от христианской религии. Однако в сравнении с мусульманами их было значительно меньше. Интересно, что в средние века, в условиях господства Ислама христианство не было запрещено, даже в северо-западных регионах Азербайджана были созданы благоприятные условия для его существования и развития.

До установления власти арабов в Албании был упразднен закон, запрещавший брак между идолопоклонниками и христианами, живущими в стране. Отмена этого закона явилась важным новшеством, имевшим огромное значение для углубления этнокультурных процессов в Азербайджане, формирования азербайджанского народа.

Новую историческую сущность обрели межплеменные отношения, взаимосвязи между народами, принадлежавшими к различным религиозным верованиям. «Отмена запретных религиозных законов, узаконение двусторонних, межобщинных браков создали и сформировали образ всенародного поведения. Страна вступила в новый этап своей этнокультурной истории»⁷. С утверждением Ислама это религиозное единство еще более усилилось — как тюркские, так и нетюркские народы Азербайджана объединились вокруг единой исламской религии. Это обстоятельство сыграло огромную роль в последующем историческом развитии и судьбе народов, живущих на территории Азербайджана. После этого единения в социально-политической, культурной жизни населения страны наступила эпоха раннего Возрождения⁸.

Переселенческая политика официальных кругов Арабского Халифата оказала определенное влияние также на этнический состав страны.

В результате реформ халифа Абдулмалика (685—705) с конца VII в. арабский язык, являющийся языком новой религии, превратился в официальный, государственный. Однако это не привело к замене языка общения населения страны. Еще ибн Халдун отмечал, что в отличие от таких стран, как Египет, Шам, «в странах дальше Ирака этот язык не стал господствующим»⁹.

Ряд западных исследователей (Дж. Хоутинг, Х. Кеннеди, М. Ходсон, Э. Даниель) отмечает, что арабы, переселенные на земли Азербайджана, в течение определенного времени жили в изолированных от местного населения условиях¹⁰. Процесс постепенного слияния арабов с тюрками шел очень медленно¹¹. Вместе с тем, несомненно, что арабы оставили своеобразный след в этнокультурной истории Азербайджана. Общеизвестно, что правители Дербента, бывшие зависимыми от Ширваншахов, до XII столетия носили фамилию Сулами¹².

В названиях населенных пунктов, где когда-то жили арабы, до сих пор остается слово «араб». Жители некоторых таких сел до конца XIX в. называли себя «арабами». В антропологическом отношении они отличались от остальных жителей. Многие «азербайджанские арабы», проживавшие в этих населенных пунктах, выращивали верблюдов, и это занятие осталось им в наследство от предков, обитавших раньше в пустынях Аравийского полуострова. По сведениям жителей этих сел, часть населения указанных населенных пунктов до середины XIX столетия говорила «на испорченном арабском языке»¹³. А.А. Бакиханов (1794—1846) отмечал: «В Кубинском уезде две, в Дербендском — одна и в Шекинском — две деревни, а в Ширванском обитает большое племя, которое носит название Араб, что может говорить об их происхождении. Одна часть ширванских арабов и поныне говорит между собой на испорченном арабском языке»¹⁴.

В переписях населения, проводимых в Российской империи в XIX — начале XX в., и в трудах различных авторов (Н.К. Зейдлица, Г.Ф. Чурсина,

А.Ф. Лейстера, Д.Д. Пагирева, М.Г. Алкадари, П.К. Жузе и др.), проводивших этнографические исследования на Кавказе, в частности в Северном Азербайджане, отмечен ряд топонимов со словом «араб».

В ряде случаев арабы сами давали названия населенным пунктам. Некоторые из них существуют поныне: Араббабашлы, Араблымамед, Арабхамйа, Араблархалифа, Арабли, Арабкеймураз, Арабдахна, Арабхаджы (Кубинский район); Араблар, Арабушагы, Арабгедим, Арабшамлы, Арабшахверди (Шемахинский район); Арабгияслы, Арабчалтикчи, Арабсарван (Кюрдемирский район); Араббабирхана, Арабгардашхан, Арабгардашбейли (Сальянский район); Араб, Арабсарван, Арабджабирли, Арабхана, Арабмехдибейли, Арабшахверди (Геокчайский район); Араб (Ленкоранский район); Араб, Арабкукел, Араббасара, Арабоджагы, Арабшеки, Арабшейх (Агдашский район); Араб, Арабли (Лачынский район); Арабли (Гедабекский район); Араб-Енгидже (Шарурский район)¹⁵. На территории некоторых из них были проведены археологические раскопки и исследования¹⁶.

До начала XX столетия на территории Шеки и Дербента существовали села под названием «Араблар», а в Ахтынской области (в нынешнем Южном Дагестане. — *Р.А.*) было село Курейш¹⁷.

Арабы, переселенные в Азербайджан, привезли с собой и некоторые топонимы своих предков, бывшей, старой родины. Можно предположить, что название села Хилла (Сальянский район) связано с племенами «рабии», переселенными в Северный Азербайджан из населенного пункта Хилла в Ираке¹⁸. В топонимике Абшеронского полуострова также встречается топоним «Хилла». Например, старожилы села Амирджан и сейчас называют его Хила¹⁹.

Этнонимы «хебеш», «хебеш» и «зенги» (арабы так называли темнокожих жителей Эфиопии. — *Р.А.*) могли появиться в топонимике Азербайджана и Ирана также после арабского завоевания. Они больше встречаются в южном Азербайджане. Этнонимы «хебеш», «хебеш», «зенги» зафиксированы в следующих названиях южного Азербайджана: Хебеш, Серчешмехебеш, Хебеш, Зенги-Хаджы-Эскер²⁰.

Арабский язык повлиял и на названия различных неарабских населенных пунктов, основанных местным населением Азербайджана. Например, в составе ряда географических названий, топонимов (Бина, Гала, Маариф, Расуллу, Рахимли, Навахи, Гиблядаг, Тюрбачай, Галакенд, Велиоба, Зияратчай, Сейидгышлаг, Хаджытепе, Эмирмахмуд, Меликкасымлы и др.) присутствуют элементы арабского языка²¹.

Утверждение Ислама в стране оказало заметное влияние и на культуру азербайджанского народа²². В Азербайджане появился многочисленный слой интеллигенции, создающей литературные произведения, научные труды на арабском языке. Исламизация основной массы народа оказала свое влияние на различные области искусства (музыка, архитектура, градостроительство), на быт и образ жизни населения.

В архитектуре Азербайджана усилились элементы исламского зодчества, расширилась сеть мечетей. С VIII—X вв. в доисламских святилищах Абшеронского полуострова начали постепенно появляться исламские элементы. Многие доисламские святилища стали носить названия, связанные с исламской религией (Алиайагы, Пираллахы и др.)²³.

Арабский язык превратился в государственный язык Халифата и начал играть роль средства международного общения, связывающего различные народы огромной империи. Сфера влияния арабского языка постепенно расширилась. По мнению Н.М. Велиханлы, этому обстоятельству значительно благоприятствовали многоязычность населения Азербайджана, отсутствие единого языка в стране, принятие в законодательном порядке арабского языка,

обязательного для всех подданных империи. Делопроизводство на арабском языке вынуждало азербайджанских чиновников выучить арабский язык²⁴. Человек, не знавший арабского, не мог занимать даже обычные должности. Это было характерным явлением не только для Арабского Халифата, но и для всех империй, существовавших в средние века, ибо считалось, что каждый государственный чиновник должен хотя бы уметь читать различные указы, постановления, а также документы делопроизводства, составляемые на государственном языке в центре державы и отправляемые в области, провинции империи.

Постепенно народы покоренных стран перестали принимать арабский как язык новых завоевателей и его знание превратилось в показатель культуры. В тот период уже считалось, что Коран может быть составлен только на арабском языке и только на нем следует учить эту священную книгу Ислама. Эти требования значительно расширили ареал использования и усвоения арабского языка²⁵.

Переселенческая политика официальных властей Арабского Халифата, размещение арабоязычного населения в Азербайджане оставили глубокий след в разговорном языке местного населения, словарном составе азербайджанского тюркского языка. Арабский язык оказал определенное влияние на лексический состав, фонетическую и грамматическую структуру языков других народов, входивших в состав Халифата.

Часть арабских слов, перешедших в азербайджанский тюркский язык, постепенно укрепилась и употребляется поныне²⁶. Многие арабские слова обрели новую форму и содержание, были приспособлены, адаптированы к азербайджанскому тюркскому языку.

Поселение арабов в Азербайджане оказало определенное влияние и на быт местного населения. К древним обычаям и традициям азербайджанского народа прибавились особенности исламской религии. Постепенно сформировались правила поведения и образ жизни, соответствующие религиозным нормам Ислама.

Массы арабоязычного населения, переселенные в Азербайджан, подверглись ассимиляции и постепенно «растворились» среди других народов, в частности тюрков и персов. Иными словами, об этнической «арабизации покоренных арабами народов» не может быть и речи. По сведениям всех источников, арабы были в абсолютном меньшинстве в обеих частях Азербайджана. Ибн Хаукал (умер в 977 г.), говоря об арабском населении, живущем в Азербайджане, указывает именно на этот факт. Он отмечает, что территория от Дахергана и Тебриза до Ушну-Азерийе и его окрестностей известна как «владения бени Рудиния»²⁷. Развивая свою мысль, Ибн Хаукал отмечает, что «они были арабами, однако впоследствии судьба отвернулась от них, они потерпели поражение и пали, от них остались только следы, кроме мизерных сведений от них ничего не осталось»²⁸. Как видно, еще задолго до Ибн Хаукала в Азербайджане от арабского населения остались только определенные следы. Арабы слились с местным населением до такой степени, что в XX в. в Азербайджане не осталось ни одного арабоязычного населенного пункта.

Таким образом, переселенческая политика официальных кругов Халифата, проведенная в Азербайджане, привела к большим изменениям в религиозной жизни местного населения — Ислам утвердился на территории страны. Эта политика в определенной степени оказала влияние и на духовную жизнь и мировоззрение населения Азербайджана, но не смогла изменить этнический облик и язык местного населения страны.

Примечания

1. БУНИЯТОВ З.М. Азербайджан в VII — IX вв. Баку. 1989, с. 162.
2. КЕННЕДИ Х. Великие арабские завоевания. М. 2010, с. 455.
3. ВЕЛИХАНЛЫ Н.М. Арабский Халифат и Азербайджан. Баку. 1993, с. 68; КОЛЕСНИКОВ А.И. Завоевание Ирана арабами. М. 1982, с. 174.
4. БУНИЯТОВ З.М. Ук. соч., с. 87.
5. ЗЕЙНАЛ ОГЛУ ДЖ. Краткая история Азербайджана. Баку. 1992, с. 17.
6. КОРАН. I, 256.
7. АЛИЯРЛЫ С.С. Наша история с необъясненными страницами. Баку. 2012, с. 47.
8. МАХМУДОВ Я.М. История Азербайджана. Период раннего ренессанса (II половина IX века — начало XIII вв.). Баку. 2008, с. 5; БАЛАЕВ А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX—XX вв. М. 2012, с. 36—37.
9. ИБН ХАЛДУН. Китаб ал-ибар ва диван ал-мубтада. Т. 1. Бейрут. 1421, с. 125.
10. КАФАР-ЗАДЕ Л.Р. Проблемы этнополитической истории Азербайджана в период господства Арабского Халифата в англоязычной литературе. — Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013, т. 4, № 4, с. 56—57.
11. ПАХОМОВ Е.А. О Дербендском княжестве XII—XIII вв. Т. 1. Баку. 1930, с. 7—8.
12. Там же, с. 4.
13. БУНИЯТОВ З.М. Ук. соч., с. 169. ЖУЗЕ П.К. Арабские племена в Азербайджане. Архив Института истории АНАН, инв. № 509, с. 15.
14. БАКИХАНОВ А.А. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1991, с. 21—22.
15. АШУРБЕЙЛИ С.Б. Государство Ширваншахов (VI—XVI вв.). Баку. 2006, с. 28—29; БУНИЯТОВ З.М. Ук. соч., с. 169; ЖУЗЕ П.К. Ук. соч. с. 17—18; ПАГИРЕВ Д.Д. Алфавитный указатель къ пятиверстной карте Кавказскаго края, издания Кавказскаго Военно-Типографческаго Отдела. Тифлисъ. 1913, с. 17; САВИНА В.И. Этнонимы и топонимы Ирана. Ономастика Востока. М. 1980, с. 143.
16. ДЖАБИЕВ Г.Дж. История Гирдмана (VI—IX вв.). Баку. 2010, с. 163.
17. АЛКАДАРИ Г. Китаб Асари Дагестан. Петербург. 1902, с. 37.
18. МИРЗА-ЗАДЕ Ч.Х. Топонимы Азербайджана в средневековых арабских географических источниках. Баку. 1988, с. 24.
19. АШУРБЕЙЛИ С.Б. Ук. соч., с. 29.
20. САВИНА В.И. Ук. соч., с. 143—144.
21. МИРЗА-ЗАДЕ Ч.Х. Ук. соч., с. 17—19.
22. ГАСЫМОВ Х.С. Культура Азербайджана в средние века. Баку. 2008, с. 106.
23. АШУРБЕЙЛИ С.Б. История города Баку (Период средневековья). Баку. 1992, с. 86.
24. ВЕЛИХАНЛЫ Н.М. Ук. соч., 73—74.
25. Там же, с. 74.
26. МИРЗА-ЗАДЕ Ч.Х. Ук. соч., с. 27—28.
27. ИБН ХАУКАЛ. Китаб сурат ал-ард. Ч. 2. Лейден. 1939, с. 337.
28. Там же.

Contents

Articles: **S.E. Fyodorov.** Formation of the British aristocracy in the early XVII century. **Historical profiles:** **L.I. Ivonina.** Augustus the Strong. **Contributions:** **Yu.N. Timkin.** «Lapinskaya overturn» in Vyatka, in March 1918; **G.B. Azamatova.** Local authorities of food supply of army and population in 1914—1917 (on materials of the Ufa province); **D.V. Vasilyev.** The fate of Tashkent on the eve of the formation of the Turkestan Governorate General; **I.A. Maltsev.** A case of “discharge by court from slavery” of dzungar A. Alekseev; **P.A. Iskenderov.** The Albanian Uprising of 1908—1912. In the context of the formation of Albanian statehood. **Diplomacy in history:** **I.A. Petrov.** Hyderabad During the British Raj in India. **Debatable issues:** **Choi Jung-Hyun.** On the little-known prince in the history of Severskya zemlya of Kievan Rus at the ending of 12th-beginning of 13th centuries. **History and fate:** **K.B. Nazarenko, M.A. Smirnova.** Unknown chronicler of Russian Guard V.S. Savonko. **People. Events. Facts:** **N.V. Chernysheva.** Sanitary Epidemiological situation in the Kirov region in the Great Patriotic War; **K.G. Magomedsalikhov.** The Soviet Modernization in Daghestan (1917th — 1940s); **L.A. Dashkevich.** Ural plants in terms of sanctions (Nizhny Tagil district Demidov beginning of the early XIX century); **N.P. Parfentiev, N.V. Parfentieva.** The image of the supreme power and Muscovy in musical hymnographic creativity of Ivan the Terrible; **R.E. Agayev.** Resettlement policy of the Arab Caliphate in Azerbaijan.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 8, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.07.2017. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 3933-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru